

HARLEQUIN®

RETURN
of the
Border
WARRIOR

BLYTHE GIFFORD

◆ The Brunson Clan ◆

Джон, сын вождя приграничного клана Брансонов, спустя много лет вернулся домой, чтобы заставить свою семью подчиниться приказу короля и остановить кровную месть. Чтобы добиться цели, он должен склонить на свою сторону Кейт Гилнок, женщину из союзного клана, за которую его семья поклялась отомстить. Однако красавица, за воинственностью которой скрывается боль, отказывается ему уступать...

Блайт Гиффорд

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРИГРАНИЧНОГО ВОИНА

Словно луна бесшумные,
Словно звезды надежные,
Как ветер над пустошью сильные,
Упрямые и непримиримые.
Так говорят о племени Брансонов,
О потомках кареглазого викинга.

Эхо баллад так долго разносилось по холмам вдоль границ, что его принимали за шепот ветра. Спустя годы, когда их герои давно покинули этот мир, люди забыли, кто и когда их сочинил. Остался только отголосок старинных легенд, тонкий и легкий, как аромат вереска.

Но когда-то давно песни были совсем новыми, а их герои были живы и молоды.

Глава 1

*Средняя марка, Шотландская граница.
Конец лета 1528 года.*

Случилась беда. Каким-то образом он почувствовал это даже на расстоянии.

Джон не видел громоздкую каменную башню фамильного замка десять лет. С тех самых пор, как его отправили ко двору юного короля. Теперь король вырос и отправил его домой с поручением.

Это поручение он собирался выполнить как можно быстрее, чтобы потом уехать и никогда больше не возвращаться.

Под лучами летнего солнца по траве стелились острые тени. Вдруг ветер переменялся, принося отголосок пронзительного скорбного плача.

Вот что он почувял. Смерть. Кто-то умер.

Но кто?

Джон взялся за поводья и подстегнул лошадь, размышляя об оставленной дома семье. Отец, старший брат, младшая сестра. Его мать умерла около года назад. Спасибо, что они удосужились известить об этом.

Увидеть хотелось только сестру.

Он не знал, кого они оплакивали — члена семьи или кого-то из других домочадцев, — но понесся галопом через долину, словно время его прибытия могло иметь значение.

У ворот его окликнул часовой, стоявший на страже на крепостной стене, словно в замке ожидали гостей. Он не узнал этого человека.

Его самого тоже никто не узнает.

Он снял свой блестящий шлем в знак того, что прибыл с дружескими намерениями, и подставил лицо приятному прохладному ветру.

— Это Джон Брансон. *Сэр* Джон Брансон, ибо король посвятил меня в рыцари. — Много лет и много миль он ждал момента, когда сможет произнести эти слова. — Скажи Рыжему Джорди, что его младший сын прибыл домой.

Скажи ему, что я не задержусь надолго.

Часовой стоял, опираясь о свою пику.

— Некому говорить. Рыжий Джорди Брансон умер.

И Джон замолчал, не сумев изобразить даже видимость грусти.

* * *

Джон или сэр Джон, но сразу его не пропустили. Люди, собравшиеся для бдения у тела покойного, оставили его ждать за воротами и послали за братом, чтобы тот подтвердил его личность. Джон их не осуждал. На границе иначе нельзя.

По правде говоря, в окружении короля доверия было не больше. Вот только при дворе люди не настолько открыто показывали свою подозрительность.

На крепостную стену вышел Роб — заросший щетиной, выше и шире в плечах, чем он помнил — и недоверчиво скрестил на груди руки. Джон вспотел под тяжелым доспехом. Не

за цвет волос брата прозвали Черным Робом, а за угрюмый характер. Его лоб бороздили глубокие морщины. Не потому ли, что он внезапно обнаружил себя новым вождем их приграничного клана?

— Говоришь, ты мой брат? — Даже Роб не узнавал его. Джону было двенадцать, когда почти полжизни назад он уехал из дома.

— Да. Ты видишь перед собой сына Рыжего Джорди.

— Ты можешь быть кем угодно, хоть Сторвиком. — Этот его пренебрежительный тон Джон хорошо помнил. И всегда ненавидел. — Что привело тебя сюда?

Он не спросил, что привело его *домой*, словно Джон потерял право называть замок Брансонов своим домом.

Но теперь все изменилось. Он не станет спрашивать разрешения или просить Роба о помощи. Теперь его черед указывать брату.

— Меня прислал король Яков, пятый по счету.

Его брат фыркнул.

— Его имя не пароль для прохода.

Приграничные жители не боялись молодого монарха, за которого пятнадцать лет правили регенты. Но Джон знал короля достаточно хорошо. Они еще заботятся, и скоро.

— Посмотри мне в глаза, и ты узнаешь меня. — Джонни Тряпка, так они его называли. Единственный Брансон с голубыми глазами.

— Если ты Брансон, то скажи, как звали твоего прапрапрадеда.

Он напряг память, но безрезультатно. Потом попробовал вспомнить балладу о Брансонах. В голове всплыли только первые строки.

Словно луна бесшумные,
Словно звезды надежные,
Как ветер над пустошью сильные.

Он почти ничего не знал о своем племени. И не хотел знать.

— Может, я и забыл имя прапрапрадеда, зато хорошо помню, как ты учил меня драться на мечах, Черный Роб. Твой клинок сделал осечку и оставил мне шрам на ребрах.

Некоторые придворные дамы находили этот шрам весьма привлекательным.

Роб не перестал хмуриться, однако кивнул охране, и ворота, поскрипывая, отворились.

Джон заехал внутрь. Оглядевшись по сторонам, он попытался оживить воспоминания. Не здесь ли они с Робом упражнялись с мечом и кинжалом? Не в этом ли углу они с сестрой прятали свои игрушки? Замок казался не более знакомым, чем любая из череды крепостей, в которых они с королем останавливались заночевать за эти годы.

И не более гостеприимным.

Во двор вышла стройная молодая женщина с распущенными рыжими волосами.

— Джонни?

Бесси. Хотя бы сестра узнала его. Ей было всего восемь, когда он уехал. Как все малыши, они дружили, объединившись против всего мира. Теперь она превратилась в настоящую женщину.

Он спрыгнул с лошади, и сестра бросилась ему на шею. Он тоже обнял ее и надолго прижал к себе, чтобы выгадать время, продлить иллюзию того, что ему рады.

— Ах, Джонни. Я всегда говорила, что ты вернешься.

Он отпустил ее и заглянул в глаза. Карие, как у всех Брансонов, кроме него самого, но сегодня покрасневшие от слез.

Он покачал головой.

— Я ненадолго, Бесси. — Он не останется. Ни за что. — Теперь я в свите короля и зовусь сэр Джон.

Роб спустился с парапета стены и без улыбки пожал ему руку.

— Нам надо поговорить, — начал было Джон. — Король хочет...

— Чего бы он там не хотел, сейчас я слушать не стану. Сперва мы проводим Рыжего Джорди в последний путь. Разговор подождет.

Так было всегда. Любая работа, любые дела замирали в «мертвые дни» перед похоронами.

Хотя у короля не было времени ждать, пока приграничные жители соблюдут все свои традиции, Джон смолчал и вслед за Бесси зашел в замок. Его тяжелые доспехи протестующе бряцали, пока они поднимались по лестнице в общий зал.

— Я нашла его в постели, — сказала Бесси, видимо полагая, что Джону не все равно, — после того, как он не спустился к завтраку. Он умер во сне, и никого не было рядом, чтобы услышать его последние слова. — Она говорила шепотом, словно боялась расплакаться, если заговорит громче. — Ушел, не успев ни с кем попрощаться. — Ее голос дрогнул. — Он казался таким умиротворенным, будто просто заснул.

— Позорная смерть для воина, — пробормотал Роб за его спиной.

У дверей в зал Бесси остановилась.

— Я должна обрядить его тело. — Еще раз быстро обняв Джона, она поспешила вверх по лестнице в покои, где умерший отец лежал, воспарив над ним точно злой ангел.

Хоть кто-то искренне скорбел о Джорди Брансоне.

Они вошли в переполненный людьми зал. В большом очаге напротив потрескивал огонь. Первым делом он обратил внимание на полудюжину воинов, собравшихся за столом, а потом уже принялся рассматривать остальных скорбящих.

— Это мой брат Джон, — объявил Роб, не позаботившись поставить перед его именем рыцарский титул или сообщить о том, что он прибыл не ради похорон.

Один за другим мужчины вставали из-за стола и приветствовали его. Закаленные междоусобицами и тяжелой жизнью, облаченные в стеганые шерстяные куртки и изношенные кожаные сапоги, они по очереди пожимали ему руку, оделяя своим доверием — просто потому, что он был Брансон. Никаких иных причин им не требовалось.

Последним поднялся узкоплечий воин, до того сидевший к нему спиной. Когда он повернулся лицом, Джон изумленно понял, что перед ним женщина.

В ее карих глазах не было той теплоты, с которой на него смотрели ее товарищи.

— Это Кейт, — сказал Роб. — А это ее люди, — прибавил он, будто это обстоятельство было таким же обыденным, как цветение вереска.

Она была высокая, худощавая, светловолосая, как тот кареглазый викинг, от которого по легенде произошли Брансоны. Острый нос, упрямый подбородок, запавшие будто от недоедания щеки — ни в ее лице, ни в теле не было и намека на женственность.

Женщина, которая отказывалась быть женщиной. Как ему вести себя с таким существом?

Он протянул ладонь для рукопожатия, но она отказалась принять его руку и

ограничилась коротким кивком. Он тоже кивнул, чувствуя себя задетым. Его рука неловко повисла вдоль тела. Потом его взгляд оторвался от ее глаз и невольно проследовал ниже, к грудям и бедрам. Он не нашел плавных линий. Сплошные острые углы. Мужчину этим не завлечь.

И, судя по всему, никто и не пытался.

— Вы тоже из Брансонов? — спросил он. Наверное, это какая-то давно забытая кузина.

Вздернув подбородок, она отрицательно тряхнула своими коротко остриженными волосами.

— Я Гилнок.

Гилноки приходились им дальними родственниками и вели свое происхождение от того же свирепого кареглазого норманна, что и Брансоны. То была единственная семья в приграничье, которая отличалась еще большей неспособностью прощать, чем его собственная.

— Теперь она живет под нашей крышей, — сказал Роб. Под защитой Брансонов. Словно какая-то сирота.

Быстрым жестом она распустила своих людей и подошла к Робу и Джону.

— Нам надо поговорить, Роб. — Тембр ее голоса удивил Джона, оказавшись более проникновенным и низким, более бархатистым, чем он ожидал. Будто она делилась секретами в ночной темноте. — Твой отец умер, не выполнив своего обещания. Что будет дальше?

— Он был не вашим отцом, — заметил Джон, гадая, о каком обещании идет речь. В ней было больше от Брансонов, чем в нем самом, словно она нацепила мужское платье, чтобы узурпировать его место.

— Он был моим вождем, — ответила она, не сводя взгляда с нового вождя клана. — И поклялся защищать мою семью.

— Брансоны дали тебе обещание, — сказал Роб с едва различимым гневом в голосе. — Оно будет выполнено.

В приграничье клятвы оставались в силе даже после смерти. При дворе их могли нарушить еще до обеда.

— Когда? — спросила она.

— После похорон, — ответил Роб. — До тех пор твое дело потерпит. — Он выразительно посмотрел на Джона. — Как и все прочие.

Перехватив его взгляд, Кейт повернулась к Джону.

— Вы приехали не из-за его смерти? — В ее оценивающем, готовом к осуждению взоре не было того тепла, которое он привык наблюдать в женских глазах. Она была холодна и сурова, совсем как его брат.

Роб мог сколько угодно требовать отложить разговор, но король, в отличие от его отца, был жив. И не отличался терпением.

— Я привез послание от короля.

— Ты хотел сказать, от его дядюшек, от его матери или же от его отчима? — Роб явно не горел желанием его слушать. Как и Кейт Гилнок.

Джон понимал, почему брат сомневается. Король Яков, шестью годами моложе Джона, был королем с самого рождения, однако до шестнадцати лет от его имени правили другие.

— Нет. Теперь он правит самостоятельно. Без чьей-либо помощи.

Они присели, молча обдумывая его слова.

— Право называться мужчиной надо заслужить, — наконец произнес Роб.

Кого он имел в виду? Короля или себя?

Губы Кейт изогнулись в усмешке.

— И что же за послание вы привезли от своего маленького короля? Наверняка что-то важное, раз уж на вас надета вся эта сбруя.

Вообще-то он гордился своими доспехами. Они производили впечатление на придворных красавиц.

— Он и ваш король тоже.

— Неужели? — Она пренебрежительно повела плечами. — Я никогда его не встречала и в верности ему не клялась. Безопасность мне обеспечивает моя семья и моя правая рука, а не ваш король.

— У него все еще впереди. — Джон старался не обращать внимания на странное сочетание презрения и соблазна в тягучем звучании ее голоса. — Король призывает наших людей поддержать его в войне против предателя, который два года держал его в заключении.

Когда-то этот предатель был законно назначенным регентом, но времена изменились.

Вскочив на ноги, Кейт опередила Роба с ответом.

— Так вот чего хочет этот недоросль? Вы зря гнали лошадь. Ради короля Файфа Брансоны не соберутся в поход. Но они выступят против Вилли Сторвика, чтобы отправить его в могилу и выполнить клятву Рыжего Джорди.

Интересно, чем этот Вилли заслужил такую ненависть? Впрочем, неважно. Обещание дал отец. Значит, его можно нарушить.

— Король требует, чтобы вы сражались с его врагами, а не друг с другом. Довольно совершать набеги, разбойничать и угонять скот. Я здесь, чтобы добиться исполнения его воли.

И чтобы оправдать свое место в его свите, мог бы прибавить он, если бы это имело для них значение.

— С тем же успехом он может потребовать от солнца перестать вставать по утрам. — Она скривила рот в подобии улыбки.

Произнеси такие слова мужчина, Джон ответил бы на его болтовню ударом кулака.

— Король желает...

— Король здесь не правит. — Голос Роба понизился и посуровел. На его лице проступило то самое выражение, которому он был обязан своим прозвищем. *Черный*. — Здесь правим мы.

Правильнее было бы сказать «здесь правлю я», ведь теперь именно брат возглавлял Брансонов.

Еще вчера решение принимал бы его отец.

— Надеюсь, ты не поклялся в преданности королю Англии?

— Я предан только своей семье, — ответил брат. — А ты?

Его путь и дорога его семьи разошлись много лет назад. Вернувшись, он еще раз убедился в этом.

— Мы все обязаны быть преданы трону. Шотландия должна быть единой, иначе она перестанет существовать как страна.

— Я ничем не обязана вашему королю. — Кейт пошла к дверям. — Уезжайте и передайте ему, чтобы нас оставили в покое.

Джон перевел взгляд на брата, ожидая его решения, но тот словно оцепенел. Как

старшего сына, Роба с малых лет готовили к роли главы семьи, однако в этот момент за его упрямым обликом проглядывала неуверенность.

Слишком долго приграничные жители ставили себя выше королей.

Впрочем, сейчас не лучшее время, чтобы заставлять скорбящего сына выбирать между обещанием отца и приказом короля.

Но если Кейт освободит Роба от необходимости выполнять обещание, это упростит ему выбор. В этом случае Джону придется бороться только с упрямством брата, а не с тенью покойника. Ради того, чтобы люди Брансонов выдвинулись на восток на помощь королю, Кейт Гилнок придется отступить.

Джон заставит ее. И быстро. Король ожидает Брансонов не позднее первых морозов.

* * *

Когда подали напитки, люди принялись обмениваться историями о лучших временах Рыжего Джорди. И о худших тоже.

Не желая делить с ними смех и слезы, которые он был неспособен пролить, Джон вышел из зала в поисках места, где можно было бы сложить оружие и амуницию.

Миновав этаж, где лежало тело его отца, он поднялся в спальню на верхнем ярусе. Из соображений секретности и спешки он приехал один, не взяв с собой даже оруженосца, поэтому с доспехом пришлось мучиться в одиночку.

Просить брата о помощи он, разумеется, не стал и вместо этого крепко задумался о проблеме с Кейт Гилнок.

До окончания бдения и похорон он оставит Роба с его скорбью в покое и сосредоточит усилия на том, чтобы обаять эту женщину. К тому времени, как отец упокоится в земле, она будет готова отменить любое данное ей обещание.

Он никогда не встречал женщину с таким поведением и внешностью, но внутри она — Джон в этом не сомневался — была такая же, как все остальные. При правильном обращении ее можно укротить.

Как и его брат, она едва ли способна прислушаться к доводам разума. Однако есть и другие способы.

Семья еще может ему воспротивиться. Но женщина? Никогда. Он умел обольщать их, знал, как преодолеть их жеманное сопротивление, как добиться улыбки или же поцелуя. Король не меньше его увлекался дамами. Джон даже научил юношу некоторым приемам, но, откровенно говоря, в любовных делах королю был не нужен наставник.

Он поспешил вниз по лестнице, чтобы найти ее. На его губах заиграла улыбка. Вне всякого сомнения, мужчины никогда не ухаживали за Кейт Гилнок, учитывая ее манеру вести себя. Несколько галантных слов, обаятельная улыбка — и она освободит Роба от любого дурацкого обещания.

И люди Брансонов отправятся на помощь его королю.

* * *

Кейт едва удержалась, чтобы не сорваться на бег, пока спускалась по лестнице, но

заставила себя замедлить шаг. Трудности нужно встречать лицом, а не убегать.

Страх только подстегивает их.

Но этот, с его гладкими речами и рыцарскими доспехами, этот напугал ее как никто другой за долгое время. Не тем, что был способен осквернить ее тело. Больше ни одному мужчине не удастся этого сделать.

А если даже удастся, она запретит себе чувствовать боль.

Нет. Ее насторожило осуждение, которое она заметила в его глазах, порицавших ее за то, что она соорудила вокруг своей жизни броню, такую же грубую и прочную, как ее стеганный дублет с защитными в ткань кусочками стали.

Если он узнает правду, все станет еще хуже.

Она дошла до конюшен, где на время похорон оставила своего пса. Обычно Смелычак не отходил от нее ни на шаг, помогая контролировать страх, но держать пса в доме с покойником было рискованно. Его могут убить, если он подберется к телу слишком близко.

Пусть только попробуют. Сначала им придется убить ее.

Увидев ее, Смелычак завилял хвостом и принялся ее обнюхивать. На этот раз дольше обычного, ибо он уловил незнакомый запах.

— Ты учуял нового Брансона, — пробормотала она, почесывая у пса между ушами. Брансона, угрожавшего разрушить ее броню. — Покусай его, когда увидишь.

Запоминая новый запах, пес долго не поднимал морду. Она обняла зверя за шею и зарылась лицом в его рыжеватую шерсть. Она не плакала, нет, но это существо было единственным, от кого она не таила своей боли.

Мужчины принимали ее такой, как есть. Храбрая Кейт — так они ее называли. И пусть она не была в полной мере их боевым товарищем, никто не смотрел на нее как на женщину. Эта часть ее личности умерла, и никому не позволено пытаться ее воскресить.

Особенно голубоглазому Брансону.

С решительным выражением на лице она подняла голову.

Кроме пса, никто не увидит ее печали.

* * *

Джон застал ее на внутреннем дворе за совершенно неженским занятием: сражаясь со своей тенью, она размахивала мечом в тусклых лучах послеполуденного солнца.

Некоторое время он озадаченно наблюдал за нею с порога. Она была стройная и сильная. Все ее тело, все мускулы, казалось, были подчинены ее воле. Она явно не впервые взялась за меч. Чтобы удержать оружие размером в половину ее роста, даже мужчине потребовалось бы приложить усилие обеих рук.

Что она за женщина, если на такое способна?

Он извлек из ножен кинжал и, осторожно ступая, двинулся в ее сторону. Кинжал, конечно, не чета мечу, однако можно не сомневаться, что узрев перед собой вооруженного мужчину, она сконфузится и уступит ему.

Почуяв его шаги, она развернулась прежде, чем он успел приблизиться на расстояние меча. Джон поднял кинжал, и они скрестили оружие.

— Сдаетесь? — с улыбкой спросил он.

Легким ударом она отвела его кинжал в сторону.

— Никогда. — А потом ее губы сжались, глаза сузились, и она приставила меч к его груди, точно приготовившись уколоть.

Или пронзить насквозь.

Он крепче схватился за кинжал и отступил назад, жалея, что снял доспехи. Они закружили по двору. Обороняясь, Джон парировал ее выпады, испытывая одновременно раздражение и азарт. Он учился драться на этом самом дворе и учился прилежно, ибо это было вопросом жизни и смерти, а потом отточил свой стиль возле короля, взявшегося за меч в тринадцать лет.

Тренируясь в паре с Яковом у одного и того же наставника, он научился обращаться с оружием с особой стремительной элегантностью, которая позволяла его царственному оппоненту повышать свои навыки, не опасаясь пораниться.

Даже с неудобным оружием в руках он в состоянии без ущерба играть с этой женщиной, пока она не опустит меч.

Но она, не знакомая с этими правилами, орудовала мечом с целенаправленностью воина, который верхом на пони выступал против вооруженного пикой врага. В ее атаках сквозила непримиримость, даже страсть, отчего кровь забурлила у него в жилах.

И прилила к его чреслам.

Успев отскочить, он чудом избежал укола. Не время отвлекаться. Вместо игривого состязания он столкнулся с настоящим сопротивлением.

Он высоко замахнулся кинжалом, но она развернулась и заблокировала удар. Умное решение, однако двуручный меч удержать было нелегко, и когда она опустила оружие, ее руки дрожали.

Пользуясь ее усталостью, он начал новую атаку. Их клинки снова скрестились. Теперь он не сдерживал силы. Ее хватка оставалась крепка, но он сумел отвести ее меч в сторону и подошел к ней вплотную, почти ощущая, как вздымается и опадает ее грудь.

Подошел настолько близко, что его мысли смешались. Отвлечшись от поединка, он вдруг понял, что под курткой и туникой у нее имеются груди. Он увидел вблизи ее лицо, угловатое, четко вылепленное, резкое, как ее меч. И густые ресницы, обрамлявшие карие глаза, в которых пряталась ненависть.

— А теперь сдаетесь?

Тяжело дыша, она отрицательно покачала головой. Ее приоткрытый рот искушал его. В конце концов, она всего лишь женщина. Поцелуем можно добиться большего, чем поединком.

Он отвел ее меч пониже, привлек к себе и прильнул к ее губам.

Она не сопротивлялась всего мгновение, не больше.

Но этого мгновения хватило, чтобы он потерял голову и позабыл об оружии в ее руках, замечая перед собой одну только женщину, чувствуя мягкие груди у своего торса, вдыхая аромат вереска...

Внезапно ее тело напряглось, стало твердым как сталь. Она отпрянула, но не отняла губы, и он решил, что она дразнит его.

Ощувив у горла острие ножа, он понял, что ошибался.

— Пустите меня, — проговорила она. Ее губы были так близко, что касались его собственных. — Или я брошу вас истекать кровью, клянусь.

Он разжал руки. Отпихнув его, она вытерла рот и сплюнула на землю.

Он потрогал царапину на шее. Спасибо, что не до крови.

Ее глаза, вопреки его ожиданиям, не смягчились от удовольствия, а сузились, заискрились яростью.

— Не надо так смотреть, — выдавил он, пытаясь улыбнуться. — Перед вами Брансон, а не Сторвик.

Она воздела в воздух оба своих оружия. Меч слегка вибрировал в ее руке.

— Передо мной мужчина, который потворствует своим желанием, думая, будто со мной можно не считаться.

Ее голос казался ему чувственным? Этого не было и в помине.

Изогнув бровь, он развел руки в стороны и отвесил поклон.

— Тысяча извинений.

Лицемерные слова, как и чувства за ними. Она нахмурилась.

— Вы здесь чужак, и ничего не знаете. Раз уж вы Брансон, я сохраню вам жизнь, но предупреждаю: больше не смейте так делать. Никогда.

Она медленно опустила меч.

Вы здесь чужак. Она взяла над ним верх в поединке, заняла его место за семейным столом, будто именно она была здесь истинным Брансоном. Он ощутил прилив злости.

— А если посмею?

Ее клинок взметнулся вверх и на этот раз оказался приставлен не к горлу, а меж его ног.

— А если посмеете, вам больше не придется ложиться в постель с женщиной.

Он осторожно сплотнул. Его тело горело огнем. Все потому, что она бросила ему вызов. Другой причины нет и быть не может. Ни один мужчина не захочет такую девицу.

— Вам не о чем волноваться, Кейти Гилнок, — сказал он, краснея от гнева. — Когда в следующий раз я соберусь уложить в постель женщину, ею точно будете не вы.

* * *

Кейт смотрела ему вслед, стараясь держать клинок ровно. И только после того, как он скрылся в дверях замка, выронила меч и поднесла пальцы к губам.

Он осмелился поцеловать ее. На секунду она ощутила то, что почувствовала бы на ее месте любая другая женщина. То, что по ее убеждению, она была неспособна почувствовать.

После набега, после гибели ее отца, после... всего остального на нее снизошло милосердное оцепенение. Месяцами она жила словно в тумане. Бывали дни, когда она была способна воспринимать только прикосновение собачьего носа, утиравшего слезы, которые она проливали, сама того не замечая.

Потом оцепенение прошло, уступив место страху.

Мало-помалу она переборола и страх. Кирпич за кирпичиком возвела между ним и собой стену.

Теперь никто не задавался вопросом, почему она не похожа на других женщин. Никто, кроме Джонни Брансона. Его беспечная улыбка стала жестоким напоминанием о задушенных ею сомнениях. О сожалениях, которые она подавила. Под его взглядом ее вновь начали одолевать мысли о том, какой она была прежде. Какой она никогда не станет. Воспоминания, которые она стремилась забыть, возвратились. Как и вопросы, которые она не желала слышать — ни от кого.

Вопросы, на которые она никогда не даст ответа.

Она отнесла меч обратно в оружейную и принялась полировать клинок, оттягивая момент, когда придется вернуться на поминки и столкнуться с ним снова.

Противостояние с Джонни Брансоном будет недолгим. Скоро он поймет, что чужаки не вправе диктовать жителям приграничья, с кем им сражаться. Здесьним людям нет дела до королевских капризов.

Кейт знала, с кем будет сражаться она сама. С Вилли Сторвиком. Она будет преследовать его до тех пор, пока он не упадет хладным трупом на землю. И не за то, что он сделал с ее отцом, хотя многие считали, что причина именно в этом.

За то, что он сотворил с ней.

Кейт вернулась в зал и, не удостоив его даже взглядом, села рядом со своими людьми у очага.

Бдение продолжалось. Незнакомые Джону люди то и дело уходили со своих мест и поднимались в комнату покойного, которого до погребения нельзя было оставлять одного. Вскоре и Джону придется взглянуть умершему отцу в лицо, зная, что его незрячие глаза никогда не увидят эмблему в виде чертополоха — символ королевского отличия, который он с гордостью носил на груди.

На границе никому не было до этого дела. Даже девице Гилнок.

По правде говоря, он не планировал целовать ее, но когда она отказалась сдаться, когда сцепилась с ним взглядом, таким же сильным, как ее меч, он почувствовал... возбуждение. Он не ожидал от нее ничего, кроме стальной холодности. Но ее тонкие губы оказались теплыми и манящими...

А потом отвергли его.

Возможно, она не собиралась бросать ему вызов, но его тело истолковало все именно так.

Женщины не отказывали Джонни Брансону.

Он смотрел, как она восседает в окружении воинов, и пытался ее разгадать. Льняные волосы обрамляли ее лицо с чертами резкими, жесткими, как и ее характер. По крайней мере, такой она казалась ему поначалу. Пока он не почувствовал прикосновение ее груди к своему торсу и не увидел размах ее густых ресниц.

Он подавил фантазии о хриплом смехе между смятыми простынями.

Сама она не делилась рассказами о его отце, но внимательно слушала других и смеялась вместе со всеми. В этом, по крайней мере, она вела себя, как обычная женщина. Такая же изменчивая, как все. Нужно только понять, как ее изменить.

Мужчины, сидевшие за одним столом с Джоном, обменивались воспоминаниями о том, как сопровождали Рыжего Джорди во время рейдов, как воровали стада Сторвиков, как те отбивали своих коров и теряли их снова, и клялись совершить еще много набегов в память о Джорди.

Джон с ними не спорил. Теперь Черный Роб будет решать, когда они отправятся в очередной рейд, если отправятся вообще. Но не стоит раньше времени заставлять его делать выбор.

Когда он опять оглянулся на Кейт, ее не оказалось на месте.

— Ты посидишь с отцом?

Он повернулся на мягкий голос сестры. Рядом с нею стоял брат, и у обоих на лицах была скорбь.

— У его постели должен быть член семьи — сказал Роб, как будто Джон не приходился им родственником.

— Прощу тебя, Роб. — В тихом голосе Бесси прозвучала усталость.

Он посмотрел брату в глаза, и они как в детстве схлестнулись взглядами.

— Я такой же его сын, как и ты. — По крайней мере, так он говорил себе, когда его одолевали сомнения. — Сейчас моя очередь.

Джон встал. Ничего не поделаешь. Он обязан с ним попрощаться.

В одиночестве он поднялся наверх и остановился у приоткрытой двери в комнату, где лежало тело отца. На сундуке возле очага мерцала свеча, оставленная гореть всю ночь до утра.

В ногах кровати, опустив голову, сидела Кейт Гилнок, словно это она была членом семьи и имела право дежурить у постели покойного.

Гнев толкнул его через порог и потребовал выгнать ее с его места. Брат, сестра, товарищи Рыжего Джорди — все они были ближе отцу, чем младший сын. Джон с этим не спорил.

Но эта женщина... Она была посторонняя.

— С ним посижу я. Один, — холодно произнес он.

Не сразу узнав его, она вздрогнула и схватилась за нож.

— Если вы не уважаете его клятву, то нечего вам тут делать.

Он был уязвлен, но сдержался и повторил:

— Один.

Молча опустив нож, она вышла.

Отец лежал, завернутый в саван, за приспущенным пологом кровати. Джон не представлял, как его нежная, волоокая сестра нашла в себе силы обрядить тело для похорон. Но вот отец лежал перед ним, и даже после смерти его лицо оставалось таким же жестоким, как в его воспоминаниях.

Он шагнул вперед, не зная, что должен делать. Отдать дань уважения? Помолиться о его душе, чем наверное занималась Кейт, когда он вошел? Или испугаться, что в комнате витает мстительный дух покойника? Он должен почувствовать... хоть что-то.

Он не почувствовал ничего. Как будто стоял в пустой комнате.

Невозможно соотнести это мертвое тело с его отцом — сильным, немногословным, непоколебимым. У него никогда не находилось времени на младшего сына, за исключением редких моментов, когда он учил Джона обращаться с мечом. Все внимание старик отдавал своему первенцу, в то время как Джона выбросили из гнезда и отправили королю, скучая о нем не больше, чем о корове или овце, которая отбилась от стада.

И ни единой весточки за эти десять лет, кроме сообщения о смерти матери, словно покинув землю Брансонов, Джон перестал существовать.

И вот он вернулся, а его отец оказался мертв, хотя для Джона он умер еще десять лет назад.

Подойдя на шаг ближе, он ощутил, как от внезапно нахлынувшего горя подкосились колени, и, пошатнувшись, ухватился за столбик кровати. Он думал, что только Роб нуждается во времени, чтобы преодолеть скорбь и смириться со смертью отца, прежде чем взвалить на свои плечи бремя главы семьи.

Теперь ему открылась правда. Это для него все произошло слишком рано. Слишком рано, чтобы принять мысль, что отца больше нет. Слишком рано, чтобы расстаться с надеждой, которая зародилась в нем, когда он пересекал холмы, гордый за свое рыцарское облачение. С надеждой на то, что их отношения, наконец, наладятся.

Слишком поздно. Налаживать отношения придется теперь с братом, если такое вообще возможно.

Он ощутил позади себя колебание воздуха. Комната больше не была пустой.

— Когда вы в последний раз его видели? — Голос Кейт.

Не оборачиваясь, он заговорил, вспоминая:

— Мне было двенадцать. Он отправил меня в Эдинбург, выдав охрану, достаточную для того, чтобы благополучно добраться до города. Мы доехали до реки, перешли на другой берег, я обернулся, чтобы помахать...

Но отец уже ушел с парапета башни — и из его жизни.

Он выпрямился и отвернулся от лежащего на кровати тела. Примирения не будет.

— В последний раз я видел его десять лет назад.

Черты ее лица смягчились в тусклом мерцании свечи, и на мгновение ему показалось, что она поняла его чувства. Или то была обычная жалость к человеку, которому не нашлось места в собственной семье?

Он рассердился. Это ей тут не место. Это *она* не имеет права сидеть у смертного ложа.

— Почему вы молились над телом моего отца, будто он ваш близкий родич? У вас нет своего?

— Он мертв, как и ваш. — Произнесенные шепотом слова обнажили ее уязвимость. — Погиб от руки Вилли Сторвика.

Вот оно что. Теперь он понял.

— Поэтому вы взялись за меч и поклялись отомстить.

Она не ответила. Встретившись с ней взглядом, он не нашел в ее глазах мягкости. Перед ним снова стоял воин.

— И ваш король не получит наших людей, пока дело не будет сделано.

От ее слов его обдало холодом, а после бросило в жар от гнева. Эта упрямая женщина была его врагом, таким же, как Сторвики, живущие по ту сторону границы.

— Получит. Иначе вы пожалеете.

Она фыркнула.

— Я не боюсь вашего короля.

— Я имею в виду не короля.

Ее глаза распахнулись, и он тотчас пожалел о своей угрозе. Ее неуступчивость ломала все его планы переубедить ее с помощью обаяния.

Он наклонился к ней, на этот раз и не думая целовать.

— Но королю тоже знакомо чувство мести. Потому он и хочет уничтожить того, кто держал его в плену.

— Если ему знакомо чувство мести, то он поймет, зачем мне требуется время.

— Не поймет, если ваша месть станет мешать его планам.

Он хотел взять над ней верх сейчас, раз уж во время поединка не вышло.

— Теперь вы живете среди Брансонов, а значит поступите, как мы скажем. Король получит подмогу. Я прослежу за этим.

— Джонни! — На пороге стояла Бесси. В ее возгласе прозвучало неодобрение.

Сколько времени она стоит там, тихо, как призрак, наблюдая за ними?

Что она видела?

Она не дождалась его ответа.

— Ты устал с дороги. Отдохни. Я посижу с ним.

Он молча вышел, не оглянувшись, чтобы бросить последний взгляд на кровать.

Или на Кейт Гилнок.

— Ты присматриваешь за своим псом? — Бесси передвигалась настолько бесшумно, что своим появлением всякий раз заставляла ее врасплох.

— Я привязала его, — ответила Кейт, опускаясь на табурет. — На конюшне.

— Жаль, что вам пришлось разлучиться.

Кейт моргнула в немом удивлении. Она-то думала, что обманула их всех, что они воспринимают Смелычака как простую собаку, от которой, кроме умения вести по следу, нет особого прока.

Бесси поставила табурет возле Кейт и села, спрятав лицо в ладонях в жесте печали, а может крайнего утомления.

Кейт дотронулась до ее плеча, не зная, чем помочь.

— Тебе что-нибудь принести?

Не отнимая рук от лица, Бесси покачала головой.

— Все равно они всю ночь будут приходить и уходить. — Ее голос был тих. Потом она выпрямилась и расправила плечи, овладевая собой и при этом сделавшись так похожа на брата, что Кейт моргнула. — Я отдохну позже.

От такой женщины, как Бесси, не отказался бы ни один мужчина. Скромная и непорочная, миролюбивая и спокойная, она смотрела на мир широко открытыми глазами, словно точно знала, в чем ее доля, и была полностью ею удовлетворена.

Но, несмотря на то, что они два года делили одну комнату и спали в одной кровати, Кейт больше ничего о ней не знала.

— Твой брат не такой, как все. — Он угрожал разрушить ее броню, служившую ей столь надежно.

Бесси кивнула, не уточняя, о котором брате идет речь.

— В детстве мы с ним дружили.

Неудивительно, ведь они были очень похожи: оба худощавые, с рыжеватыми волосами — в отличие от Роба, который унаследовал внешность их матери.

Бесси улыбнулась, прогоняя печаль.

— Мы называли его Джонни Тряпка.

— Тряпка? Почему? — Даже в детстве этот сердитый мужчина едва ли был тряпкой.

— Из-за цвета глаз.

— А. — Старая ткань была такого же мягкого серо-голубого оттенка, как и глаза Джона Брансона. — Наверное, он страшно бесился.

— О да. — Бесси кивнула.

Кейт покачала головой, не представляя этого сильного рыцаря юным.

— Я совсем не помню его.

— Наверняка ты видела его хотя бы раз.

— Когда? — Ей было не больше десяти лет, когда его отправили ко двору, а Бесси была и того младше.

— На свадьбе. Может, за год до его отъезда. Не помню, кто именно женился, но на праздник приехали все.

Она напрягла память, и в ее сознании всплыло смутное воспоминание о том дне и о двоих мальчишках, бегающих с мечами во дворе. На стороне того, что повыше — очевидно, это был Роб, — был перевес, но Джон не сдавался, бился изо всех сил и даже сердился на брата за то, что тот сдерживает себя.

— Это было так давно. — Смешливая девятилетняя девочка, которая ничего не знала об

ужасах окружающего мира и тоже мечтала однажды пойти под венец, осталась в прошлом. — Я и забыла.

— Он всегда был не таким, как все. — Бесси кивнула в сторону постели, на которой лежал ее отец. — Даже тогда.

Кейт покачала головой. Возможно, теперь Бесси не слишком хорошо знает своего брата. — Да нет. Он такой же.

Он был мужчиной. Из тех, чьим первым побуждением было навязать ей поцелуй.

* * *

Когда Джон вернулся в зал, огонь в очаге почти угас, разговоры затихли, а кое-кто из гостей дремал за столом. Он взял кружку с питьем и ломоть сыра. Простая, приземленная пища. Его первая трапеза за день.

На каменной скамье в нише окна в одиночестве сидел Роб. Когда Джон присел рядом, он не шевельнулся и не произнес ни слова.

Джон сам не знал, что побудило его подойти к молчуну-брату. Наверное, осознание факта, что отца больше нет. Триумфального возвращения в лоно семьи, о котором он столько мечтал, не получилось. Примирения не будет.

Король, вот у кого ему стоит искать благосклонности. Только не у родных, которые отвергли его и никогда не примут обратно.

Его отец, Кейт, его брат. Все они осуждали, презирали его. Но король оценит его по достоинству — когда Джон приведет триста воинов Брансонов ему на подмогу.

Кейт вернулась в зал, и следующий человек встал, чтобы заступить на дежурство в покоях умершего. Эта упрямая женщина, которая твердо настроилась воспротивиться королевской воле, прочно засела в его мыслях, вытеснив все остальное: отца, короля, его миссию.

Она совершенно не походила на придворных дам. Все они, даже замужние, были готовы по первому зову задрать юбки, чтобы попасть в постель к приближенному короля.

— А она с норовом, да? — сказал он Робу, кивая в ее сторону.

— Кто, Кейт? — Роб пожал плечами. — Да, наверное.

Джон прихлебнул из кружки в ожидании продолжения. Брат молчал.

Он стиснул зубы. При дворе молчать было не принято. Там царила извечная болтовня, пусть разговоры и были пустыми, фальшивыми.

Он задал еще вопрос:

— Не знаешь, почему?

Брат снова неопределенно пожал плечами.

— Не мое дело рассказывать.

— Не твое дело рассказывать, или не мое дело знать? — Роб что-то недоговаривает? И не угадаешь, с его-то немногословностью.

Повернувшись к нему, Роб смерил его красноречивым, с детства знакомым взглядом — *малыш Джонни Тряпка*.

— Сторвики убили ее отца. По-твоему, она должна прыгать от радости?

— Нет, — ответил он, не желая уступать. — Но и не одеваться в мужское платье и не разгуливать с мечом.

Роб ничего не ответил. На его лице застыла скорбь. Он только что потерял отца. И у него тоже не было повода прыгать от радости. И если Джон раньше времени начнет настаивать на своем, он не согласится отправить подкрепление королю.

— У нее нет матери? — спросил Джон, нарушая молчание.

— Умерла. Задолго до отца.

— Братья? Сестры?

Роб покачал головой.

Потеряв свою семью, она решила присвоить его собственную. Что ж. Пусть забирает, не жалко.

— Когда это произошло? — Брат словно получал удовольствие от того, что из него приходилось клещами вытягивать каждое слово. — Когда убили ее отца?

— Два года назад.

Прошло больше времени, чем он думал. Более чем достаточно, чтобы ее рана затянулась.

— Как это случилось?

Роб вздохнул, очевидно понимая, что Джон не отстанет с расспросами, пока не услышит ответ.

— Она мало что рассказала. Стояло лето, как сейчас. Они были в горах, перегоняли стадо. На них напал Вилли. Убил всех, кроме Кейт. Угнал скот.

Убил всех. В приграничье так было не принято. Однако, следуя неписанному закону, он пощадил женщину.

— Что же вы не послали за ним погоню?

— Мы узнали обо всем неделями позже.

— Почему?

— Она пришла не сразу. Сперва похоронила отца и всех остальных.

Джон снова взглянул на Кейт. Эта женщина едва могла удержать клинок вертикально. Каких же душевных и физических сил ей это стоило?

— А потом?

— Мы пытались до него добраться, — огрызнулся Роб, будто Джон обвинял его в попытке уклониться от долга. — Но Сторвик все отрицал, и смотритель марки со стороны англичан не стал призывать его к суду.

В приграничье действовали свои законы, и за их соблюдением с обеих сторон границы следили назначенные королями смотрители.

— Даже если бы его судили, — продолжал Роб, — все равно у нее не было доказательств. Только ее слово против его.

— Значит, отец пообещал восстановить справедливость, раз в этом не преуспели смотрители. — Неожиданно он понял, как привлечь Роба и всех остальных на сторону короля. — Король назначил нового смотрителя от Шотландии. — Он наклонился вперед. — Я привез бумагу о его назначении. Этот человек заставит Сторвика ответить.

Роб фыркнул.

— Все они одинаковы. Что шотландцы, что англичане.

— Только не он. — Джон старался говорить уверенно, хотя почти не знал этого человека. — Ты обязан предоставить ему возможность проявить себя.

— Я обязан? — почти закричал Роб. — Сначала ты уезжаешь от нас, потом возвращаешься и диктуешь мне, что я обязан делать?

— Я уехал не по своей воле. Меня отослал отец. — Он понизил голос, надеясь, что Роб последует его примеру.

Но тот и не подумал говорить тише.

— Пусть так, но что-то я не заметил, чтобы ты торопился вернуться после того, как тебе стукнуло двадцать один.

— Меня не приглашали.

— Чтобы вернуться домой, не нужно ждать приглашения, Джонни. — Каждое его слово дышало высокомерием.

— Нужно, с учетом того, как меня встретили. — Он заметил, что разговоры в зале прекратились.

— Чему ты удивляешься? С момента своего приезда ты только и ноешь о том, что Брансоны обязаны помочь твоему драгоценному королю. Мог бы, по крайней мере, не оскорблять память отца до похорон.

Его надежды на то, что Роб примет правильное решение, стремительно рушились.

— У нас мало времени. Король ждет подмоги в Восточном Лотиане не позднее середины октября.

В глазах Роба установилась решимость. Он встал.

— Знаешь, что, Джонни. *Мой* отец намного важнее *твоего* короля. Придется вам с ним подождать моего решения, пока мы не похороним Рыжего Джорди.

Развернувшись к нему спиной, Роб вышел из зала.

И когда Джон поднял голову, он увидел, что на него в безмолвии смотрят все. Включая Кейт Гилнок.

Не годится этот день для похорон, подумал Джон, когда наутро они собрались за стенами замка под лучами яркого летнего солнца.

Похоронную процессию возглавляла Бесси, как сделала бы их мать, будь она жива. В немом благоговении Джон смотрел на сестру, безропотно принявшую на свои плечи еще одну ношу. Из восьмилетней девочки, какой он ее запомнил, она превратилась в женщину, которая, казалось, успела познать все тяготы жизни и примириться с ними.

Брат подошел к гробу, готовясь поднять его на плечо. Джон вышел следом.

— У меня уже есть пятеро желающих, — буркнул Роб.

— И ни один из них не приходится ему сыном. — Джон остановил этих пятерых взглядом. Пусть отец отослал его из семьи, но то была его роль, его право.

Его долг.

Не дожидаясь одобрения Черного Роба, мужчины отошли, признавая справедливость его притязаний.

Он встал напротив брата, и по кивку Роба они подняли гроб на плечи.

Бесси вела их на кладбище, вполголоса выводя печальный мотив без слов. Чуть позади, готовая оказать его сестре помощь, если та вдруг ослабнет, держалась Кейт. Коротко остриженная, одетая в свободные штаны и сапоги до колен, она походила на мальчишку.

Гроб тяжело давил на его плечи, пока они приноравливались к шагу друг друга. Крепко сцепившись в крышку обеими руками, Джон чувствовал, как вес умершего отца тянет его к земле. Но он удержался от того, чтобы первым попросить об отдыхе, и за милую, что отделяла замок от кладбища, они сделали перерыв всего раз.

Семейное кладбище Брансонов лежало с подветренной стороны холма возле заброшенной церкви. Могила была уже подготовлена рядом с местом, где была похоронена его мать. Осталось только достать тело из гроба и опустить его на веревках в яму.

Святые отцы, молитвы, возложение рук, погребальные обряды — всего этого они были лишены с тех пор, как несколько лет назад архиепископ Глазго проклял приграничных рейдеров и отлучил их от церкви.

Священник ушел.

Брансоны остались.

Вот и все. Сейчас отец обретет последний приют рядом со своими предками. Ляжет в землю, на которой родился и жил. Наверное, так оно и правильно, подумал Джон, когда они опускали тело в могилу.

Он обвел взглядом долину, которую так любил отец. Серые тучи, скопившиеся над холмами, заслонили солнце, и его душу кольнуло непрощенное, давно забытое чувство. Как и все они, он тоже был плоть от плоти этой земли.

Но теперь он чувствовал себя чужаком. Брат и его товарищи не заблудятся здесь даже безлунной ночью. Для него же родная земля стала подобна женщине, которую он не успел познать. Плавные изгибы манили, но он не знал, как ее тело отзовется на его ласки. Он еще не нашел ее сокровенных мест.

Джон невольно перевел взгляд на Кейт. Что же скрывается за ее маской? Она напоминала ему обо всех проблемах, с которыми он столкнулся: о семье, которая его отвергла, о ставшей незнакомой земле, о непривычном ему образе жизни.

И все же в ней было нечто такое, что притягивало его, искушало проникнуть под ее защитный покров и раскрыть ее тайны. И одновременно наполняло его душу печалью, заставляя ощутить горечь утраты.

Он услышал знакомый с детства мотив. Бесси и Роб, соединив голоса, запели балладу о Брансонах, рассказывая историю их позабытого предка, память о котором сохранилась лишь в строках песни.

Старую быль мы хотим рассказать
Про викинга, брошенного умирать.
Первого Брансона на смерть обрекли,
Оставили в поле с раной в груди.
Всеми забыт, он не умер от ран,
Выжить сумел и возглавил наш клан.

Когда была исполнена последняя из многочисленных баллад о Брансонах, Роб вышел вперед и дальше запел один.

О Брансоне Рыжем исполню я песнь,
Рейдером истинным был он и есть.
Надежнее муж не рождался на свет,
Был предан до смерти и будет вовек.

Последняя нота оборвалась, и песня закончилась. Отец упокоился с миром, и на его место заступил наследник. Преданность. О какой преданности пел Роб — королю или своему роду?

Или он пока не определился с выбором?

Еще более медленным шагом они побрели обратно в замок. Роб и Бесси, поддерживая друг друга, шли впереди всех, готовые встретить лицом к лицу новую жизнь.

Жизнь, в которой ему не было места.

Справа от него шла Кейт. Глаза ее были сухими, но сквозь печаль в них продолжала гореть жажда мести — ярче, чем в голубых или карих глазах Брансонов.

Нет, Роб не уступит ему, просто *не сможет*, пока Кейт будет настаивать на исполнении клятвы отца.

Но женщины непостоянны. Мать короля и та союзничала то с англичанами, то с французами, то с шотландцами, с одинаковой легкостью меняя стороны и мужей. Кейт тоже не устоит, если подобрать к ней правильный подход.

Осталось только придумать, какой.

* * *

Вчера помещение зала было наполнено шумом разговоров, смеха и слез. Сегодня гости разъехались. Остались только люди Роба и Кейт. И воцарилась траурная тишина.

Не находя в себе сил оставаться в замке и изображать сожаление, которого он не чувствовал, Джон вышел наружу, надеясь на свежем воздухе придумать способ, как ответить на вызов Кейт Гилнок.

Он не нуждался в ее одобрении. У него не было ни желания, ни потребности прикасаться к ней. Он хотел только одного: чтобы она отказалась от своей непонятной мести. Однако сорвать покров с ее тайн может оказаться сложнее, чем сорвать с нее одежды.

За крепостными стенами паслись галлоуэйские пони, предоставленные сами себе до наступления холодов.

Пусть сами добывают себе пропитание, сказал бы его отец. *Станут только сильнее.*

Он остановился, чтобы погладить одну из лошадок по ее крепкой, широкой холке, и та потянулась к нему носом, выпрашивая угощение. Джон, извиняясь, развел пустыми руками.

— Не сегодня, дружок. В другой раз.

Он провел ладонью по теплой, покрытой рыжеватой шерстью спине пони. Когда они с Робом были детьми, то много раз соревновались, кто быстрее объедет замок верхом на неоседланной лошади. Джон слишком часто оказывался первым, и в конце концов Роб забросил попытки его обогнать. Он побеждал, потому что был более гибким и умел чувствовать животное, а не пытался подчинить его своей воле, как делал брат.

Он усмехнулся. Возможно, он еще не растерял свои навыки.

Охваченный воспоминаниями, он пробормотал себе что-то под нос и немного отошел для разбега. Пони терпеливо ждал, пока Джон примеривался. Потом он подпрыгнул, подтянулся и, удерживая равновесие, перекинул ногу через спину животного.

Лошадь подняла голову, ожидая команды. Не было седла, чтобы можно было сесть ровно. Не было поводьев, чтобы он мог ею управлять. Как не было брони, которая мешала бы ему чувствовать, как под ним сокращаются упругие лошадиные мышцы.

Слегка ударив пони по бокам, он поскакал к месту, где долину пересекала река Лиддел-Уотер, и с удивлением обнаружил, что начинает припоминать забытые с детства тропинки.

Следуя по течению, он заметил вдалеке Кейт, которая по пояс в воде переходила вброд реку. Держа в руках скомканную ткань, она то и дело оглядывалась по сторонам, словно кого-то искала.

Джон был заинтригован. Решив пока не обнаруживать свое присутствие, он остановил пони в зарослях деревьев, откуда их не было видно.

Бросив комок ткани на берегу, она побрела обратно. Она могла и дальше строить из себя мужчину, но теперь он увидел правду. Теперь он смог без помех рассмотреть оттенки пепла и льна в ее волосах, которые не доходили даже до плеч, слишком узких, чтобы ее можно было всерьез принять за мужчину. Когда она выбралась из воды, мокрая одежда облепила ее ниже пояса, притягивая его взгляд к месту, где соединялись ее ноги, и заставляя задуматься о том, что было бы, раздвинь она их для него. Странно, но это женское местечко, обычно скрытое юбками, становилось еще более заманчивым, когда его облегал бриджи.

Словно почуяв опасность, она остановилась и настороженно огляделась. Сторвики могли прятаться за любым пригорком, но в светлое время суток риск нападения был минимален.

Ни его самого, ни его пони, приученного вести себя бесшумно и незаметно, Кейт не увидела. Развернувшись, она побежала вниз по течению и исчезла в гуще деревьев за поворотом.

Озадаченный, он медленно направил пони вперед, не зная, стоит ли догнать ее. Зачем

она...

Не успел он додумать мысль до конца, как из зарослей выскочила большая собака, таща за собой на поводке Кейт.

Насколько Джон мог судить, зверь весил больше ее самой. Прижимаясь носом к земле, он, очевидно, искал по следу спрятанную ею вещь. Бросившись в реку, пес переплыл на другой берег, подцепил кусок ткани зубами и завилял хвостом.

А она хорошо его натренировала, подумал Джон.

— Молодец, Смелчак, — похвалила его Кейт и достала из кармана угощение. — Ты хороший пес.

И она приласкала собаку с чувством более теплым, нежели те, которые выказывала двуногим существам.

Когда они перешли реку и вернулись обратно, он спешился, но не успел сделать и нескольких шагов, как она молниеносно развернулась, услышав его шаги сквозь рокот воды, и выхватила нож.

Она настроена не против него лично, понял он. Любой подозрительный звук может насторожить ее.

— Здесь нет врагов. Только я. — Он поднял руки в примирительном жесте.

Она не опустила нож. Теплота, с которой она обращалась к собаке, на него не распространялась. Пес тем временем подбежал к нему, уперся лапами ему в грудь и, не обращая внимания на попытки Джона оттолкнуть его, принялся обнюхивать с головы до ног.

— Что он делает?

— Запоминает ваш запах.

Он шагнул было к ней, но пес преградил ему путь, зарычал, и шерсть на его загривке поднялась дыбом.

— Что вам нужно? — спросила она. Четырежды перейдя реку, она насквозь промокла ниже пояса, и теперь только стеганный дублет маскировал ее пол.

Он воздел руки, борясь с раздражением.

— Не поцелуй. Честное слово. — Он же ясно сказал, что не потащит ее в постель. Или она поняла, что тело неважно его слушается? — Отзовите своего пса и опустите нож.

Она убрала оружие в ножны. Потом взглянула на пони, который покорно стоял позади него, и ее глаза блеснули.

— Вы верхом на Норвежце? Хорошая лошадь, быстрая.

Ее тон смягчился, как и во время разговора с собакой.

— Вы занимаетесь лошадьми?

— Да. — Она подошла к пони и потрепала его по шее. Пес побежал за ней и сел ровно на середине разделявшего их расстояния.

Людам было невозможно пробить брешь в ее броне, однако четвероногим существам это, кажется, удалось.

— Вы хорошо ладите с животными.

Она бросила на него неприязненный взгляд.

— Я нахожу, что они добрее людей.

Странное заявление.

— Никогда не думал, что животные способны выражать какие-то чувства.

— Они, по крайней мере, не убивают себе подобных.

Он не стал напоминать ей о ее собственном желании убить Вилли Сторвика.

— Для этого какие-нибудь овцы должны поссориться. Но разве они умеют? — с улыбкой спросил он, склоняясь к ней.

Пес вскочил на лапы, зарычал.

— Смелчак, сидеть, — приказала она, придерживая его за ошейник, и тот, завиляв хвостом, сел.

Джон с опаской посмотрел на зверя. Поникшие уши придавали тому обманчиво ленивый вид. Но только что он был готов кинуться убивать, если бы хозяйка ему приказала.

— Он так и рвется на вашу защиту, — заметил Джон.

— И будет защищать меня до последнего, — подтвердила Кейт, пересекаясь с ним взглядом. С ним она говорила и без намека на нежность, совсем не так, как с животными.

Он поднял брови.

— Обычно ищеек держат англичане. — Чтобы через горы и реки выслеживать приграничных рейдеров.

— Только не этого. — Как и его брат, Кейт не была склонна к многословию.

— Где вы его раздобыли?

Черты ее лица смягчились, словно она хотела улыбнуться, но в последний момент передумала.

— Па украл его. — Воспоминание, по-видимому, было для нее приятным.

Джон понимающе кивнул. На границе воровство не считалось бесчестным занятием.

— Он выслеживал Па, но сорвался с поводка и потерял своего хозяина. А когда нашел Па, то так обрадовался, что уселся рядом и вилял хвостом, а Па его гладил.

Она явно питала к зверю самые нежные чувства.

— Мне он хвостом не машет.

— Не знает, насколько мне безопасно быть с вами рядом.

Правильнее было бы сказать, *я не знаю, насколько мне безопасно быть с вами рядом.*

— Скажите ему... — Их глаза встретились. Если он сумеет понравиться псу, то может быть и хозяйка проникнется к нему доверием. — Скажите, что вы в безопасности.

Она сглотнула, перевела взгляд на пса. Дыхание ее участилось, но она молчала.

— Так что вы ему скажете? — Он старался говорить мягко, чтобы она не подумала, будто он на нее давит.

Кейт не поднимала глаз.

— Я скажу, что вы... — Она пристально взглянула на Джона, подбирая выражение. — Я скажу, что вы друг.

Глядя в отражение ее глаз, ему внезапно захотелось стать достойным этого имени.

— Так и есть.

— Друг, — твердо сказала она и через плечо попросила: — Дайте ему руку.

Он протянул ладонь, и Смелчак принялся ее обнюхивать.

— Друг, — повторила она, пока пес тыкался носом в его пальцы. — Джон. — Она улыбнулась. — Все. Больше он не будет рычать на вас.

Джон надеялся, что и она тоже.

— Давно вы его тренируете?

— Три года.

Если только собака способна смягчить выражение ее глаз, значит он будет говорить о собаке.

— Он был с вами в ночь, когда убили вашего отца?

Радость, тронувшая было ее лицо, бесследно исчезла.

Болван. Спроси о чем-нибудь другом.

— А что лошади? Давно вы занимаетесь лошадьми? — Снизойдет ли она до ответа?

Она подавила грусть.

— Много дольше. У меня нет братьев, так что отцу помогала я. А когда его не стало... — Тьма возвратилась, а с ней и ее обычная настороженность. Высоко подняв голову, она посмотрела ему в лицо. — Все знают, что у нас лучшие лошади на границе. Быстрые и выносливые. Им по силам проскакать без остановки шестьдесят миль.

Хватит с лихвой, чтобы после заката выехать за пределы Шотландии, вторгнуться далеко во владения англичан и до рассвета вернуться домой. Без таких лошадей рейды были бы невозможны.

В ее рассказе он уловил нотки гордости. Все лучше, чем страх или гнев.

— Уверен, вы отлично справляетесь.

Но вместо улыбки, на которую он рассчитывал, она отвернулась к пони, смаргивая слезы.

— Ну что вы. — Он встал позади нее, положил ладони на ее плечи и развернул к себе лицом. — Зачем же плакать. Это был комплимент.

Пес, рыча, встал на четыре лапы.

— Тише, зверюга, — сказал он. — Я друг.

Он обнял ее, полагая, что сейчас она точно должна улыбнуться, как большинство женщин, за которыми он ухаживал.

Вместо этого она врезала ему коленом прямиком между ног.

Больно!

Он разжал руки и, выругавшись сквозь зубы, согнулся пополам.

Пес оскалится и залаял. Не глядя, Кейт нащупала его спину и зарылась пальцами в шерсть. И Джон почувствовал ее боль, позабыв о своей собственной. В ее глазах не было слез, но грусть уступила место такому ужасу, что он не был уверен, видит ли она его перед собой.

— Кейт! — Он попробовал выпрямиться, едва слыша свой голос за лаем собаки. — В чем дело? — У нее было такое лицо, словно она увидела приведение.

Кейт присела возле надрывающегося лаем пса и крепко обхватила его за шею. А потом, словно ее молитвы о спасении были услышаны, расслабилась. Когда их глаза встретились, перед ним снова была прежняя невозмутимая Кейт.

Сторвики убили ее отца. По-твоему, она должна прыгать от радости?

Но с тех пор прошло целых два года, а смерть была частым гостем на этих холмах. Ее пугало нечто большее.

Она поднялась на ноги, все еще держась за собачью спину, и взялась за поводок.

— Мне надо идти.

И повернулась спиной, красноречиво запрещая за собой следовать.

Но он, прихрамывая от боли в паху, все же догнал ее.

Пусть брат его презирает. Пусть она его ненавидит. Но он не из тех мужчин, которые могут дать женщине повод для страха, даже такой, как она. Он взял ее за руку.

— Пойдите.

Она остановилась и отдернула руку, обрывая контакт. Пес опять было зарычал, но она взглядом заставила его замолчать.

— Я же сказала...

— Послушайте меня, — начал он. — Пускай я вам не нравлюсь. Пускай вы не хотите отпускать Брансонов по делам короля. И я понял, что вам не нужны поцелуи, но я Брансон, и вы под защитой моей семьи, так что не надо при виде меня всякий раз хвататься за нож.

— Нет, это *вы* послушайте, — сказала она. — Я вас предупреждала, а вы ведете себя так, словно плохо расслышали.

— Все я расслышал. — К счастью, подумал он, она пустила в ход колено, а не нож, как обещала. — Но речь шла о поцелуях, а не о простых прикосновениях.

— Тогда давайте я выскажусь прямо, чтобы даже вы меня поняли. Ни одному мужчине нельзя меня трогать. Никогда.

Он снова вспомнил их первую встречу и свое недоумение, когда она отказалась пожать ему руку. Теперь он понял, что за ее отказом стоял страх.

— Я не их тех мужчин, которые обижают женщин. Правда.

Она замерла, глядя на него своими бездонными, карими, как у их общего предка, глазами. Легкий вздох.

— Я знаю, — наконец ответила она шепотом.

Шепот напомнил о запретных отныне поцелуях. Джон качнулся было в ее сторону, но остановился из опасения, что пес цапнет его за ногу.

— Тогда идите, — резко сказал он и поморщился. Больное место хотелось зажать руками. Видимо, домой придется возвращаться пешком.

Кейт пошла прочь. Пока она могла его слышать, он прокричал:

— И больше не разрешайте своему зверю рычать на меня!

Она оглянулась через плечо. Уголок ее рта дрогнул в улыбке, и ему показалось, будто она над ним смеется.

Кого же она боится, если не его? И почему?

По дороге в замок, Кейт боролась с собой. Долго, упорно.

Она не подпускала мужчину так близко с...

С той ночи.

Хотя Брансоны приняли ее в семью, они обращались с нею иначе, не так, как отец — ее не обнимали перед сном, не ерошили мимоходом волосы. Рыжий Джорди был скуп на ласку даже с родными детьми.

И это ее устраивало. Ее защищали, но не делали попыток сблизиться.

Кроме этого мужчины, который, решив утешить ее, не придумал ничего умнее, чем заключить ее в объятия.

Когда он коснулся ее, она напряглась, испугавшись, что от страха потеряет контроль и ударит его ножом прежде, чем сумеет остановить себя.

И страх — ее извечный противник — пришел, но исчез так же быстро, как появился. Да, потом она задела его гордость и нанесла удар в самое чувствительное для мужчины место, но по крайней мере удержалась от того, чтобы пролить его кровь.

Потому что его объятия не были похожи на нападение или на прелюдию к поцелую. Вместо этого у его груди она ощутила тепло и покой.

И безопасность.

Когда она в последний раз чувствовала себя в безопасности?

Храбрая Кейт, так ее называли. Она ходила с оружием, носила мужские бриджи, и за это люди считали ее бесстрашной.

Но она была не бесстрашной, нет. Она была до смерти запуганной.

Только с оружием в руках она находила в себе силы противостоять страху. Только надев бриджи, которые маскировали ее женственность, могла подняться с кровати и взглянуть миру в лицо. Только рядом с верным псом была способна дожить до вечера. Чтобы тренировать его за пределами крепостных стен, ей требовалось собрать в кулак всю свою смелость. И, оказываясь снаружи, она всегда держалась настороже, готовая дать отпор врагу.

Но когда Джон дотронулся до нее, на несколько секунд она забыла о страхе.

И это перепугало ее сильнее, чем что бы то ни было.

Бок о бок со Смелчаком она вошла в опустевший зал, где, переживая свое горе, в одиночестве сидел Черный Роб.

У нее заболело сердце — за него и за них всех. Ведь она тоже потеряла отца.

Она нечасто заводила с Робом праздные разговоры. Между ними это было не принято. Слова были как воздух, который был необходим, чтобы дышать, но становился опасным, когда превращался в бурю.

Однако сегодня ей были нужны слова, много слов, которые позволят понять этого высокого, худого, голубоглазого чужака, носившего фамилию Брансонов. Он почти ничем не походил на свою родню, хотя у них с Бесси был одинаковый разрез глаз и одинаково гордый разлет бровей.

Бесси рассказывала ей о мальчике, но понять она стремилась мужчину. Того, кто подобрался слишком близко не только к ее телу, но и к душе.

Слоняясь вокруг стола, она ждала, пока Роб обратит на нее внимание.

Увидев Смелчака, он впервые за эти дни улыбнулся.

— Ты вернула пса в дом?

Она кивнула и села напротив. Пес улегся неподалеку, заняв место около очага, тоже довольный, что его забрали с конюшни.

Какое-то время она не нарушала молчания. Роб ждал, что она заговорит первой.

— Итак, — в конце концов решилась она, — Джон вернулся домой.

Это был не вопрос. Спросить напрямую она не посмела, ибо это было слишком личное. Он перестал улыбаться.

— Да.

Смельчак потянулся, и в тишине раздался писк его зевка.

Она предприняла еще попытку:

— Долго же его не было.

— Даже слишком.

Он посмотрел ей в глаза, словно догадываясь, к чему она завела этот разговор.

— Слишком?

— Он больше не Брансон.

Еще час назад она согласилась бы с Робом. Конечно, Джон разговаривал и мыслил не так, как было заведено среди Брансонов и в приграничье в целом, но одно она знала наверняка: он упрям, как и все его племя.

— Может быть, но он твоя родная кровь. Этого ничто не заменит.

Никогда.

Она жила за надежными стенами их замка, только потому, что Рыжий Джорди не отказал ей в приюте. Так было принято, и так они жили. Во имя семьи. Во имя преданности. Во имя своего рода. Когда человека отлучали от семьи, он становился изгоем и болтался сам по себе, подобно преступникам, которые рыскали по ничейным пустошам на спорных землях.

Даже Джонни не заслуживал такой участи.

Роб не стал спорить и просто пожал плечами.

— Может быть, но все равно он скоро уедет.

— Потому что этого хочешь ты?

— Потому что ему здесь не место.

Она вздохнула. Джонни сказал бы то же самое. Чувство безопасности, испытанное с ним рядом, было иллюзией. Скоро он вернется ко двору, где ему так нравится, к королю, о котором он столько говорит, и к своим придворным дамам.

А она останется здесь. Одна.

* * *

Едва в состоянии идти, Джон наблюдал, как Кейт и ее пес скрываются за воротами. Немного оправившись, он доковылял до замка и оставил пони пастись у западных ворот, думая о том, что кинжал, вероятно, причинил бы ему меньше вреда, нежели ее колено.

Никогда раньше он не испытывал с женщинами хлопот и не забивал себе голову лишними мыслями об этих непостоянных, податливых существах, всегда готовых ему угодить — как в постели, так и вне ее.

По крайней мере, таковыми были женщины при дворе.

Его сестра, конечно, была совсем не такая. И его мать тоже. Возможно, все приграничные женщины были особенными. Надо бы расспросить Бесси об этой Гилнок. Не напрямую, конечно. Будет нехорошо, если сестре придется выбирать между двумя братьями.

* * *

Он нашел Бесси в кухонной пристройке во внутреннем дворе. Глотая слезы, она размеренными движениями вымешивала желтоватый ком теста.

Не обращая внимания на ее липкие руки, он крепко обнял ее. В отличие от Кейт, она не стала противиться и склонила голову ему на плечо.

— Ты в порядке, Бесси?

Сестра покачала головой, не поднимая глаз.

— Я ведь знала, что однажды мы его потеряем. Всякий раз, когда он отправлялся в рейд, я готовилась... Но к такому я не была готова.

Многие люди мечтали мирно скончаться во сне. Брансоны к их числу не принадлежали.

Он гладил ее по спине, не зная, что сказать или сделать. Наконец она подняла голову и вымученно улыбнулась. Он отпустил ее, и Бесси, распрямив плечи, вернулась к избиению ни в чем не повинного теста.

Присесть было некуда, и он принялся слоняться по кухне, ломая голову над тем, как завести разговор о Кейт. В конце концов, закончив с наигранным одобрением обозреть большой окорок, подвешенный на крюке, он сделал вид, будто неожиданно о чем-то вспомнил.

— Кстати, ну и зверюга же у этой Кейт.

— Она с ним не расстается. Он для нее ближе, чем для кого-то родня.

Ближе, чем все остальные.

— Насколько я понял, она потеряла семью.

— Да. — Она не поднимала глаз от стола.

— А она всегда была такой... — Как бы выразиться? — Такой кровожадной? — Вот подходящее слово, хоть оно и не совсем верно описывает женщину со страхом в глазах. — Даже до того?

До чего? До смерти ее отца или до того, как случилось что-то еще?

Бесси заговорила не сразу.

— Ты знаешь на границе кого-нибудь, кто в ее ситуации вел бы себя иначе? — наконец спросила она.

Нет. Таких людей он не знал.

Тогда с чего он решил, что сможет уговорить ее отказаться от собственного возмездия в пользу мести юного Якова? Он вспомнил девиз, стершийся из его памяти за годы, проведенные при королевском дворе.

Око за око.

Единственное, что вынес из Библии его отец.

— Знаешь, он ведь до конца надеялся, что ты вернешься домой, — сказала сестра, словно читая его мысли.

Прогоняя вызванную ее словами тоску, он качнул головой. Только Бесси могла так подумать. Женщины способны соткать целое полотно из слов, которых мужчина не

произносил.

Но мириться с отцом было поздно. Главой семьи стал Роб, как и было предначертано с момента его рождения. Для Джона в этом доме попросту не было места. Может быть, это и есть та причина, по которой отец отослал его прочь?

— Вы с Робом не очень-то поладили, да?

Он уставился на нее, на секунду заподозрив, уж не фея ли она. Тихая и пронизательная, Бесси видела людей насквозь, без труда угадывая то, что они не решались произнести, и в особенности то, что хотели скрыть.

Но Роб не позаботился о том, чтобы скрыть свое презрение.

— Мы с ним слишком разные.

— Теперь он остался совсем один, Джонни.

Ее слова удивили его. Он привык думать, что брат с самого детства был полностью готов к своей будущей роли. Все же они с отцом были очень близки. Старик проводил со своим первенцем все свободное время. Часами учил его ездить верхом, драться, идти по следу в безлунную ночь. Показывал лучшие места, где можно укрыть скот. Учил уходить от погони. Они общались почти без слов. Им хватало кивка, ухмылки, жеста плечами.

Полезное умение, если двое не отличаются разговорчивостью.

Если бы им довелось вместе участвовать в сражении, то отец и брат бились бы как единый человек, без слов угадывая действия друг друга.

И вот Роб остался один.

И хотя его одиночество не сблизило братьев, оно объясняло, почему он предпочел держаться особняком в борьбе, развернувшейся между Джоном и Кейт.

Тут его оглушила внезапная мысль.

— Роб не собирается жениться?

Вздых.

— На ком?

— На Кейт Гилнок. — Почему к ней сводится любая тема? Он принялся раздраженно расхаживать из угла в угол, пока не ударился лбом о свисавший с балки чугунок. — Они так похожи.

На губах Бесси заиграла улыбка, словно он, сам того не заметив, выдал смешную шутку.

— О, да. Но между ними нет того притяжения, ну, которое возникает между мужчиной и женщиной.

Он подавил вздох облегчения. Потом в голову закралось новое подозрение.

— У тебя что, кто-то есть? — Его маленькая сестренка выросла. Скоро придет пора выдавать ее замуж. — Поэтому ты знаешь, как оно бывает между мужчиной и женщиной?

Вылепив второй кирпичик хлеба, она уложила его рядом с первым и ответила, глядя ему в лицо:

— Я знаю, потому что у меня никого нет.

Он попытался припомнить мужчин, с которыми вчера обменивался рукопожатиями. Беспальный Джо, Недотепа Джек, остальные. Нет. Все они недостаточно хороши для нее.

Впервые в жизни он задумался о будущем Бесси. Что ждет ее впереди? В юности, как и положено старшему брату, он защищал свою нежную и застенчивую сестру. Но женщина, стоявшая перед ним сейчас, была совсем не такая. В ней таилась внутренняя сила, которая могла сделать счастливым любого мужчину. Сила, которую он не замечал в женщинах внутри крепостных стен Стерлинга.

Сила, которой обладала и Кейт Гилнок.

Непрощеная мысль.

— Хочешь, поехали ко двору вместе со мной.

— В таком виде? — Приподняв подол своей простой шерстяной юбки, она изобразила реверанс. — Ну разве король устоит перед моим очарованием?

— Можно подобрать что-нибудь... другое. — Что он знал о женской одежде? Как снимать ее, да и только.

Отпустив свои юбки, она вернулась к тесту.

— У тебя доброе сердце, Джонни Брансон. И не смей думать иначе.

Нет. Она права. В Стерлинге ее ждет такой же радушный прием, с каким его встретили дома. Придворные дамы — надушенные, завитые, привыкшие к подобоострастию — не удостоят сестру даже кивком. Над нею станет насмешничать даже девчонка, которая вынашивала бастарда короля.

— И у твоего брата, кстати, тоже, — вернулась она к разговору, который он хотел бы закончить. — Только дай ему шанс показать это.

— Мне он такого шанса не предоставил. — Похоже, на компромисс между их с братом желаниями можно не рассчитывать.

Но он должен найти его, этот компромисс — сначала с Кейт, а затем с Робом, — иначе он больше никогда не увидит Стерлинг.

— Почему ты не хочешь остаться с нами? — спросила она, поворачиваясь к нему лицом. — Оставайся дома, Джонни.

— Мое место возле короля. — Здесь его давно ничего не держит.

— Ты же знаешь, он хочет, чтобы ты остался.

Джон всмотрелся в ее глаза, потом покачал головой. Что за дурацкие фантазии.

— Нет. Неправда.

Он вновь стал мерить шагами кухню, на сей раз старательно огибая горшки. Зря он вернулся домой. Зря пришел к Бесси и завел разговор о Черном Робе Брансоне.

— Кейт сказала, что хочет отомстить за отца. Это все?

— Сторвики нам не друзья, — уклончиво ответила она, как сказал бы любой человек по эту сторону границы.

— Я имел в виду, за этим не стоит ничего большего?

Бесси не отводила глаз от столешницы.

— Почему ты спрашиваешь?

Потому что в ней живет страх, который она прячет от всех остальных. Но его ли дело докапываться до причины?

— У нее... такие испуганные глаза.

— Ты вроде назвал ее кровожадной.

— Да. Не без этого. — Противоречие. — Потому я и удивился...

— Не задавай мне таких вопросов, — сказала она, нахмутив брови и сразу сделавшись похожа на его мать. — Лучше спроси саму Кейт.

Он вздохнул. Лучше уж ввязаться в очередной спор с Черным Робом, чем снова получить между ног от Храброй Кейт.

Еще на лестнице он услышал голоса в зале. Разговор шел на повышенных тонах.

— Немедленно! Рейд в его честь. Он бы этого хотел, — сказал кто-то.

Джон ускорил шаг. Как скоро они решили вернуться к набегам. Он услышал негромкий, но твердый ответ брата, однако не разобрал слов. Что сказал Роб — да или нет?

— Людей нам хватает, — вмешался еще один человек. — Можно ехать.

— До полнолуния еще далеко. — Теперь он отчетливо слышал голос Роба. — Ночи еще короткие.

— Но наши лошади быстры. — Голос Кейт. — Мы успеем добраться до их крепости и к рассвету вернуться назад. И если там будет Вилли...

Когда Джон вошел, он увидел, что Роба обступили воины. Решимость, написанная на лице брата, мало отличалась от выражения скорби, но Джон видел разницу. Если во время набега Роб будет отвлекаться на скорбные мысли, у врага появится преимущество.

— Рыжего Джорди только что похоронили, — громко произнес он. — Дайте ему время упокоиться с миром.

Роб, Кейт и остальные люди обернулись на его голос. Даже пес вопросительно поднял морду.

Кейт насупилась.

— Не такого мира хотел ваш отец.

Лицо Роба помрачнело, и Джон приготовился к резкой отповеди. Сейчас брат спросит, почему еще вчера он отказывался уважать память покойного, а сегодня требует этого от других.

— Джонни прав. Возвращайтесь по домам. — Он посмотрел на Джона с предостережением во взгляде. Или то была благодарность? — Время для рейда еще не пришло, но ждать осталось недолго.

Кейт метнула на Джона осуждающий взгляд, но люди, у которых хватало домашних забот, один за другим потянулись к дверям, перед уходом пожимая братьям руки. Правда, на сей раз они смотрели на Джона с меньшей сердечностью.

Люди Кейт под ее взглядом к нему даже не подошли.

Неважно. Роб смог устоять против зова мести. Возможно, теперь он готов прислушаться к голосу разума.

— Я хочу поговорить с тобой, Роб, — произнес он, когда их осталось трое. Роб кивнул в направлении стола. Кейт пошла было за ними, но Джон возразил: — Наедине.

Она взглянула на Роба, и тот кивком попросил ее выйти.

Но прежде она смерила Джона презрительным взглядом. Женщина, меньше часа назад трепетавшая в его руках, исчезла. Перед ним стоял непокорный воин.

Глядя в ее сузившиеся глаза, он задумался, которая из этих двух Кейт настоящая.

Она приблизилась к нему почти вплотную.

— Опять лезешь на рожон, Джонни Тряпка? — Ее хриплый шепот был едва слышен и предназначался только для его ушей.

Горячий гнев окрасил его скулы румянцем, когда она прошла мимо него к лестнице.

Джонни Тряпка. Голубоглазый малыш.

Прозвище, которое он постарался забыть, едва уехал из дома. Меньше всего он хотел вспоминать о нем сейчас, перед серьезным разговором со старшим братом.

Между ними было всего три года разницы, но именно Роб, старший сын, был любимцем в семье. Высокий, сильный, неразговорчивый, с черными, как у их матери, волосами и

кариями, как у всех Брансонов, глазами, он лучше владел оружием, чем словами.

Слова отдали на откуп голубоглазому Джонни, подкидышу в гнезде Брансонов.

И Джонни еще ребенком стал мастером рассказывать истории, научился шутить и смешить их своим дурачеством. Для него это стало единственным способом заслужить их одобрение.

Порой, когда Черный Роб спешил схватиться за меч или занести кулаки, смышленому Джонни удавалось разрешить ситуацию миром.

В конце концов его отослали из дома, отправив в качестве забавного подарка юному королю Якову. В тот день он понял, что своими ловкими словами и смешными выходками так и не смог заслужить отцовской любви. А прибыв ко двору, узнал, что шестилетнему королю тоже не хватает старшего брата.

И еще он узнал, что хорошо подвешенный язык способен не только уберечь от неприятностей, но и наоборот, навлечь их на его голову — и вот тогда приходила пора взяться за меч. Со временем он научился владеть оружием не хуже своего брата.

Об этом он и напомнил себе, когда сел с Робом за стол, как будто словесный поединок с братом был немногим легче, чем драка на мечах. Неумелый боец может непреднамеренно ранить больше, чем собирался.

Как и человек, который неважно владеет словом.

Джон положил руки на стол. Роб молча смотрел ему в глаза и ждал, когда он начнет говорить.

Возможно, новые аргументы переубедят его. Докажут, что выбор в пользу короля это единственное правильное решение. Возможно, брат почувствует облегчение. Даже благодарность.

— Что будет потом, после того как ты выследишь Вилли Сторвика? Ты задумывался о последствиях, Роб?

Это будет посерьезнее кражи скота, чем на границе грешили многие с обеих сторон. Обоюдные убийства затянутся на десятилетия, останутся в памяти поколений в легендах и песнях. На границе у этого было свое название. Кровная вражда.

— О последствиях должен был думать Вилли-со-шрамом, когда убивал Зандера Гилнока.

— Но, конечно, у Кейт еще есть время передумать. — Он откинулся назад, сложил на груди руки и пожал плечами. — Женщины часто меняют свое мнение. Тогда ничто не мешает тебе послать королю подмогу.

— Так *вот каков* твой план.

Никогда не пытайся одурачить своего брата.

— О чем ты?

— Ты хочешь совратить ее, чтобы она помогла тебе.

Обнаженная Кейт под его телом... Он отогнал это видение.

— Такую женщину, как она? Нет. — Еще недавно по глупости он на то и рассчитывал. — Но женщины переменчивы.

По крайней мере те, с которыми он имел дело раньше.

— Кейт? — Роб чуть не расхохотался. — Плохо же ты ее знаешь, если так думаешь.

— Я хорошо знаю женщин.

Роб подался вперед.

— Да неужели? Тогда ты ничего не знаешь о жизни на границе.

Кейт и его родина, две непредвиденные загадки. Но в том, что он должен сделать, ничего загадочного не было.

— Для того, чтобы выполнять приказы короля, я знаю достаточно.

Роб изучал его с некоторым замешательством на лице.

— Ты превратился в такого послушного лакея. Король, видно, наобещал тебе с три короба.

Король ничего не обещал прямо, однако намекнул на богатую невесту и придворную должность — кравчего или даже казначея.

— Нет ничего позорного в том, чтобы служить своему суверену.

— Надеюсь, его подачи приносят тебе радость, — с издевкой ответил Роб. — Но нам ему предложить нечего. Все, что нужно, мы способны добыть себе сами, без помощи твоего короля.

— Ты о пище в желудке, рубахе на теле и прочной крыше над головой? Верно, тут вы способны справиться сами. Но только король может обеспечить в стране мир и подарить вам время, чтобы насладиться всем этим.

Роб моргнул. Что-то промелькнуло на дне его глаз, словно он узрел проблеск другой жизни. Джон задержал дыхание. Неужели брат наконец-то понял?

А потом Роб поднял глаза к потолку, где еще вчера, в комнате этажом выше, лежало тело его отца.

— Только господь может дать человеку время. — Он покачал головой. — Только господь.

— И господь ниспослал нам короля, как представителя своей воли на земле. — Наклонившись вперед, он сжал руку брата. — Помоги ему, Робби. Прошу тебя.

Но перед ним снова сидел прежний Роб.

— Помогай своему малышу сам, Джонни. Только не воображай, что его значок наделил тебя властью над нами.

Джон вздрогнул.

— Об этом я даже не думал.

— Правда? — усмехнулся брат.

Джон откинулся назад, внезапно задумавшись. Действительно, а зачем еще он вернулся? Он приехал домой со знаком королевского отличия на груди, как глашатай королевской воли, и рассчитывал тем самым завоевать уважение отца. Или хотя бы обратить на себя его внимание.

Вместо этого он снова стал Джонни Тряпкой. Даже хуже. Отринутым семьей изгоем, чужаком родом из далеких краев. Врагом вроде Вилли Сторвика.

Но он *увидел* далекие края, узнал жизнь за пределами этой долины.

— Мне известно, чего хочет король. Уравнять Шотландию с Англией.

— Ты думаешь, он посмеет бросить вызов своему дядюшке Генриху? Тому самому, кто стравливает приграничные семьи?

Это была правда. Дядя Якова, король Англии Генрих, носивший это имя восьмым по счету, использовал приграничные кланы, чтобы поддерживать нестабильность на границе Шотландии.

— Он не уважает нас, вот и все.

— Нет. Он-то как раз нас уважает. Он уважает мощь нашего оружия. — Роб наклонился вперед. — И будь уверен, мы оправдаем его уважение.

В бессилии Джон стиснул кулаки.

— Со смерти Гилнока прошло два года. Почему нужно мстить за него именно сейчас?

— Потому что я теперь вождь. — Гордость, упрямство — все, что он знал о брате, нашло отражение в этих словах.

— Я обязан знать, почему. — Он почти закричал, не в состоянии контролировать голос.

Роб хмыкнул.

— Если бы десять лет назад ты не бросил свою семью, ты бы знал.

— Если бы семья не бросила меня, пожалуй, мне было бы не все равно, — огрызнулся он.

Роб моргнул.

— За два года отец так и не выследил этого человека. Ты не спрашивал, почему? Тебе не приходило в голову, что отец не хотел развязывать родовую вражду?

— И ты думаешь вместо этого заставить нас выступить на стороне короля? В прошлый раз, когда мы ему помогали, десять тысяч шотландцев нашли свою смерть на поле при Флоддене, вместе со своим олухом-королем. Этой ошибки мы больше не повторим. — Упершись ладонями в стол, Роб встал. Разговор был окончен. — Если Брансоны так нужны твоему королю, он подождет. В ближайшие две недели мы будем заняты Вилли Сторвиком.

Он мысленно выругался. Каким же надо быть идиотом, чтобы не упростить брату выбор, а сделать его многократно сложнее.

— Но потом вы поможете королю?

Если они поквитаются со Сторвиком достаточно быстро, то им хватит времени, чтобы к началу октября добраться до Восточного Лотиана, хотя, несомненно, Джону придется принять на себя гнев своего суверена за расправу над англичанином.

— Я еще не решил. — Губы брата изогнулись в усмешке.

Это еще не конец. Роб не сказал «нет».

— Едем с нами, Джонни. Если, конечно, ты не ссыкло.

Ссыкло. Хуже, чем просто трус.

Покачав головой, Джон встал. Не страх перед смертью останавливал его.

— Я не стану ввязываться в кровную месть, после того, как обещал королю прекратить эти вещи.

Роб улыбнулся, что бывало довольно редко.

— А свои обещания надо выполнять, да?

Печальная улыбка тронула губы Джона, и на короткий миг на лицах братьев установилось одинаковое выражение.

— Очевидно, капля крови Брансонов во мне все-таки есть.

— А что будет, если ты не сможешь выполнить это обещание?

Раньше Джон не задумывался о сей малоприятной перспективе.

— Тогда мне придется быть очень осторожным и призвать на помощь все свое везение, чтобы больше не попадаться королю на глаза.

— А если тебе не повезет?

Джону нравился Яков, и король отвечал ему взаимностью, однако он не обольщался. Королям были чужды всякие сантименты, и Яков не был исключением. Он расправится с любым врагом, который встанет у него на пути.

И с любым другом тоже.

— В этом случае моя веселая жизнь окажется очень короткой.

Это была чистая правда. Теперь ее знал и Роб. Но насколько он дорог брату?
Скрестив на груди руки, Роб качнул головой.
— Тогда желаю тебе удачи, Джонни. Веселись, пока можешь.

Кошмар пришел снова и принес с собой запах вереска.

Все еще сопротивляясь, Кейт рывком села в кровати, готовая сорваться с места и побежать. Подавив рвущийся из горла крик, она открыла глаза. Пес тыкался в ее бок носом, будто пытался разбудить.

Бесси продолжала крепко спать рядом, и Кейт, облегченно выдохнув, выскользнула из постели. Этой ночью она больше сможет заснуть.

Она закуталась в плед и крадучись пошла вниз по лестнице. Смелчак следовал рядом. Даже ночью, когда почти все спали, в замке было мало уединенных мест. На крепостной стене бодрствовали часовые. Внизу делала обход стража. Зал был наполнен храпом спящих людей. Но в конце концов, после очередной ночной прогулки, она нашла укромное место за поворотом лестницы, где в стене было проделано узкое оконце. Можно было сидеть в углублении ниши и наблюдать за холмами, чтобы точно знать: никто чужой не придет.

Она почти дошла до окна, как вдруг услышала шаги. Она хорошо знала дорогу и потому не взяла свечу. Поступь человека была ей незнакома.

Она потянулась к ножу, всегда пристегнутому к бедру, и погладила пса. Смелчак держался рядом, но не рычал. Кто-то знакомый? Она замедлила шаг.

Остановилась.

Человек тоже замер.

Сделала шаг.

Он повторил.

Сердце ее застучало быстрее, и шум кровотока в ушах поглотил все прочие звуки. Кто прячется за поворотом лестницы? Тот, кто хочет снова взять ее против воли?

Нет. Больше она этого не допустит. Сперва она убьет его.

Выставив перед собой нож, она побежала по ступенькам вниз и уже было приготовилась поразить человека в живот, как вдруг ее остановили. Крепко схватив ее за запястье, человек отвел ее руку вверх и прижал ее к себе.

— Черт возьми, что вы творите, Кейт?

Ее тело еще помнило ужас ночного кошмара. Она вздохнула дважды, нет, трижды, прежде чем поняла, что перед нею Джон Брансон. А потом, прижатая к его телу, с его губами возле своей щеки, испытала нечто, что и не думала испытать к мужчине.

Желание.

Между ними протиснулся пес, обнюхивая его в знак приветствия.

— Предатель, — пробормотала она.

Джон быстро отпустил ее, и она прислонилась к стене, по-прежнему цепляясь за нож.

Он поднял руки и, отступив на некоторое расстояние, заговорил:

— Я не знал, что это вы, клянусь. Я дотронулся до вас только затем, чтобы спасти свою жизнь. Уберите нож.

Потрясенная и сбитая с толку, она дрожала всем телом, с трудом воспринимая его тихий, вкрадчивый голос. Пальцы сжались на рукояти ножа.

Он подался вперед.

— Вы в порядке?

Удивленная тем, что он так быстро перестал на нее злиться, она дернула головой, сама

не зная, что имеет в виду — да или нет.

— Вы что-то услышали? В замок проник чужой? — Теперь и он потянулся к кинжалу.

— Нет, нет! — Неожиданно для самой себя она схватила его за руку, чтобы остановить его, пока он не перебудил весь замок. — Просто вы меня испугали.

— Зачем вы бродите ночью по лестницам?

Она испустила дрожащий вздох.

— Мне приснился дурной сон, и я не смогла больше заснуть.

Шелест его дыхания в темноте был до странного интимным. Поворот лестницы скрывал их от постороннего взгляда, и впервые с момента своего пробуждения она задышала спокойно. Непривычное чувство. Почти незнакомое.

— Вас тоже разбудили дурные сны? — спросила она и, несмотря на темноту, ощутила, как он покачал головой.

— Не сны. Тревоги.

Сквозь оконце в стене тускло светила молодая луна. Кейт заняла свое любимое место. Пес расположился у ее ног, привычно согревая своим теплом. Джон, не спрашивая разрешения, тоже сел, спустившись на пару ступенек ниже. Темнота, близость его тела, все это воспринималось интимнее любых прикосновений.

Она немного отодвинулась.

— Королю не видать наших людей. По крайней мере, пока мы не убьем Вилли Сторвика.

— А когда вы убьете его, Сторвики примутся убивать Брансонов, мы начнем отвечать тем же, и так будет продолжаться до тех пор, пока от нас не останутся одни воспоминания, как от викинга, похороненного на Горбатом холме. Вы этого хотите?

Заерзав на твердом сидении, она отвернулась. Она наговорила столько красивых слов о ценности семьи, но о смерти Вилли думала только в том смысле, что это будет значить для нее одной.

Она молчала. Он не отступал:

— Или его смерти вам будет достаточно?

Она заставила себя посмотреть ему в глаза.

— Да. — Должно быть достаточно для того, чтобы она стала другим человеком. Но лучше перевести тему на него самого, пока он не узнал о ней больше, чем следует. — А вы — сами. Как вы можете ставить короля выше семьи?

Она вслушивалась в тишину, ощущая его внутреннюю борьбу.

— Король приблизил меня к себе, — наконец произнес он. — Когда семья отвергла.

Горькие слова. Такие же горькие, как те, что бросил ему в лицо брат.

— А если мы не выполним приказ короля? Что тогда?

— Тогда я не смогу вернуться ко двору.

Она повела плечами. Не вернется к королю, значит останется, как и положено, на границе. Какие трудности.

— Неужели там настолько лучше, чем здесь? — Она знала свою долину, свои холмы. Все прочее — Стерлинг, Эдинбург, Линлитгоу — казалось таким же чужим и далеким, как Лондон.

Он долго молчал.

— Да. Там для меня есть место. Или будет.

— И ради этого вы готовы предать свою семью?

— Предать! — Оскорбительное слово эхом отразилось от каменных стен. — Разве не Брансоны постоянно нарушают законы, предавая божьи заповеди и мирские соглашения?

— Чего вы от нас хотите? Чтобы мы безропотно разрешали им отнимать наших овец, наш скот, нашу... — Она не смогла выговорить это слово. — Отнимать наши жизни?

— Я хочу, чтобы вы уважали короля и его власть.

— Король не помог наказать Вилли Сторвика. — И не помог ей спасти себя. Только сильная рука семьи может восстановить справедливость.

— И вам нравится так жить? — спросил он. Его лица она не видела, но в голосе почувствовала искреннее желание услышать ответ. — В вечном страхе?

Она открыла рот, но не нашлась, что сказать. Каким образом он оказался способен ухватить самую суть? Никому еще это не удавалось. Страх никогда не оставит ее, неважно, будут ли они воевать или жить в мире. Даже если ее поселят за стенами королевского дворца и окружают лучшими стражниками, страх никуда не денется и будет наступать ее всякий раз при встрече с незнакомым мужчиной.

— Неважно, что мне нравится, а что нет, — проговорила она. — Такова наша доля.

Однако в эти минуты, пока она сидела рядом с ним в темноте, ей было не страшно.

Неужели однажды она перестанет воспринимать мужчин как врагов? Это казалось почти невозможным. Она думала, что два года назад, в тот темный и отвратительный час, навсегда утратила эту способность. Но потом появился Джон, и она... она будто ожила.

Кейт поднялась с карниза.

— Я пойду лягу. — В кровать, где она не сомкнет глаз до рассвета.

— Ваш кошмар отступил?

— Более или менее. — Она не сказала «да». Дурные сны никогда не перестанут ей сниться. Два года они неотступно преследовали ее и будут преследовать до самой ее смерти.

Или до смерти Вилли Сторвика.

* * *

Джон смотрел ей вслед, пока она поднималась по лестнице. Отголоски ее вопросов эхом звучали в его голове.

А если мы не выполним приказ короля? Что тогда?

Сначала Роб, теперь она. Все они заставляли его задуматься, что же случится, если он потерпит неудачу.

Каким же он был самонадеянным, когда возомнил, что сможет подчинить ее своей воле только потому, что она женщина. Ему оказалось не под силу понять не только местных мужчин. Да, Кейт выслушала его, но она не допускала и мысли о том, что может быть не права. Поистине мужское упрямство. Она годилась на роль члена его семьи больше, нежели он сам.

Каково это, иметь сплоченную семью и преданную возлюбленную? Воспоминание о ее хрипловатом, чувственном голосе отозвалось в голове, порождая видения о постели, которую они никогда не разделят.

При дворе у него не было недостатка в партнершах, однако он понимал, что они ищут его внимания в надежде, что следующей ступенью после его постели станет постель короля. Если за несколько месяцев женщине не удавалось снискать королевского расположения, она

уходила от Джонни к другому.

А он уходил к другой.

Неужели там настолько лучше, чем здесь?

Внизу, за окном простиралась долина его детства, окруженная тронутыми лунным светом холмами. Ее разбудили сны, его — тревоги.

Тревоги. Невзрачное слово, плохо передающее его состояние. Столкнувшись с братом, не пожелавшим его понять, и с женщиной, которая отказалась ему подчиниться, он стал изгоем в месте, которое должно было быть его домом.

Король ожидает, что через несколько недель Брансоны встанут под его знамена. Но все шло к тому, что вместо этого они будут прочесывать холмы в поисках Вилли Сторвика.

Через несколько недель наступит лучшее время для рейдов. Стада овец и коров приведут с горных пастбищ к стенам замков. Болота высохнут, земля станет твердой. А потом группы рейдеров начнут в обе стороны пересекать границу, ведомые светом луны.

Но опытным рейдерам, вроде его отца, лунный свет был не нужен.

Отец хорошо изучил эту родной край. Его лошади знали все горные тропы, все ручьи и пригорки. Места, где росли деревья и где торчали пни. Где таились опасные овраги. Где цвел вереск. И отец, и брат, оба они могли пересечь долину и вернуться домой даже с завязанными глазами, доверяя чутью своих лошадей и собственной памяти.

Сегодня, верхом на пони, даже он вспомнил и узнал рельеф родной земли. То была суровая земля, принадлежащая только им.

Не королю. *Им одним.*

Он запретил себе думать о Кейт. Но вдруг услышал далекий зов, похожий на подхваченный ветром голос... *Словно луна бесшумные, словно звезды надежные...* Словно все то время, пока его не было, земля, как верная невеста, ждала его и теперь страстно желала, готовая отдаваться снова и снова.

Борясь с искушением, он выпрямился. Этой земле он нужен не больше, чем Кейт Гилнок. Он не вернулся домой. Он приехал, чтобы добиться исполнения королевской воли.

Джон отошел от окна. Сейчас ночь, ну и пусть. Мальчишкой, когда ему хотелось скрыться от всего мира, он убегал в то единственное, спрятанное среди холмов место, где чувствовал и себя потомком далекого викинга. А потом безропотно принимал наказание от тяжелой руки отца. Драгоценные часы уединения того стоили.

Может быть, у него снова получится отыскать дорогу туда.

— Что значит, Джонни пропал? — спросила Кейт.

Новость не сочеталась с заливавшими двор лучами веселого летнего солнца. Бесси взяла мокрую рубашку и повесила ее на веревку сушиться. Ее обычно спокойное лицо было омрачено беспокойством.

— Никто не видел его со вчерашнего вечера.

А вдруг с ним что-то случилось? Эта мысль взволновала Кейт сильнее, чем она ожидала.

— Я его видела.

— Когда?

Она отвернулась.

— Не знаю. Поздно ночью. Мне не спалось, и мы с ним... пересеклись на лестнице.

Куда он отправился после их разговора? После того как, сдержав слово, не тронул ее.

— Но уже полдень.

Кейт пожала плечами, не желая поддаваться тревоге.

— Зачем ты говоришь об этом мне? Скажи Черному Робу, пусть он его ищет.

— Роб перегоняет скот. К тому же ты, хоть и колючая, как репейник, все же более отзывчивая, чем мой упрямый брат.

Кейт моргнула. Бесси не задавала вопросов, но многое подмечала без слов. Как бы она не догадалась о ее главном секрете.

— И помимо всего прочего только у тебя есть ищейка, — привела Бесси последний аргумент.

Кейт погладила пса по голове. Да, она научила Смелычака быстро и бесшумно вести по следу. Когда придет время, Вилли Сторвик от нее не уйдет. Но ее пальцы тряслись, когда она почесывала пса за ушами. Если она окажется слишком далеко от дома, одна, произойти может все, что угодно...

Если уже не произошло с Джоном.

Нет. В компании верного пса она не станет бояться.

— Дай мне что-нибудь из его одежды, — попросила она, не давая себе времени передумать.

— Вот. — Бесси порылась в корзине с бельем, которая стояла возле кипятильного котла, и вытащила полотняную рубаху. — Я как раз собиралась стирать его вещи.

Лишь бы его запах не смешался с запахами чужого белья. Едва его рубаха перешла в ее руки, едва она поняла, что держит вещь, которая касалась его кожи, ей захотелось прижать ее к себе и взмолиться, чтобы с ним ничего не случилось.

— Возьми с собой кого-нибудь, — сказала Бесси.

Подавлив соблазн, она отказалась:

— Он и так будет сконфужен тем, что две женщины устроили из-за него переполох, а уж если я приведу толпу мужчин... Лучше постараюсь разыскать его побыстрее, чтобы никто, включая Роба, ни о чем не узнал.

Джону будет неприятно, если Роб узнает. Непонятно откуда, но она это знала.

— Мне не нравится, что ты уходишь одна. Ты будешь осторожна? — спросила Бесси.

С напускным бесстрашием на лице Кейт подняла голову.

— Я вернусь за помощью, если поиски затянутся.

Ее пальцы неуклюже дрожали, когда она седлала пони и надевала на Смелчака ошейник с длинным поводком. Пес подпрыгивал от возбуждения, предвкушая погоню. Наконец она присела с ним рядом и поднесла к его носу рубаху. Хорошо, что вчера вечером она назвала Джона другом. Смелчаку будет легче напасть на след.

— Искать! Джон!

Он нетерпеливо дернул поводок. Вся дрожа, Кейт села в седло. Пес будет бежать рядом — бесшумной тенью, как она его научила.

И когда они доберутся до цели, их не услышат.

* * *

В странном состоянии, как бывало всегда, когда ему доводилось ездить одному в темноте, Джон добрался до кольца древних, изрезанных камней на Горбатом холме. Никто не знал, как и когда они появились. Некоторые считали их надгробиями предков. Другие говорили, что это место населено первобытными духами.

Вторая версия бытовала, в основном, на другой стороне границы, и этого было достаточно, чтобы большинство англичан избегало этого места.

Как было достаточно, чтобы подарить ему передышку всякий раз, когда он заступал за пределы каменного кольца.

Кольцо давно перестало быть замкнутым. За сотни лет многие камни исчезли. Но те, которые он помнил, все еще ждали его — широкие у основания и сужающиеся кверху, достаточно высокие, чтобы можно было прислониться к ним и смотреть вдаль.

Много лет назад он сидел здесь и смотрел на восток, гадая, что же лежит за пределами их долины. Теперь он знал.

Джон занял свое любимое место, надеясь, что, как и раньше, на него снизойдет чувство покоя. В детстве он воображал, что эти камни воздвиг первый из Брансонов, и мысленно беседовал с ним, словно с отцом, которым тот не являлся.

Во время этих воображаемых разговоров Джон ощущал и себя частью своего рода — ощущение, столь недоступное ему ныне. Он уехал, не сказав никому ни слова. Вряд ли они заметят его отсутствие. Или же им будет все равно.

Сидя в окружении древних камней, глядя, как над холмами занимается рассвет, он задумался о своей судьбе. Чувство уверенности в будущем, с которым он приехал домой, исчезло. Что же ему теперь делать?

Его веки устало смежились, и уже во сне он услышал, как хриплый женский голос шепчет ему ответ, делясь секретами в темноте.

* * *

Смелчак был хорошо тренированным псом, но раньше ему не приходилось брать след в ситуации, когда это было действительно важно. И все же, едва втянув носом запах Джона, он потащил Кейт за собой и так уверенно, что временами до боли выворачивал ее руку.

— Не так быстро! — крикнула она.

Но пес, добросовестно выполняя приказ, упрямо вел за собой ее пони, устремляясь на север. К счастью, в противоположную от границы сторону. По пути она перебрала в голове тысячи вариантов того, что могло произойти с Джоном. Он заблудился. Сорвался с обрыва. Ранен. Мертв.

Потом до нее дошло, куда они направляются. На Горбатый холм, где она потеряла отца. И все остальное.

Это было красивое место, но очень опасное, даже до той ночи.

Будь осторожна. Не упади с обрыва. Не подходи к камням, там обитают духи.

И вот Смелчак вел ее напрямик к этим самым камням, испещренным странными символами, и останавливаться было уже поздно.

Она не хотела видеть этого места, которое и так достаточно часто посещало ее во сне, но пути назад не было. Подъехав ближе, она увидела, как из-за камня поднимается человек с обнаженным мечом в руках.

Задохнувшись, она попыталась развернуть лошадь, как вдруг пес сорвался с поводка, понесся вперед и, запрыгав от радости, что справился с заданием, обнюхал Джона с головы до пят.

Она обмякла в седле, не вполне понимая, что именно чувствует: то ли облегчение оттого, что человек с оружием не был врагом, то ли радость оттого, что Джон оказался жив и здоров.

— Хороший пес, — проговорила она, спешиваясь.

Наигравшись с псом, Джон убрал меч в ножны и посмотрел на Кейт.

— Что вы здесь делаете?

Его улыбка предназначалась собаке. К ней самой он обратился с раздражением в голосе. По дороге сюда она еле дышала, раздираемая тревогой за его жизнь и страхами, о которых он ничего не знал. И вот наконец он стоял перед ней, целый и невредимый, без единой царапины.

— Вы пропали. Ваша сестра волновалась. Что *вы* здесь делаете?

— Я часто приходил сюда в юности.

Хотя она стояла на безопасном расстоянии от каменного кольца, ее пробрала дрожь.

— Зачем?

— Чтобы подумать.

Она огляделась вокруг и снова уставилась на него.

— На весь день?

Он отвел глаза, от неловкости его скулы чуть покраснели.

— Я приехал ночью, после нашего разговора, и случайно заснул.

Его беспечность разозлила ее. Ради него она заставила себя вернуться в это жуткое место, а он просто заснул?

— Скажите спасибо, что я не взяла моих людей, и никто не видит, как вы тут дремлете. — Взвзвись за поводок, она притянула собаку к себе. — Хватит, Смелчак.

— Ну что ж, вы нашли меня. Можете возвращаться домой.

Она покачала головой.

— Бесси устроит нагоняй нам обоим, если я вернусь без вас.

Он вздохнул.

— Эта девица такая же упрямая, как и все мы.

Его слова заставили Кейт улыбнуться. Плохо знакомые с Бесси люди ошибочно

принимали ее молчаливое спокойствие за кротость.

— В следующий раз предупреждайте ее, куда уходите.

Она опасливо держалась в стороне от каменного круга. Как он может спокойно стоять среди древних монументов, словно то были обычные камни?

— Идите сюда, — сказал он. — Сядьте рядом. — Он протянул руку.

Не двигаясь с места, она окинула камни нерешительным взглядом.

Там обитают духи.

Но стоял полдень, а единственными духами, витавшими в воздухе, были тени ее собственных призраков.

— Это безопасное место?

Он усмехнулся.

— Самое безопасное на границе.

Она вложила пальцы в его протянутую ладонь, все еще не решаясь перешагнуть невидимую черту.

— Отец говорил, здесь живут древние духи. Он не разрешал приходить сюда.

* * *

Джон замер, боясь спугнуть ее. Она сама взяла его за руку, и ее холодные пальцы уютно легли в его ладонь.

— Мой тоже не разрешал, — с улыбкой ответил он. — Но все его запреты по большей части оказались неправдой.

— Не могу сказать то же самое про себя, — проговорила она. Ее пальцы дрожали.

Тем не менее она перешагнула воображаемую границу и, устроившись рядом с ним, с осторожностью огляделась.

— А вы на него похожи, — сказал он.

Она подняла глаза.

— На кого?

— На основателя нашего рода. На кареглазого викинга и его племя.

— Не было никакого племени. Он был один.

Повезло же ему.

Джон порылся в памяти. До своего отъезда он множество раз слышал эту историю, но с тех пор — никогда.

— Так в чем суть предания?

— Обо всем рассказано в песне. Вы ее не знаете?

Удивление в ее голосе смешалось с неодобрением.

— Прошло много лет. Напомните мне.

— Первый Брансон приплыл из-за Северного моря со своими товарищами, высадился на Северных островах и прошел через высокогорье к Западному морю. — Хотя она знала эту историю наизусть, пересказывать ее было не скучно.

Он внимательно слушал и не перебивал.

— Когда они добрались до побережья, на них напали. — Она устремила свой взор на запад и ненадолго умолкла, будто эта картина развернулась у нее перед глазами. — Враги загнали Первого Брансона и его отряд в долину и у подножья этого холма дали им бой. — Ее

низкий, глубокий голос придавал легенде реалистичность. — И убили их.

На него повеяло холодом, словно тучи закрыли солнце.

— Всех?

— По легенде выжил только один, может быть, двое. А Первого Брансона бросили умирать, забрав у него лошадь и меч.

Теперь он вспомнил.

Первого Брансона на смерть обрекли,
Оставили в поле с раной в груди.

* * *

Первый Брансон был таким же бездомным и никому не нужным, как Джонни Тряпка.

Всю жизнь он считал, что из всей семьи именно у него меньше всего общего с основателем их рода. Даже найдя убежище среди древних могил, он сомневался, что имеет право приходить сюда. Но если вспомнить, что Первого Брансона бросили его же товарищи... что ж, это чувство было ему знакомо.

— Тем не менее он выжил, — завершила Кейт свой рассказ. — Поселился в этих краях. И с тех пор они принадлежат Брансонам. — Она посмотрела на него. — И так будет всегда.

Сидя бок о бок с нею, он окинул взглядом долину, и его заполонило незнакомое прежде чувство. Здесь его родина. Его дом.

Дом это нечто большее, чем твердыня замка. Быть дома значило оставаться среди голубовато-серых холмов, подчиняться зову земли, покрытой золотисто-зелеными травами. Жить с женщиной, которая выносит его детей. Которые останутся на этой земле, когда его не станет.

Он отказался впускать в сердце тоску. Слишком долго он пробыл при дворе, чтобы не знать, что земля продается и покупается за золотые монеты. Ею одаривают в знак поощрения и отнимают, чтобы наказать.

С женщинами все обстояло так же. Связи с ними — ради мимолетного наслаждения или политического влияния — никогда не длились долго.

Но женщина, которая сидела сейчас рядом и смотрела вдаль, казалась такой же цельной и неизбывной, как окружавшие их холмы. Несмотря на все свои страхи, она едва ли позволит распоряжаться собой или диктовать ей свою волю.

Она смотрела на юг, где жили Сторвики и куда они вскорости собирались поехать.

— Отсюда любого врага видно как на ладони.

Внезапно он все понял. Должно быть, они смогли подобраться к ним незамеченными и напали на них, пока она и ее отец спали в хижине. И теперь она живет в страхе, что они придут снова.

Очевидно, меч и мужская одежда это не более чем маскировка, призванная подпитывать ее мужество.

Чуть слышно она прошептала:

— Я не была здесь с тех пор, как...

Она замолчала, но он услышал конец предложения. *С тех пор, как случилась та ночь.*

И все же она пришла сюда, чтобы найти его. И пришла одна.

— С тех пор, как напал Вилли Сторвик, — договорил он за нее.

При звуке этого имени от ее мечтательного спокойствия не осталось и следа. Губы ее плотно сжались, глаза сузились.

— Да. С того самого дня.

В выражении ее лица появилось нечто такое, что заставило его заподозрить, не вышло ли так, что ее...

Он подавил эту мысль. Лучше не вникать в ее страхи. Вместо того, чтобы любоваться долиной и думать об этой женщине так, как он еще ни о ком раньше не думал, он должен сосредоточиться на том, как убедить Роба отправить людей королю.

Он быстро прикинул в уме. Есть один способ сделать так, чтобы и Кейт, и король остались довольны. Чтобы Брансонам не пришлось неделями прочесывать холмы, разыскивая преступника.

— А если я добьюсь того, чтобы Сторвика в ближайшем будущем наказали? — Он повернулся к ней, борясь с желанием снова взять ее за руку.

Бесконечно долго она рассматривала его, словно не услышала, что он сказал.

— Как?

— Его могут привлечь к суду смотрители марки.

Она с неприязнью вздохнула.

— Думаете, мы их не просили?

Вот и Роб говорил то же самое.

— Король назначил нового смотрителя от Шотландии. Томаса Карвела. — Джону было предписано доставить тому бумагу о назначении. — По закону англичане обязаны выдать преступника в течении пятнадцати дней после запроса смотрителя. Не позднее, чем через месяц его осудят и определят наказание.

И подмога придет к королю вовремя. Но времени будет в обрез.

Она покачала головой.

— И что с того? Они назначат компенсацию и отпустят его на свободу. А мне не нужны его кровавые деньги, — процедила она сквозь зубы. — Мне нужно, чтобы он умер.

И опять у него возникло ощущение недосказанности. Интуиция подсказала ему, что сейчас неподходящий момент выпытывать, о чем она умолчала.

— Я прослежу за тем, чтобы ему вынесли смертный приговор.

— Каким образом?

— Я все объясню Карвелу. — Король не станет возражать против справедливого наказания для убийцы. — Заставлю его понять, что Сторвика необходимо приговорить к смерти.

Все еще сомневаясь, она подняла брови.

— А если ничего не получится?

— Если вы убедите моего брата поручить это дело смотрителям, а они откажут вам в правосудии, тогда я сам разыщу Вилли-со-шрамом. — Такой исход был возможен, но маловероятен. В любом случае эта женщина отложит меч и заживет нормальной жизнью.

Долго-долго она сверлила его взглядом и не отвечала. Вместо слова «да» он слышал только завывание ветра.

— И зачем же, — наконец спросила она со скептическим видом, — вам так утруждаться?

Вынужденный выложить свой план начистоту, он вздохнул.

— Чтобы вы помогли мне уговорить Роба помочь королю.

Неприкрытая правда. Точнее, часть правды. В остальном он не хотел признаваться.

В ее глазах промелькнуло что-то похожее на разочарование.

— Вы даете слово, что я увижу его мертвым?

Он еще раз все взвесил. Если все пойдет по плану, у Брансонов останется неделя на то, чтобы добраться до замка Танталлон, где их ожидает король. Времени впритык, но они успеют.

— Да.

— И чего стоит ваше слово?

Ее недоверие больно кольнуло его.

— Хотите, чтобы я поклялся? Ладно. Клянусь.

— Чем вы клянетесь?

Она этого не требовала, когда в прошлый раз брала с него слово. Может быть, она поняла, что всерьез он и не думает сам гоняться за Вилли Сторвиком?

— Христовой кровью, если хотите.

Она помотала головой.

— Мы отлучены от церкви и прокляты. Поклянитесь чем-нибудь другим. Тем, что для вас дорого.

Он огляделся вокруг. Почувствовал на лице ветер. Окинул взором холмы. И понял, что не знает ничего, более сокровенного, чем это место. Он положил руку на камень, осязая ладонью его поверхность, твердую и шероховатую, но такую надежную и настоящую.

— Я клянусь этими камнями.

Позволив себе заглянуть ей в глаза, он разглядел тень сомнения. В ком она не уверена? В нем или в себе самой? Трудно сказать.

Он наклонился к ней, желая завладеть ее губами, и она, кажется, тоже подалась вперед. Его рука замерла у ее лица, и она повторила его жест, словно странная мощь этого места притягивала их друг к другу.

Пальцы, легко касавшиеся его лица, разрешили ему наклониться так близко, что он ощутил на своих губах ее дыхание. Осмелился дотронуться до ее щеки. Еще немного, и он познает вкус ее губ...

А потом ее жесткие пальцы запечатали его рот.

Открыв глаза, он наткнулся на ее взгляд. Глаза у нее стали огромные, потемневшие. С напряженно сведенными плечами она откинулась назад и выпрямила спину. Прежняя Кейт.

Он всматривался в ее лицо, не понимая, что же ее отпугнуло.

Ее грудь вздымалась и опадала, пока они молча сидели рядом. И в стоне ветра, струящегося вокруг камней, он услышал шепот далекой песни.

В конце концов она кивнула.

— Я согласна.

Джон настоял на том, чтобы они пошли к Робу немедленно, пока она не успела передумать.

Они нашли его в спальне главы семьи. Он стоял, уставившись на кровать, будто был не в силах смириться с фактом, что отныне это его комната, и с их приходом, кажется, испытал облегчение.

— Нам надо поговорить, — произнес Джон.

Роб сложил на груди руки.

— Я слушаю.

— На Шотландскую марку назначен новый смотритель, точнее это назначение вступит в силу, как только я доставлю приказ короля в замок Карвел. Кейт согласилась с тем, что Вилли Сторвика надо судить по закону, а не пытаться изловить своими силами.

— Неужели? — Слова брата были пронизаны недоверием. Он вопросительно посмотрел на Кейт.

Джон задержал дыхание.

— Все верно, — подтвердила она.

Он перевел взгляд на Роба, как будто не сомневался в ее ответе.

— Смотрителя Английской марки обяжут доставить его на суд в День перемирия.

Роб фыркнул.

— День перемирия... Пустая трата лошадиного корма.

Совсем как в детстве. Та же тональность в голосе, тот же снисходительный взгляд.

Узнаешь, когда подрастешь, Джонни.

За время своего отсутствия он постарался забыть этот взгляд. Люди в окружении короля не смели его недооценивать, даже те, которые не питали к нему дружеских чувств.

Он подавил раздражение.

— На этот раз все будет иначе. Я передам смотрителю приказ короля. Правосудие будет совершено.

Роб молча рассматривал их обоих.

— Что ж, — наконец проговорил он, — ради бога. Раз уж ты уперт на своем, как Брансон.

Не удержавшись, Джон улыбнулся, но после следующих слов Роба его улыбка померкла.

— Но может статься, что тебя оставят в дураках.

— Джон обещал поймать Вилли Сторвика сам, если смотрители не повесят его за убийство, — сказала Кейт.

Роб изогнул бровь.

— Значит, ты все-таки поедешь с нами?

Кейт повернулась к Джону.

— Он поклялся.

— Взял на себя еще одно обещание, да, Джонни? — На лице Роба отобразилось удивление.

— Да. — Ответ тяжким грузом лег на его плечи. Он поклялся действовать в чужих интересах, но они легко могли помешать его собственным. Обещания складывались друг с другом как камни, грозящие вырасти в настоящую стену. — Но я прошу и тебя дать мне

слово. После суда ты должен отправить своих людей королю.

Какое-то время Роб сверлил его пристальным взглядом.

— Ты уверен, что хочешь именно этого?

— Да. — А как же иначе?

— Тогда я даю тебе слово, — наконец ответил брат, и это слово было крепче рукопожатия.

Джон кивнул и на миг почувствовал всю силу того обязательства, которое принял на себя Роб. Могла ли эта сила и впрямь стать надежным щитом против неопределенности мира?

Нет, понял он из следующих слов брата.

— Только не прибегай ко мне плакаться, когда законы, зрители и короли подведут тебя.

В его ладонь проникла рука Кейт. Изумленный, он повернулся к ней и увидел, что она не сводит с него глаз.

— Но семья никогда так не поступит. Семья не подведет вас.

Он тряхнул головой, надеясь, что на сей раз это окажется правдой.

* * *

Уж слишком это легко, думала она, когда назавтра седлала лошадь и готовила меч. Слишком легко представить, как она зарывается лицом в его плечо, разрешая себя обнять.

Слишком легко уступить искушению и позволить ему разделить ее бремя. Он давал ей одно обещание за другим. И вел себя так, что она начинала им верить.

Она не должна поддаваться мечтам. Когда вернется страх, она должна справиться с ним в одиночку. И никак иначе.

Если она разрешит ему дотронуться до себя, если позволит себе уступить, как женщина уступает мужчине, то страх вырвется из ее снов и будет преследовать постоянно. О чем бы она ни мечтала, тело будет сопротивляться. Страх так прочно укоренился в ее душе, что она никогда не позволит мужчине взять ее снова.

Любому мужчине.

Другие, не спрашивая, понимали, что ее лучше не трогать. Они знали, что она хочет быть одна.

Однако Джонни Брансон смотрел на нее свежим взглядом.

Два года она жила прошлым, и оно — по крайней мере, известная посторонним часть — отражалось в глазах всех окружавших ее мужчин и женщин.

Как она? С нею надо быть терпеливыми. Проявлять снисхождение.

Они не говорили этого вслух. Никто, за исключением, пожалуй, Бесси, не делал попыток заглянуть в ее душу. Они соблюдали дистанцию и не нарушали уединения, в котором она так нуждалась.

Они оставили ее в покое.

Но Джонни не застал то время. Он не был свидетелем ее горя, ее оцепенения. Не видел как день за днем она жила словно бледная тень.

Нет, он видел только то, что она позволяла ему увидеть. Храбрую Кейт. Кейт, которая никого не боится. А ту скорбящую, похожую на приведение девушку он не знал. Как не

помнил мечтательную юную девочку, которая играла в прятки на свадьбе и мечтала тоже когда-нибудь выйти замуж.

Странно, но ее успокаивала мысль о том, что в его глазах она такая, какой себя сделала. Какой хотела казаться. Так должно оставаться и впредь.

* * *

Джон уже собирался садиться в седло, как вдруг увидел, что к нему приближается Кейт верхом на своем пони. Рядом с нею бежал пес.

Он удивленно моргнул.

— Вы никуда не поедете.

— Это вы никуда не поедете без меня.

Эта женщина хоть кого-нибудь слушается?

— Поеду. — Он выехал к воротам, где его ждали два вооруженных всадника. На этой неделе он убедился, что в одиночку здесь лучше не ездить. — До свидания.

— Это мои люди, — крикнула она. — Если я останусь, то и они тоже.

Он вздохнул. Карвел жил на востоке около моря, но точного пути он не знал, а Роб не смог или не захотел снять своих людей с караула, чтобы выделить ему сопровождение.

Остановившись, он раздраженно развернулся в седле.

— Почему вам обязательно нужно ехать? — *Вы мне не доверяете?* Этот вопрос он не задал, возможно, оттого, что не хотел узнавать ответ.

На ее лице проступила горечь.

— Речь идет о моем возмездии. Новый смотритель должен узнать от меня лично, насколько серьезно я настроена.

Он смерил ее взглядом.

— Как вы думаете, насколько серьезно он воспримет женщину, которая одевается как юноша?

Она слегка покраснела от возмущения.

— Насколько вы ему скажете.

Я еще не уезжала так далеко от замка... сказала она. Сейчас им предстоит заехать гораздо дальше Горбатого холма.

Насколько она храбрая? Насколько силен он сам?

— Мы уезжаем на две ночи, — предупредил он, ища в ее глазах хотя бы проблеск сомнения. — Может, даже на три.

Три ночи возле нее. Он хотел убежать от искушения, а не переживать его снова и снова.

Губы ее дрогнули, и она сглотнула. Потом ее челюсти сжались, превращая рот в непреклонную линию.

— На три значит на три.

Значит, достаточно храбрая.

Он снова вздохнул, борясь с раздражением. Не хотел он, чтобы она ехала с ним. И чтобы вмешивалась в его разговор с Карвелом.

Или в его сны.

— Ну... раз вы настаиваете, тогда едем.

Ее улыбка почти убедила его, что он уступил не напрасно. Она пристроилась за ним

следом. У копыт пони крутился Смельчак.

— Нам не придется никого выслеживать, — через плечо крикнул он. — Собака останется дома.

Она открыла рот, но он жестом отмел всякие возражения, уповая на то, что без своего пса она откажется ехать.

— У нас мало времени. Решайте быстрее.

В ее глазах появилась паника. Она побледнела, но в итоге кивнула. Со вздохом он дал ей несколько минут, чтобы поручить зверя заботам Бесси и нагнать их у ворот.

— Не отставайте, — предупредил он, когда они выехали за ворота. — И ведите себя тихо.

* * *

К его удивлению она выполнила обе его просьбы. Они держались северного пути, пролежавшего через заболоченные пустоши Таррас-Мосс. Пони осторожно огибали опасные участки болот, и на протяжении этого долгого дня Джон не раз мысленно поблагодарил небо за то, что члены его маленького отряда — и люди, и лошади — хорошо знают эти земли. Пустынные, продуваемые ветрами, неприветливые, зато лежащие в стороне от спорных территорий.

Лучше не искать лишних проблем. Одна проблема и так следует с ними, подумал он, глядя на скачущую впереди Кейт.

Низкие серые тучи, похожи на седые бороды старцев, цеплялись за вершины холмов. В промозглом воздухе повис густой туман. Лес поредел, сменился невысоким колючим кустарником, царапавшим лошадиные ноги. Они скакали без остановки до самого вечера. Ели на ходу, держа в одной руке овсяную лепешку, а другой сжимая поводья.

К наступлению сумерек половина пути осталась позади. После заката они разбили лагерь и, хотя золотая летняя пора близилась к концу и было прохладно, не стали разжигать костер. Гилноки устроились на ночлег в пределах слышимости, а Джон расстелил свое одеяло на расстоянии вытянутой руки от Кейт.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она нахмурилась.

— Незачем стелить так близко.

— Вы же не хотите, чтобы меня не оказалось рядом, если вдруг придется защищать вас посреди ночи?

Ненавистный ему страх омрачил ее лицо.

— Все равно. Отодвиньтесь подальше.

Он вздохнул. Спать около нее может оказаться сложнее, чем договариваться с Карвелом.

— Завтра к ночи мы будем на месте. — Он немного отодвинул свою подстилку. К счастью, в замке ее положат спать вместе с какой-нибудь женщиной. Подальше от него, но недостаточно далеко, чтобы перестать о ней думать.

Он лег и, отвернувшись, зажмурил глаза. Бесполезно.

— Карвелы могут выставить больше людей, чем любая другая семья к западу от реки Эск, — прорезал ночную тишину ее голос.

Джон лежал, не двигаясь и держа глаза закрытыми.

— Вот как?

— Почти столько же много, как мы.

Ее замечание заставило его задуматься. В случае настоящей угрозы Брансоны могли собрать около трех тысяч человек. Но такого количества королю не видать даже близко.

— Мы едем не за тем, чтобы склонять его к рейду. Мы везем королевский указ, провозглашающий Томаса Карвела смотрителем марки.

— В Лиддесдейле эта бумага значит меньше, чем в Стерлинге, — проронила она. — И совсем ничего — для меня.

Он сел.

— Его отец был смотрителем. Он знает, в чем его долг. — Сместивший юного короля регент отнял у Карвелов пост, а вместе с ним — деньги и власть, которую тот обеспечивал, но король одним из первых указов восстановил справедливость. — Если Карвел и соберет войско, то только ради помощи королю.

Он сделал ошибку. Посмотрел на нее в момент, когда она устраивалась поудобнее, готовясь ко сну. В голове тут же возникли запретные мысли.

— Почему он не назначил смотрителем вас?

— Потому что я бы отказался. — Чтобы не застрять, как в капкане, на земле, которая давно стала чужой.

Но на самом деле король и не предлагал ему этот пост. И Джон впервые спросил себя, почему.

— Жаль, — сказала она. — Ваша семья могла бы стать самой могущественной на границе.

— Спице, — сказал он и снова лег.

Но пока он лежал, высматривая за тучами звезды, ему открылась неприятная истина. Он относился к королю как к брату. Учил его, оберегал, заботился о его благополучии как о своем собственном. Создал подобие семьи взамен той, которая его отвергла.

Но Яков воспринимал их отношения по-другому.

Когда Джон покидал двор, король был на встрече с епископами и советниками. Он больше не нуждался в опеке старшего брата.

Он отправил его в эти пустынные, незаконные земли, ожидая абсолютной преданности, но не собираясь, однако, отвечать ему тем же. И вся их былая дружба будет забыта, если до первых морозов Джон не приведет Якову подкрепление.

* * *

Кажется, он задремал. Но, услышав сквозь сон ее стон, моментально проснулся.

Глаза Кейт были закрыты.

Мне приснился дурной сон, сказала она тогда. Очевидно, далеко не впервые.

Она металась из стороны в сторону, что-то неразборчиво бормоча во сне. Потом вскинула кулаки и яростно замолотила ими в воздухе, попадая ему по рукам и едва не угодив в глаз.

— Кейт! Проснитесь!

Она села, вытянулась как стрела, тяжело дыша и продолжая неистово сопротивляться.

Он попытался успокоить ее, не прикасаясь, зашептал на ухо слова утешения и оказался так близко, что услышал ее запах, вспомнил ее вкус...

Он обещал не прикасаться к ней, но когда понял, что тиски кошмара слишком сильны, взял ее за запястья, чтобы она ненароком не причинила вреда ему или самой себе.

— Нет! — В ее голосе звенело страдание. Наверное, оказавшись в темноте, вдали от надежных стен дома, она принимала его за врага. — Нет!

Тут подоспели ее люди и встали над ним с обнаженными мечами в руках, готовые обратить их против него.

— Она не может проснуться, — объяснил он, отпуская ее. — Кейт! Это Джон. Вам ничего не угрожает.

Наконец она открыла глаза и обмякла, глотая воздух с похожим на рыдание звуком. А потом съежилась и застыла.

— Что я говорила?

О чем она боялась проговориться?

— Ничего. Мы рядом, ваши люди и я тоже.

Она взглянула на них и немедленно распрямила спину. Немедленно превратилась в Храбрую Кейт.

— Идите. Это был... просто сон.

Она махнула рукой. Джон кивнул, отпуская Гилноков на их посты.

Занимался новый день. Тусклый свет пробивался сквозь прорехи облаков на востоке.

Шаря ладонями по земле, Кейт огляделась.

— Где Смельчак?

— Мы оставили его дома. Вы забыли? — Теперь он жалел об этом. Похоже, в компании пса она чувствовала себя увереннее.

Ответом ему был тихий вздох. Она встала и отошла на несколько шагов в сторону, будто поняла, что, пытаясь ее разбудить, он посмел чрезмерно приблизиться.

— Опять тот дурной сон? — Он подошел к ней.

— Да. Опять тот сон, — прошептала она и отвернулась.

— Извините.

— Вы тут не при чем.

— Я не об этом. Я дотронулся до вас, но только затем, чтобы вы не ушибли себя. — Он улыбнулся ей в спину. — Или меня.

Движение плеча. Неразборчивый возглас.

— Что-то не так, Кейт?

— Ничего. — Она подняла голову, вновь окружая себя броней. — Все прекрасно. Мы отправились в это дурацкое путешествие, чтобы доверить мою судьбу человеку, которого никто из нас даже не знает. Что может быть не так?

— Вы сами захотели поехать. В другой раз оставайтесь дома. — Ему хотелось схватить ее за руку. Развернуть, прижать к себе, целовать, гладить ее волосы и сказать ей...

Будто прочитав его мысли, она шагнула к нему. Но вместо прикосновения нежных губ он услышал злые слова.

— В другой раз? Да вы сами в него не верите.

— Верю. — У него не было другого выбора. — А теперь ложитесь спать. — Он придвинул свое одеяло поближе. — Я буду рядом.

Он лег на бок, демонстративно повернувшись к ней спиной, подождал немного и, не

услышав, чтобы она легла, снова сел.

Она по-прежнему стояла с настороженным лицом и скрещенными на груди руками и смотрела вдаль, словно держала себя наготове к нападению Сторвиков.

— Если что, ваши люди неподалеку, — сказал он.

— Тот день был похож на этот, — прошептала она, обращаясь скорее сама к себе. — Они пришли ночью. Было сыро и пасмурно, и так сильно пахло вереском, что кружилась голова. — Ее пробрала дрожь. — Я ненавижу этот запах.

Ее признание потрясло его. Сам он любил этот сладкий, напоминавший о доме запах.

Запах, который в его сознании ассоциировался с ней.

Она содрогнулась, внезапно показавшись ему маленькой и хрупкой.

Один и тот же кошмар, снова и снова. Что ей снится? Гибель отца или нечто другое? То, что для женщины страшнее, чем смерть? При этой мысли его опалила ярость.

— Что произошло в ту ночь, Кейт?

Ее глаза моментально стали непроницаемыми.

— Вилли Сторвик и его люди напали на нас и убили моего отца и его товарищей.

И все же страх, который она носила в себе и тщательно прятала, был слишком личным, словно она...

— И все?

— Разве этого недостаточно?

— Чтобы так сильно бояться — нет.

Она напряглась, как если бы он обвинил ее в трусости, и ответила:

— И все. И этого достаточно. Я просто испугалась во сне, а сон мне приснился, потому что я спала снаружи и почуяла запах вереска.

Храбрая Кейт, которую она предьявляла миру, была бесстрашной. Кто он такой, чтобы давать оценку тому, что вызывали в ней воспоминания о внезапном набеге и смерти отца? Возможно, этого и впрямь было достаточно.

— С вами все будет хорошо, — наконец проговорил он.

Оглянувшись, она невесело улыбнулась.

— Вы обещаете?

Обещания, обещания. И ничего больше.

— Мне бы очень того хотелось, — сказал он, сам удивляясь, что говорит правду.

— Но вы слишком честны, чтобы обещать это.

— Я дал слово не прикасаться к вам. Я поклялся добиться от смотрителей правосудия. И если ничего не получится, пообещал сам найти Вилли Сторвика. Я дал эти обещания, потому что в моих силах их выполнить.

— Но вы не можете гарантировать, что со мной все будет хорошо, потому что мир большой, жизнь длинная, а господь переменчив, как западный ветер, — закончила она за него.

Присев рядом, она тронула его за плечо. Он замер, ощущая через рубаху тепло ее ладони.

— Не надо больше давать мне обещаний, Джонни Брансон. — Она сжала его плечо. — Мое сердце разобьется, если они окажутся пустыми.

Он хотел было накрыть ее ладонь своей, но вовремя остановился. Слово так просто нарушить. И так трудно сдержаться.

Она понимающе усмехнулась, давая ему понять, что не верит ни в одно из его

обещаний.

Он убрал руку.

— Ложитесь. Пospите еще час. Я посторожу, чтобы на нас не напали.

Она легла, и вскоре он услышал ее размеренное дыхание. А потом сидел рядом без сна, и когда солнце встало над болотами Таррас-Мосс, дал себе еще одно обещание.

Сделать все возможное, чтобы защитить ее.

Узнав, что они привезли послание короля, Карвел, к облегчению Джона, незамедлительно распорядился открыть ворота.

Впрочем, трое мужчин и одна женщина все равно не представляли угрозы для его замка, окруженного ровом и укрепленного высокой, как в замке самих Брансонов, сторожевой башней. Он был почти так же грандиозен, как цитадель короля.

Они провели в дороге весь день, но поскольку ехали по ровной местности, то устали меньше, чем накануне. После того, как Карвел радушно их принял и выделил место для ночлега, Джон настоял на встрече наедине.

— Я не доверяю ему, — прошептала Кейт, пока они следовали за слугой по сумрачным коридорам замка.

— Вы его даже не знаете. — Джон и сам был едва знаком с этим человеком. Они пересекались при дворе, но мимоходом.

Карвел был несколькими годами старше Роба. За время, проведенное в Стерлинге, он приобрел лоск настоящего придворного, и для Кейт этого было достаточно, чтобы в нем сомневаться.

Когда они вошли в кабинет, Карвел подозрительно прищурился, однако не отказался сердечно пожать протянутую Джоном руку. Насколько искренним было это рукопожатие? — задумался тот.

— Ты сказал, что тебя прислал король, — заговорил Карвел после того, как предложил им эля. — Зачем?

Осторожный вопрос, как и следовало ожидать.

— Король сместил регента. Отныне он правит сам.

Карвел кивнул.

— Мы слышали.

Джон постарался не выдать своего удивления. Похоже, при дворе у Карвела есть информаторы.

— И он хочет, чтобы на границе установился мир.

Слуга короля или нет, но губы Карвела скептически изогнулись.

— Вот как? И когда же он планирует простереть свысока свою длань и воплотить это в жизнь?

— Немедленно и с твоей помощью.

— Чего же нового он ждет от меня, чего я не делал на прошлой неделе, в прошлом месяце или в прошлом году?

— Он ждет, что ты обеспечишь соблюдение законов. — Джон протянул ему послание короля. — Ты назначен новым смотрителем марки.

Глаза Карвела на миг широко раскрылись, но удивление на его лице быстро сменилось прежней невозмутимостью. Разломав воск, он до конца развернул свиток, так что с нижнего края свесилась черная королевская печать, потом придвинул поближе свечу и погрузился в чтение.

В темноте за окном волны бились о берег, неутомимые, словно ветер, захлестывающий холмы.

Дочитав, Карвел откинулся назад. Полумрак скрывал выражение его глаз.

— В письме есть что-то еще? — спросил Джон. Король рассказал ему только о назначении.

Карвел сделал неопределенный жест.

— Личные поздравления. — Он вздохнул. — Жаль, что отец не дожил до дня, когда должность смотрителя вернулась в нашу семью.

— Может, в прошлом Карвелы и были смотрителями, — вмешалась Кейт, как будто тоже носила знак королевского отличия, — но право называться так снова надо еще заслужить.

Вот зачем она поехала, подумал Джон. Чтобы высказать свою точку зрения.

Изогнув бровь, Карвел перевел взгляд на нее.

— Очевидно, вы намерены подсказать мне, как?

Он настроен скептически, но не презрительно, отметил Джон.

Кейт не раздумывала над ответом.

— Вы должны повесить Вилли Сторвика.

— Вот как? — спросил тот уже без улыбки. — У этого человека масса врагов отсюда и до самого Джедборо. Чем он не угодил вам?

Она ощутимо напряглась. На мгновение Джону показалось, что она не найдет в себе сил ответить.

— Он совершил убийство, — наконец выговорила она. — Он убил моего отца.

Вместе они рассказали ему о набеге и том, что его предшественник отказался что-либо предпринимать, а когда закончили, новый смотритель марки кивнул.

— Я завтра же отправлю сообщение английскому смотрителю. На следующем Дне перемирия Сторвик ответит за свое преступление.

Ее напряжение ослабло, и она улыбнулась — впервые с того момента, как они выехали из дома.

— День перемирия уже скоро, — сказал Джон. — Через две недели.

Карвел сложил на груди руки.

— Вижу, вы справляетесь с работой смотрителя и без моей помощи.

— Дело должно быть улажено до того, как Брансоны выдвинутся к королю. — Джон слегка улыбнулся, чтобы смягчить свой тон.

Потому что я дал слово Кейт. Но об этом он умолчал.

— Он призывает и моих людей тоже. — Карвел кивнул на письмо. — Они проводят вас до дома, а потом выдвинутся к королю.

— Без тебя? — Даже такой важный человек как смотритель был обязан подчиняться королевскому призыву.

Тот помахал своим «личным» посланием.

— Меня просят остаться здесь и разобраться с некоторыми административными вопросами.

Да, Карвел, как и он сам, служит короне, но насколько совпадают их интересы? — задумался Джон, когда они с Кейт вышли из кабинета.

* * *

По возвращении домой, после того, как пес обнюхал их, выясняя, где они были и кого

видели, Джон и Кейт прошли в зал, чтобы дать Робу и Бесси отчет.

— Все улажено, — сказал Джон. — Сторвика накажут.

И его обещание будет выполнено. Он взглянул на Кейт, чтобы та подтвердила его слова.

Она пожала плечами.

— Его вызовут на суд. Но вполне могут оправдать.

Джон сглотнул. На решение судей он никак не мог повлиять.

Своим хмурым видом Роб показал, что разделяет ее сомнения, но когда он заговорил, его тон оказался неожиданно бодрым:

— Значит, до Дня перемирия у нас есть две недели.

— Да. Карвел и англичанин назначат точную дату и оповестят семьи с обеих сторон.

— Тогда выдвигаемся послезавтра.

Его кольнуло нехорошее предчувствие.

— Куда?

— На небольшую прогулку в горы, — с улыбкой ответил брат.

Если только мысли о рейде могут вызвать у него улыбку, лучше бы Роб оставался мрачным, подумал Джон.

— Ты же сказал, что не станешь мешать зрителю.

— Я сказал, что разрешу наказать Вилли, — поправил Роб. — Наша прогулка не имеет отношения к Сторвикам. Разве что к их скоту. — Его улыбка превратилась в зловещую, неумолимую усмешку. — Через несколько дней полнолуние. Небо станет ясным, ветер переменится и на обратном пути будет дуть нам в спины.

Мир на границе, сказал он Карвелу. И Брансоны первыми же его и нарушат.

— Ты вроде бы говорил, что воровать приходится ради того, чтобы не голодать, но сейчас наши кладовые полны. — Джон посмотрел на Бесси. — Я прав?

Она вздохнула и уклончиво ответила:

— Зима длится долго. Сегодня полны, а завтра в них пусто.

В разочаровании Джон ударил кулаком о ладонь. *Право называться мужчиной надо заслужить.* Вот почему Роб так рвется возглавить свой первый рейд. Чтобы утвердиться в своем праве быть вождем клана.

— Давай с нами, Джонни. — Голос Роба внезапно стал живым и настойчивым. — Поехали вместе.

Первым его побуждением было ответить *да*.

Давай с нами, Джонни. Сокровенные слова, которых он ждал много лет. Неужели Бесси права, и Роб хочет, чтобы он остался?

Они молча смотрели на него. Ждали.

Он покачал головой. Королю мало сиюминутной помощи. Ему нужна верность короне, а не вражда между кланами.

— Без меня. Я обещал наказать Вилли Сторвика, а не коров его семьи.

— Чем хуже Сторвикам, тем больше Вилли, — ответил Роб.

Вернее было бы сказать: *чем хуже Брансонам, тем больше тебе.*

Но он не был Брансоном. Вернее, был, но не таким, каким его хотел видеть Роб.

До сих пор молчавшая Кейт встала.

— Схожу проверю, как там моя лошадь. Она повредила ногу, когда мы спускались с холма.

— Вы не поедете с ними, — сказал Джон, сердясь на нее за то, что она снова

вознамерилась ступить на дорогу опасности и страха. Будто он мог ее остановить.

— Поеду. И вы не вправе мне запрещать.

Неужели их недавнее путешествие ничему ее не научило?

— Вам без разницы кому мстить, да? Лишь бы они носили фамилию Сторвик.

Не ответив, она отвернулась. Как будто не рассчитывала, что он сдержит слово, и хотела сама довести свою месть до конца.

— Хочет ехать, пусть едет, — произнес Роб. — Это ее решение.

Но ты не видел ее, чуть не закричал Джон. Ты не знаешь, как ей будет страшно. Она не покажет тебе свой страх.

Но он видел. Он знал.

— Если ты остаешься, Джонни, то проследишь за безопасностью замка? Можно тебе это доверить?

Он не смотрел на брата. Не замок он хотел защищать, а Кейт.

— Если она поедет, значит я тоже еду.

Все трое в безмолвии уставились на него. По ее глазам, тронутым замешательством, он пытался разгадать, о чем она думает.

Была ли она рада? Было ли ей хоть немного не все равно?

— Не боитесь разгневать своего маленького короля? — в конце концов спросила она.

— Довольно упоминать его возраст. Роб был моложе, когда впервые выехал в рейд. — А вот самому Джонни еще не довелось побывать в набеге. Еще одна причина не признавать его Брансоном.

Возможно, сейчас самое время. Возможно, если он поймет, что ими движет, их будет проще остановить.

— Я поеду с вами, чтобы украсть пару голов скота, — решительно и мрачно сказал он. — И чтобы помешать вам натворить дел похуже.

Чтобы уберечь Кейт.

Роб медленно кивнул.

— Тогда добро пожаловать, Джонни. Но учти. В рейде не всегда остается время на выбор.

* * *

Когда все разошлись, он сбежал вслед за Кейт вниз по лестнице, чтобы догнать ее и попробовать отговорить. Поравнявшись с нею во внутреннем дворе, он подавил порыв схватить ее за плечо.

— Я еду с ними. Вам ехать вовсе необязательно.

Не сбавляя шаг, она вышла за крепостные стены. Он не отставал.

— Это моя месть, а не ваша.

— Теперь и моя тоже.

Она недоверчиво хмыкнула.

— Я поклялся, что Вилли-со-шрамом призовут к правосудию, и не допущу, чтобы вы убили его до суда.

Она выдавила улыбку.

— И не допущу, чтобы он убил вас.

Улыбка исчезла. Она помрачнела.

— Если вы едете только за этим, можете оставаться дома.

Джон и не скрывал, зачем едет. Что-то в ее облике не давало ему покоя. Дрожь подбородка. Вызов в глазах. Все указывало на то, что...

— Вы никогда не бывали в рейде.

Она погладила собаку, выдавая свою нервозность.

— Вы тоже.

— Вы все еще не доверяете мне, да? — Остальным Брансонам она верила безоговорочно. — Вы думаете, что я не сдержу слова. Вы хотите разобраться с ним самостоятельно.

Они дошли до рожицы у реки, где обманчиво мирно шумела вода. На днях она тренировала здесь своего пса.

Остановившись, Кейт развернулась к нему лицом.

— Я вижу, что вы стараетесь мне помочь. И за это большое спасибо. — В ее тоне, однако, не было благодарности. — Но, умрет Вилли Сторвик или нет, вы все равно уедете, а я останусь жить здесь. — Она обвела рукой пространство вокруг себя. — А Сторвики навсегда останутся жить вон за теми холмами. Поэтому его смерть ничего не значит для вас и значит все для меня.

Ее светлые волосы, разворошенные ветром, вились вокруг лица. Под карими глазами залегли глубокие тени. Джон по-прежнему не знал, как воспринимать ее, что делать с тем странным сочетанием отваги и ужаса, которое ею владело. Но когда он наблюдал, как она борется со своим страхом, ему хотелось сделать все, чтобы она никогда не испытывала его снова.

— Вы очень смелая, раз вызвались ехать с нами, — мягко сказал он, жалея, что не может ее обнять. И улыбнулся, надеясь, что она улыбнется в ответ.

— На границе на это горазд кто угодно, — фыркнула она, как будто угроза пролить кровь была пустяковым делом. — Особая смелость тут не нужна. Не о чем слагать песни.

— Но что такое смелость, если не готовность встретить врага? — Он ждал, что она ответит. Позволит ли заглянуть под свою броню.

— Когда лежишь в темноте и встречаешь свои сны. А потом просыпаешься и встречаешь новый день.

Его будто ударили наотмашь. Да, ей требовалось немало смелости, чтобы жить, если даже во сне она не находила покоя.

— Какие сны, Кейт? Что вам снится?

Она молчала, стоя с потемневшими глазами. Потом пес ткнулся носом ей в руку. Она посмотрела Джону в лицо, склонила голову набок и поддела его, уклоняясь от настоящего ответа:

— Вот чем занимаются приближенные короля? Болтают о снах?

Во снах он видел ее, но предпочел умолчать об этом.

— Нет. Жизнь возле короля требует смелости иного рода.

Он приготовился к новым колкостям, но ее взгляд смягчился.

— Расскажите.

Он еще ни с кем не говорил на такие темы. Каким-то образом — и в этом ему было сложно признаться даже самому себе — она вытягивала из него слова, как дымоход вытягивал из жаровни дым.

— Король рос в окружении — нет, правильнее сказать, во власти — людей, которые сохраняли ему жизнь в угоду своим целям. — Якова короновали еще ребенком, но дети такие хрупкие существа. — Его мать меняла союзников чаще, чем мужей. Шотландцы, англичане, французы... Он не знал, с кем она будет завтра. Это закалило его, но сделало недоверчивым.

Рядом с королем и Джон стал таким. Жизнь научила его не доверять ни родным, ни женщинам.

— Но вам-то он доверяет?

— Иначе он не отправил бы меня сюда. — Договорив, он внезапно понял, зачем король поручил ему это дело. Это была проверка. Более серьезная, нежели он думал сначала.

Король хотел выяснить, кому он предан.

Взгляд Кейт оставался спокойным, но он сам ощутил замешательство. Когда он только приехал, у него не возникало вопросов относительно того, в чем состоит его долг. Не было сомнений.

Теперь его уверенность пошатнулась. Он перестал понимать, кому должен быть предан. Другим Брансонам эти метания были незнакомы. Для них на первом месте стояла семья. Никто и никогда не подвергал это сомнению.

Никто, кроме Джонни.

Но упрямая, непреклонная Кейт сделала то, чего не удавалось еще ни одной женщине. Она заставила его задавать себе неудобные вопросы. А потом поблагодарила его, пусть и нехотя. Почему-то он был уверен, что из всех мужчин он единственный удостоился такой чести.

Однако она продолжала в нем сомневаться. Возможно, не без умысла. Возможно, как и король, она проверяла его.

— Я дал вам слово, Кейт. Вы же верите, что я сдержу его? — Он затаил дыхание, ожидая ее ответа.

Неожиданно она улыбнулась.

— Не настолько, чтобы отпускать вас одного, Джонни Брансон.

Сложив руки, он подвел итог:

— Тогда мы поедем оба, потому что я не отпущу вас одну.

— Какой же вы твердолобый, Джонни Брансон.

— Не больше вашего, Кейти Гилнок.

И они, тряхнув головами, улыбнулись своему обоюдному упрямству.

* * *

Ночью Кейт пробудилась ото сна, напугавшего ее сильнее обычного.

Ей приснилось, будто она делит ложе с Джонни Брансоном. И что ей при этом не страшно.

В замешательстве она лежала без сна и смотрела в потолок, слушая тихое посапывание Бесси под боком. Сначала ей приснилось чувство покоя, потом нежный поцелуй, а потом... *нечто большее.*

Она сама захотела большего.

То был не сон. Скорее предчувствие того, что будет, если она уступит ему. Во сне его

руки трогали ее груди, ее кожу, лаская, поглаживая, возбуждая ее, пока она не унеслась ввысь, одержимая каким-то необузданным духом...

А после она проснулась. Испуганная, с бешено колотившимся сердцем.

Лежа на спине, она пыталась утихомирить дыхание.

Она избегала мыслей о браке, но знала, что рано или поздно ей придется выйти замуж. Она будет жить у Брансонов, помогая по хозяйству и на конюшне, пока глава клана не женится. Пока она в состоянии тренировать собак и заниматься лошадьми, у нее будет пища и кров. У нее будет жизнь.

Ее ничего не стоящая жизнь.

После набега она на долгие месяцы погрузилась в оцепенение. Еда утратила вкус. Солнце, луна, музыка — все перестало ее интересовать. Одежда мешком повисла на теле, а весь мир окрасился в серый цвет.

Она не знала, сколько времени так прожила, но однажды услышала пение птицы. Ощутила дуновение ветра. Научилась радоваться мелочам. Благодарной ласке собачьего языка на ладони. Восходу солнца после свободной от кошмаров или набегов ночи. Жару очага в декабре. Она довольствовалась малым и не желала ничего большего.

До этого момента.

Она почти ничего не знала об отношениях между мужчиной и женщиной. Ее отец рано овдовел, поэтому ей не довелось наблюдать украденные тайком поцелуи или слышать звуки соития за стеной соседних покоев. Она убедила себя, что всего этого в ее жизни нет и не будет, пока ее тело остается настороже, а рука держит меч.

Но приезд Джона все изменил.

Он был человеком, привыкшим легко срывать поцелуи с уст готовых на все женщин. Он не подозревал, что ее нельзя трогать. Одним своим присутствием он будил в ней желания, более опасные, чем желания тела. Желание жить с мужчиной в любви и согласии. Трудиться бок о бок, делить с ним ложе, вынашивать в утробе его детей. Все то, о чем она запрещала себе мечтать.

Она и хотела бы разозлиться на него за это, но не могла. Во сне ей открылась правда. Бывает так, что человек не только дает обещание, но и выполняет его. И это побудило ее захотеть невозможного. Она захотела стать женщиной, которая способна полюбить мужчину.

Нужно обуздать эти мечты. Подчинить их своей воле, как на протяжении двух лет она подчиняла себе свою жизнь. Может случиться так, что даже после смерти Вилли Сторвика она не сможет заставить себя прижаться к мужскому телу и испытать от этого радость.

А значит, нет никакого смысла тосковать по мужчине вроде Джонни Брансона. Способный очаровать женщину одним только взглядом, он возьмет себе такую жену, которая хочет, чтобы ее очаровывали. Которая будет таять в его руках и ждать его поцелуев.

А она останется Храброй Кейт — отныне и навсегда. Женщиной, которой не нужен мужчина.

Он дал ей обещание, но на самом деле оно предназначалось его королю. Единственному, кому он был предан. Скоро Джон Брансон вернется ко двору и женится на какой-нибудь изысканной даме, оставив Кейт вместе с ее несбыточными мечтами и сожалениями, забыть которые будет ненамного проще, чем исцелить полученные два года назад раны.

Нет. Ей нельзя мечтать. Нельзя подпускать Джона ближе, чем следует. Наступит день,

когда он уедет, и она снова останется один на один со своими кошмарами.

Вы не доверяете мне? В том и беда, что она начала ему доверять.

За час до заката Джон вместе с остальными был готов к отъезду.

Их отряд был небольшим для того, чтобы можно было перемещаться быстрее. Прибыть незамеченными и молниеносно исчезнуть. Всего пятеро человек кроме Роба, Джона и Кейт.

В свете угасающих сумерек, когда ее груди оказались спрятаны под стеганым дублетом, а волосы закрывал шлем, никто не признал бы в ней женщину.

Никто, кроме него.

Его собственный шлем, взятый взаймы, был ему великоват, и она потянулась, чтобы поправить его.

Никаких прикосновений, напомнил он себе, и улыбнулся.

— Спасибо.

Их глаза встретились, и ее губы слегка разомкнулись. Она тут же отвернулась, словно видела опасность даже в таком невинном прикосновении.

Ему хотелось взять ее за руку. Поцеловать ее пальцы. Пообещать защитить ее. Умолять ее остаться дома...

— Держись посередке, — послышался сбоку голос Роба.

Кивнув, она подхватила поводья, подозвала собаку и направила лошадь к воротам.

— Это касается вас обоих, — непререкаемым голосом сказал Роб.

— Обо мне можешь не беспокоиться, — ответил Джон. — Владению мечом я обучался у наставника короля.

— Ты будешь ехать там и делать то, что я скажу, — сказал Роб тоном, предназначенным для него одного. — Я не хочу, чтобы ты болтался сзади.

— Я уже давно не Джонни Тряпка, — хрипло напомнил он.

— Может быть, но ты ни разу не бывал в рейде, братишка.

На него накатило возмущение. Пока он жил дома, то был слишком юн, чтобы ездить со взрослыми мужчинами в рейд. По крайней мере, так говорил отец. Однако Роба он брал с собой начиная с самого раннего возраста.

— Может и так, но лично я не вижу в этом проблемы.

— Ладно. Раз ты такой умелец, поступай как знаешь. Но если тебя убьют, я буду не виноват.

За неприязню в словах брата крылось что-то еще. Забота? Проскакав вперед, Роб развернулся лицом к отряду.

Джон остановился около Кейт. Раз уж он присоединился к набегу ради нее, то будет держаться поблизости.

— Напоминаю, сегодня мы собрались только ради того, чтобы увести их скот, — сказал Роб, обращаясь ко всем. — Ничего и *никого* больше не трогаем. — Он выразительно посмотрел на Кейт и, повысив голос, произнес боевой клич: — Словно луна бесшумные!

— Словно звезды надежные! — подхватили остальные.

— Я еду не за скотом, — еле слышно пробормотала Кейт.

— Но и не за Вилли, — отозвался Джон. — Не сегодня.

— Они наверняка знают, где он.

— Кейт, я дал вам слово, но вы тоже мне кое-что обещали. Вы обещали не мешать привлечь его к правосудию.

Насупившись, она бросила на его разочарованный взгляд. Она доверяла семье, но все равно продолжала рассчитывать только на свои силы. И он до сих пор не сделал ничего, чтобы это изменить.

Они пересекли долину и углубились в холмы. Как и предсказывал брат, он чувствовал себя неуклюже. Его лошадь сочли плохо обученной, поэтому ему пришлось пересесть на Норвежца, к которому он еще не успел привыкнуть. Из брони на нем был только нагрудник, поскольку полный доспех оказался слишком тяжелым для пони. Вооруженный коротким мечом и кинжалом, в правой руке он держал длинное, выше его роста копьё и за поводья держался только одной рукой.

Но, несмотря на непривычные условия, ему было много легче и свободнее, чем в удушающих тисках доспехов. Пони двигался под ним уверенно и ровно, и когда они поднялись в горы, в его душе шевельнулось нечто странное. Не совсем воспоминание. Скорее радость от ударов копыт по земле, стремительных и надежных, словно он начал вспоминать то, о чем знал с момента рождения.

Полностью доверившись лошади, он отклонился в седле, пока они скакали сквозь темноту. Пастбище Сторвиков лежало недалеко, однако путь проходил по сложной местности. Будь у них мирные намерения, можно было бы поехать вдоль реки, по тропе, которая вела к замку. Но чтобы оставаться незамеченными, приходилось петлять между холмов. Джон посмотрел вниз и разглядел у подножья деревушку и огни костров.

Сегодня они не станут нападать на деревню. У них другая цель.

Он старался держаться поближе к Кейт, но она смотрела прямо перед собой и за все время ни разу на него не оглянулась.

Робу был нужен скот. Кейт жаждала мести. А его задачей было ей помешать.

Дороги не было, но лошадям она была не нужна. Теперь они ехали по безлесной местности, то исчезая, то вновь появляясь в складках холмов. Если кто и заметит всадников, то в следующее мгновение они уже скроются за очередным перевалом.

Наконец вдалеке показалась хижина пастуха и последнее оставшееся в горах стадо Сторвиков.

Вилли-со-шрамом не был пастухом. У него не было причин болтаться рядом с коровами посреди ночи.

Но Джон все равно не сводил взгляда с Кейт.

* * *

Когда они остановились, Кейт вцепилась в поводья с такой силой, что ее пони неуверенно затоптался на месте, пытаясь распознать команду.

Она ослабила хватку и стала смотреть прямо перед собой, как делала всю дорогу, после того, как в самом начале бросила единственный быстрый взгляд на Джона. Нельзя при малейшем шорохе озираться по сторонам. Это лишь подпитывает страх. Окруженная мужчинами, с верным псом, бежавшим за ее пони, она старалась не думать о том, куда едет.

Невозможно, но она снова почуяла запах вереска. Он душил ее. Будил дурные воспоминания.

Джон сказал, что она смелая, но он ошибся. Страх отступит не раньше, чем умрет Вилли Сторвик.

Когда Роб кивнул, и они поскакали вниз по направлению к стаду, ее затопила новая волна ужаса. Только на сей раз она боялась не за себя.

Она боялась *за него*.

* * *

Взмахом руки Роб скомандовал приступить к нападению. Джон и Кейт остались на склоне. К его облегчению, она не поскакала вниз. Тем временем Брансоны окружили стадо, быстро загнали его наверх и увели прочь до того, как пастух Сторвиков сообразил, что происходит.

Кейт уезжать не спешила. Когда из хижины, запоздало спохватившись, выбежал пастух, Джон услышал, как она глубоко вдохнула, увидел, как она сжала ногами бока пони и подхватила поводья...

— Уходим. — Рядом с ними возник Роб. — Сейчас же.

Он не мог. Он должен опередить Кейт, иначе она поедет вниз одна.

— Задержи ее.

Он галопом поскакал к хижине и, прежде чем пастух успел сесть в седло, приставил к его груди копьё.

— Где Вилли-со-шрамом?

Тот с паникой в голосе засмеялся.

— Не знаю. Как обычно, гуляет, где ему вздумается.

Сзади появилась Кейт, смутно почувствовал он.

— Что он сказал? — не дыша, спросила она.

Он услышал скрип седла и рык собаки. Она что, спешила?

— Не подходите, — предупредил он, оглядываясь через плечо.

Он отвлекся всего на миг, но этого оказалось достаточно, чтобы Сторвик успел вытащить кинжал и полоснуть его по незащищенной броней руке. Хлынула кровь. Пастух побежал.

Прямо к Кейт.

Джон развернул лошадь. В темноте он едва разбирал, что происходит, но ему показалось, что навстречу тенью выпрыгнул пес.

Нет времени спуститься на землю. Нет времени на то, чтобы достать меч или кинжал. Он занес копьё и метнул его в нападавшего.

Не раздумывая. Не сомневаясь. Одна секунда, и наконечник копья пригвоздил пастуха к земле, и теперь Джон смотрел, как тот умирает.

— Вы целы?

— Он ранил Смелычака. — Ее голос дрогнул.

Он попытался слезть с лошади, но покачнулся и едва не свалился на землю. Голова закружилась. Наверное, он истекает кровью.

Появился Роб.

— Уходим. Немедленно, — кипя от гнева, приказал он.

— Но Смелычак...

— Побежит за нами.

Она медленно села в седло. Пес с трудом поднялся на лапы. Они поскакали вперед и

скрылись за перевалом, оставляя позади мертвеца, а вместе с ним и былую самонадеянность Джона.

Учти, Джонни. В рейде не всегда остается время на выбор.

* * *

Вопреки плану дорога домой заняла больше времени. Остальных членов отряда Роб отправил вперед, чтобы они спрятали стадо в оврагах Таррас-Мосс. Теперь, если Сторвики отправят погоню по свежему следу крови, опасность будет грозить только им троим.

Поскольку ни Джон, ни собака не могли двигаться быстро, то вместо горной дороги они выбрали легкую тропу вдоль речного русла. Когда небо посветлело, было решено сделать привал, чтобы осмотреть их раны.

Джон не сводил взгляда с Кейт, которая хлопотала около пса, пока Роб обрабатывал его рану. Наскоро промыв ее, брат, не особенно церемонясь, перевязал его предплечье тряпицей, чтобы остановить кровотечение.

— Заживет, — буркнул он и резким движением затянул узелок.

Джон поморщился и поднял глаза на брата.

— Роб, прости.

Тот пожал плечами. Простил.

— Я вернусь назад. Посмотрю, нет ли за нами погони. — Он взглянул на Кейт, потом снова на Джона. — А вы езжайте домой.

Джон шагнул к Кейт. Она держала огромного зверя у себя на коленях, прикрыв его раненую лапу куском грубого полотна, и баюкала его словно ребенка. Пес терся о нее носом, тихо поскуливая от боли. Джон еще не видел его таким слабым.

— Как он?

Она подняла голову. В ее глазах стояла боль.

— Вы-то сами как?

— Роб говорит, все заживет.

— У него тоже. — Приласкав пса, она встала. — Рана неглубокая. Дайте посмотреть на вашу.

Она подошла к нему и сняла повязку. Прикосновение ее легких пальцев к его обнаженному предплечью было особенно приятным после грубоватого обращения брата.

Он затаил дыхание. Она прикоснулась к нему.

Она была жива и здорова, и прикоснулась к нему.

Он накрыл ее руку своей. Она замерла, но и не стала сопротивляться. Его накрыли эмоции, которые он подавлял на протяжении ночи. Он едва не потерял ее. В один момент.

Он поднес ее пальцы к губам и поцеловал.

Она вознаградила его легким пожатием руки и подняла глаза.

— Вы спасли мне жизнь, — неуклюже проговорила она, не привыкшая выражать благодарность.

— Затем и поехал. — Он улыбнулся, избавляя ее от неловкости.

Она тоже с облегчением улыбнулась.

— Больше не рискуйте собой, Джонни Брансон, — сказала она и высвободилась, однако доставать нож или угрожать не спешила.

Он вновь взял ее за руку, притягивая ее к себе, притягивая ее самую ближе. А затем склонил голову и заглянул ей в глаза. Отвел пряди светлых волос с ее висков, с ее лба, пробежал кончиками пальцев вниз по щеке со всей нежностью, на которую был способен.

Она затрепетала в ответ и крепко, но осторожно, чтобы не задеть рану, сжала его плечо. Ее глаза цеплялись за него, словно он был спасительной соломинкой, которая удерживала ее от падения в пропасть. В ее взгляде не было страсти. Не было похоти или готовности раздвинуть под ним ноги.

Нет. Она смотрела на него так, словно он один в целом мире был способен спасти ее от гибели.

— Можно поцеловать вас? — Ему еще не доводилось спрашивать на то разрешения, если женщина уже уступила его объятиям. Но эта женщина была особенная.

Она ничего не сказала. Просто закрыла и открыла глаза.

Джон наклонился к ней. Не затем, чтобы подчинить себе или заставить капитулировать. Он просто дотронулся губами до ее губ, приглашая ее к поцелую.

Сперва она не отвечала. Потом попыталась, но неумело, неловко.

Словно ее никогда еще не целовали.

Эта мысль поразила его, и он оторвался от ее губ.

— Вас никогда раньше не целовали? — Глупый вопрос, и все же...

— Не тогда, когда мне хотелось.

Тысяча вопросов в тумане желания. Он их отбросил.

— А сейчас вы хотите?

Молчание. Он едва удержался, чтобы не произнести «пожалуйста».

— Да, — наконец сказала она, потом закрыла глаза, потянулась к нему, и губы ее разомкнулись.

* * *

Мне не страшно. Он отпустит меня, как только я попрошу.

Кейт настолько привыкла разговаривать сама с собой, что едва не произнесла это вслух. Она словно стояла на краю пропасти, овеваемая ветрами, и, балансируя на грани, была готова сорваться вниз. Не за что было схватиться, некому было удержать ее от падения.

Что будет, если она прыгнет? Сможет ли она выбраться? Сможет ли превратиться в обычную женщину, которая способна полюбить мужчину?

Этого мужчину?

В этот момент ответом было *да*.

Да — его губам, теплым и ласковым поверх ее губ. Да — рукам, которые обнимали крепко, но нежно. Да — поцелуям, сбегаящим вниз по горлу, ладоням, которые трогали ее груди, да — всему миру, в котором осталось только его тело и ее собственное, сбивая ее дыхание, смешивая ее мысли...

Разрушая ее самоконтроль.

Если она подпустит его слишком близко, он неминуемо догадается о ее тайне.

И она испугалась — сильнее, чем когда бы то ни было.

Внезапно его объятия стали слишком тесными, поцелуи слишком властными, ее дыхание слишком прерывистым, а потом...

Нет.

Она начала вырываться, и он отпустил ее — безропотнее, чем она ожидала.

Они задышали в унисон, соприкасаясь одними лбами, что на миг показалось интимнее любых поцелуев.

Она напряглась, приготовилась к тому, что он начнет возражать, что схватит ее, насильно возвращая в свои объятия. Но его грудь продолжала вздыматься и опадать в такт ее собственной, словно они делились секретами, раскрывая друг другу души.

Не смея поднять глаз, она уставилась на его руки, неподвижно лежащие на коленях. И поняла, что внутри нее произошла перемена.

Теперь, когда она едва не потеряла его, тяга к нему, которую она старалась скрыть, стала еще сильнее. Все эти месяцы она жила и дышала только возмездием. И еще стремлением никогда больше не поддаваться мужчине.

Но с Джоном она начала сомневаться. Он касался и целовал ее так деликатно, так нежно. Рядом с ним она захотела большего. Она захотела его так, как женщина желает мужчину.

А потом черная пелена страха накрыла ее, и она поняла, что никакой, даже самый чуткий любовник не будет достаточно нежен.

Нет. Ее чувство к нему это обычная благодарность. Возможно, она видит в нем товарища или даже друга, но не более. Она попросту неспособна испытывать то, что чувствует влюбленная женщина.

И он не должен узнать, почему.

* * *

Отчего так кружится голова? От вожделения или из-за раны? Когда он прижался к ее губам, его тело моментально устремилось к ней, и он почувствовал, что она тоже начала таять.

А потом она оттолкнула его.

Тяжело дыша, они молча сидели рядом. Оба были на грани.

Сделав еще один вздох, Кейт встала и пошла обратно к лежащему на земле псу.

Нет, не пошла. Яростно зашагала, как если бы хотела растоптать Джона. Движения ее стали резкими, словно не она млела в его руках минуту назад. Словно она никогда не знала покоя.

Словно он был врагом, как Вилли Сторвик.

Или все дело в обычном женском непостоянстве?

И все же, когда они, задыхаясь, сидели рядом, он уловил в ее настроении перемену. Что это было? Надежда? Желание? Что-то едва уловимое, как аромат вереска, но словно закованное в броню, под которую не могли проникнуть ни мечи, ни копья, ни боль.

Что она защищала? Только тело или и сердце тоже?

Эта мысль оглушила его. Да, он поцеловал ее, но что дальше? Ему нельзя задумываться о том, что будет завтра. Никакого *завтра* у них нет. Она не из тех женщин, с кем можно развлечься, не имея серьезных намерений.

Скоро его здесь не будет — возможно, уже завтра, или послезавтра, или в любой из тысяч дней, который захочет разделить с ним жена. Нет. Его обещание не трогать ее

охраняет в равной степени их обоих. Он поступил неосмотрительно, поцеловав ее. Этого больше не повторится.

— Быстрее. — Голос Роба прервал его мысли. — Я не заметил погони, но скоро рассвет.

Они сели в седло и пересекли реку, а по возвращении домой узнали, что скот благополучно спрятан между холмов. Позволив Бесси попричитать над его раной, Джон без сил рухнул в кровать.

* * *

Наутро он проснулся и не узнал себя.

Он побывал в рейде. Он убил человека. Он поцеловал Кейт.

И он не знал, что из этого беспокоит его сильнее.

Тревожные мысли все утро не давали Джону покоя. Король не обрадуется, когда узнает, что во время воровского набега он убил человека. Оставалось надеяться, что его гнев остынет, когда на его сторону заступит фаланга Брансонов.

Проходя мимо спальни главы семьи, он остановился. Теперь здесь жил его брат. Он нерешительно замялся в дверях, гадая, не витает ли в стенах комнаты призрак отца, хотя своими глазами видел его мертвое тело и был на похоронах.

Роб заметил его.

— Я же просил тебя не лезть вперед, — сказал он, не удосужившись спросить о причине. — Тебя чуть не убили. И ее тоже, когда она поехала за тобой.

За ним? Нет. Все было не так.

— Она собиралась спуститься вниз одна. — Не станет он извиняться за то, что спасал Кейт.

Роб нахмурился.

— Она сама так сказала?

Джон покачал головой. Он все понял без слов, когда она взялась за поводья и низко пригнулась к спине лошади.

— Нет, но я уверен.

— Но зачем?

— Чтобы найти его! — Он потерял терпение. — Пока ты рисковал жизнью ради пары коров, ее заботило только одно: как добраться до Вилли Сторвика. Это единственная причина, по которой она поехала с нами. Ее вообще нельзя было брать с собой.

— Так сказал бы ей об этом.

Братья обменялись одинаково недовольными взглядами и одновременно тряхнули головами.

Джон рассмеялся.

— Ты вождь. Сам и говори. Мне не под силу ее изменить. — Во всем, кроме поцелуев, она была самой целеустремленной женщиной из всех, что ему встречались. — Как нельзя изменить...

... ветер.

Он вспомнил, что она говорила в день его приезда. Люди по обе стороны границы не чтят королей. На первое место они ставят семью. Все остальное стоит ниже, и король в том числе — если для него вообще находится место. Тогда Джон не поверил в это. И не хотел верить сейчас.

И все же он отправился с ними в рейд и убил человека, как поступил бы любой из Брансонов.

— Больше я не поеду с вами, — проговорил он.

— Нас тоже нельзя изменить, Джонни, — сказал Роб, будто читая его мысли. — И не пытайся. Довольствуйся тем, что я согласился дать тебе людей.

Не королю. Тебе. Уступка члену семьи.

— Королю нужна не просто единовременная помощь, — сказал он. — Но преданность всей Шотландии, включая приграничье.

— Этого ты не добьешься, Джонни, — с некоторым сожалением, как ему показалось,

произнес Роб.

Ему было ясно, почему брат сожалеет. Ведь в противном случае ему пришлось бы переменить уклад всей своей жизни.

Когда он уезжал из Эдинбурга, задание казалось таким простым. Всего-то и надо было, что доставить указ короля. О неудаче он даже не думал.

Теперь угроза провала стояла перед ним так же отчетливо, как и Роб.

— Так что ты передашь малышу Якову? — спросил брат.

— Ничего. Если его приказ не будет выполнен, мне лучше не возвращаться. — Если, конечно, он не хочет, чтобы на его шее затянулась петля. Джон заставил себя улыбнуться, как будто речь шла о пустяках, а не о смертном приговоре. — В этом случае, полагаю, тебе придется кормить еще одного своенравного Брансона.

Роб покачал головой.

— Ну уж нет, братишка. Если ты отказываешься жить по законам семьи, ты больше не Брансон. Я не позволю тебе остаться.

* * *

Джон развернулся и пошел вниз по лестнице. Итак, вот она, правда. *Ты больше не Брансон.* Слова, которые мог бы сказать отец. То, что подспудно он чувствовал всю свою жизнь.

Семья опять подвела его.

Он повел плечами. Подумаешь. У него самого нет никакого желания здесь оставаться.

Снаружи завыл ветер, насмехаясь над ним.

— Идите сюда, — позвала его Кейт из дверей зала. — У меня для вас кое-что есть.

Она держала в руках поношенный дублет. Ее губы были решительно сжаты.

— Стойте смирно, — сказала она. — Я хочу вас измерить.

— Зачем?

— Чтобы подогнать куртку.

Он сдержал улыбку.

— Мои доспехи защищают лучше, чем набитая костями ткань.

— Ваши доспехи слишком тяжелы для пони, да еще и гремят словно колокол на всю округу. Я не хочу, чтобы из-за вас мы задерживались в пути, если вас снова ранят.

— Я больше не поеду в рейд, — резко сказал он, не пытаясь смягчить тон. — И вы тоже.

— Вы поедете на День перемирия, а он уже близко. В прошлый раз, когда мы напоролась на Сторвика, вам пришлось убить его. — *Ради меня*, чуть не вырвалось у нее. — Вы дали мне обещание, Джонни Брансон, и я позабочусь о том, чтобы вы оставались живы, пока не выполните его. Времени шить новую куртку у меня нет, но я попробую переделать эту. — Она протянула ему дублет. — Надевайте.

Джон подчинился, про себя позабавившись ее выдумке. Дублет выглядел обманчиво просто, словно обычная стеганая куртка с высоким воротом, которая могла спасти от мороза, но не от лезвия кинжала или меча. Однако, когда он надел его, то понял, что Кейт права. Дублет надежно защищал его спину, живот и сердце и позволял двигаться более свободно, чем литые доспехи.

Тормоша и расправляя ткань, она обходила его кругом, не поднимая глаз — без улыбки,

держась на расстоянии, и все же так близко, что он уловил ее дыхание на своей шее, когда она проверяла, как дублет сидит на спине.

— Придется сделать вставки, — со вздохом сообщила она и развела его руки в стороны. — И здесь тоже. — Она шагнула назад. — Все. Можете снимать.

Он испытал облегчение, скинув дублет, и пожалел, что нельзя так же легко стряхнуть с души напряжение последних дней. Он не один из них. Куртка приграничного рейдера будет смотреться на нем так же фальшиво, как мужские бриджи на Кейт.

Она все не уходила. Откашлялась, словно собралась заговорить, но продолжала стоять, опустив глаза на дублет на сгибе локтя.

— Я должна поблагодарить вас, — наконец сказала она. — Вы спасли мне жизнь.

— Затем я и поехал, — только и мог ответить он.

Она кивнула, не поднимая взгляда.

Кто эта робкая незнакомка? У реки она первая дотронулась до него. Целовала его. В благодарность за спасение? Или во всем виновато возбуждение от набега, которое разгорячило ее кровь?

Наверное, так оно и есть. И хотя она поблагодарила его и не стала бранить за вольность, она заслуживала извинения. Он спросил, можно ли поцеловать ее. Она ответила «да». Но он дал ей слово. Нужно было найти в себе силы сдержаться.

— Я тоже должен сказать вам одну вещь. Я прошу прощения... — За то, что поцеловал ее? Нет. Он начал заново: — Я дал слово не прикасаться к вам и не сдержал его. Мне очень жаль.

Ее щеки порозовели. Смущение. Так непохоже на Храбрую Кейт.

— Вы не виноваты, — произнесла она. — Мне самой не стоило... — Не договорив, она отвернулась.

— Но ведь все оказалось не так плохо, как вы боялись. — В этом он был уверен. Несколько секунд она принадлежала ему, безраздельно.

Их глаза встретились.

— Я не ожидала... — Она отвела взгляд и снова принялась сосредоточенно изучать дублет. — Вы не такой, как остальные мужчины.

Ее слова были как пощечина, как удар под дых. Даже Роб не ставил под сомнение его мужественность. Усилием воли он заставил себя говорить негромко и ровно.

— О чем это вы?

— Ровно об этом! Другие на вашем месте принялись бы шуметь, топтать ногами и бахвалиться своей отвагой. Или угрюмо молчать. А вы просто стоите, улыбаетесь и спокойно интересуетесь, о чем это я.

— Значит, для вас мужчина это нечто вроде рычащего, бездумно убивающего зверя?

Но он и сам был таким. Он убил человека, думая только о том, чтобы защитить ее. И несмотря на все свои клятвы, снова и снова представлял ее в своих объятьях.

— Мужчина, — сказала она, — это тот, кто способен отдать жизнь за свою семью.

Вот. Теперь она пытается навязать обязательства, как только что навязала ненужный ему дублет. Но он *уже* взвалил их на себя, когда поклялся отомстить за нее, даже не понимая, что кроется за ее ненавистью.

— Вашей жизнью движет только одна цель? Увидеть убийцу вашего отца мертвым?

По ее лицу пробежала странная рябь. На секунду ему показалось, что она сейчас заплачет, как обычная женщина, но не успел он моргнуть, как она овладела собой.

— Кто отомстит за него, если не я?

Он ощутил укол вины за бездействие своего отца. Если бы Рыжий Джорди отомстил за нее сразу, его сыновьям не пришлось бы взваливать на себя эту ношу.

— Но что будет потом? Вы сделали возмездие смыслом своей жизни. Что будет, когда Сторвика не станет?

На ее лице отразилось замешательство, словно она никогда не задумывалась об этом.

— Я не знаю, — в конце концов призналась она.

Он импульсивно взял ее пальцы. Ее руки умели обращаться с мечом, перевязывать раны и шить, но сейчас, в колыбели его ладоней, казались маленькими и тонкими.

— Вам надо выйти замуж, — сказал он, гадая, что с нею станет, когда она добьется исполнения своей цели. Почему-то он подозревал, что это не принесет ей того счастья, на которое она уповала. — Найдите кого-нибудь, кто будет заботиться о вас и защищать.

Кого-нибудь другого, не Джонни Брансона.

При этой мысли внутри него закипел гнев. Так, по крайней мере, он назвал это чувство. Гнев за то, что она подвергала себя опасности, за то, что из-за ее упрямства он был вынужден убить человека.

— О, — сказала она, улыбаясь уголком рта. — Вот теперь вы заговорили, как все.

Она не забрала руку. Вместо этого она посмотрела ему глаза, и он понял, что она обдумывает его слова. А потом он перестал мыслить логично. Ему захотелось согреть ее маленькие, холодные ладони. Согреть ее всю, своими губами, в своей постели.

Его глаза потемнели от желания. Заметив это, она отстранилась и, чтобы занять руки, принялась снимать с дублета невидимые ворсинки.

— Я никогда не выйду замуж.

— Почему?

— Потому что не хочу.

Она словно пыталась убедить в этом не только его, но и себя.

— Из-за того, что произошло?

— А что вы об этом знаете? — спросила она резким тоном, и таким же сделался ее взгляд.

— Я знаю, что женщины и раньше теряли отцов, но не хватались за меч и не начинали шарахаться от мужчин. — Как он может быть уверен, что в ту ночь не случилось чего-то еще, гораздо худшего? Он уже спрашивал, и она все отрицала, но...

— А мужчин и раньше отсылали к чужим людям, но они не отказывались от своей семьи.

Он вздрогнул. Она умела дать отпор не только мечом, но и словом.

— А что Роб? Он согласен кормить и поить вас до конца ваших дней? — Жестокий вопрос, о котором он немедленно пожалел.

Она гордо вскинула голову.

— Я отрабатываю свой хлеб.

Вскинутый подбородок, закованное в броню сердце — внезапно он понял, что она воспринимает жизнь как поле битвы. И это открытие отозвалось в нем сильнее, нежели любые ее колкости.

— Ох, Кейт, но в жизни есть место не только трудностям, — напомнил он не только ей, но и себе тоже.

— Вы говорили, что король не примет вас назад, если вы не оправдаете его ожиданий.

Похоже, жизнь при дворе тоже сложна, если там прощают так же редко, как на границе.

— Так и есть. Но мужчина и женщина могут подарить друг другу счастье. — Прекраснее всего были те любовные связи, в которых находилось место не только страсти. В его голове всплыли давние воспоминания: приглушенный смех за дверями родительской спальни, обмен улыбками через стол. — Вдвоем можно смеяться и петь, и быть счастливыми, даже если жизнь тяжела.

Она изучала воинскую куртку в своих руках, как будто высматривала там ответ, потом подняла глаза.

— Если это правда, тогда я желаю вам обрести такое счастье.

— Но я хочу, чтобы *и вы* были счастливы.

Ее глаза вспыхнули. Рот приоткрылся в немом удивлении.

— Неужели вам никто никогда не желал счастья? — спросил он.

Она покачала головой.

Он вздохнул. Роб и Бесси давали ей пищу и кров. Но счастье? Они и себе самим едва ли могли его гарантировать.

— Есть много способов сделать друг друга счастливыми. Я могу показать вам, только позвольте, — вырвалось у него прежде, чем он успел понять, кого хочет осчастливить — себя или ее.

— Как тогда у реки?

Он кивнул и задержал дыхание, не смея надеяться.

— То есть, для вас счастье заключается в женском теле? — с некоторым разочарованием спросила она.

— Нет! Я хотел сказать... — Что же? Он столько раз заводил бессмысленные интрижки и провел столько счастливых часов в дамских объятьях. — Вы не такая, как остальные женщины.

Она тряхнула головой.

— Зато вы, Джонни Брансон, абсолютно такой же, как все остальные мужчины.

И Кейт ушла прочь, прежде чем он успел признаться — в основном самому себе — что желает обладать не только ее телом.

* * *

Она придвинула стол поближе к окну и, отмерив пальцами ткань, вырезала две полоски одинакового размера. Потом взяла пластину стали от сломанного меча и обшила ее тканью, добавив внутрь клочки шерсти.

Кропотливо прокладывая стежок за стежком, она простегивала ткань, помещая между слоями кусочки будущей брони. Не больше одного за раз. Совсем небольшие. Обломок кости. Осколок сломанного оружия. Ничего красивого. Ничего целого. Крупицы, которые она приносила домой, прятала и копила — как птица, которая уносит в свое гнездо все, что может понадобиться для того, чтобы выжить.

Так выжила и она сама. День за днем собирая себя по частям, она окружила себя броней. Научилась скрывать страх.

Мужчина и женщина могут подарить друг другу счастье.

Возможно ли это в ее случае? Есть ли у нее шанс стать обычной женщиной?

Что будет с вами, когда он умрет?

Когда он умрет, все должно измениться. Но она, как ни старалась, не могла вообразить для себя никакой другой жизни, чем та, которой она жила сейчас. Не могла представить, что соитие сможет доставить ей радость.

До того, как она поцеловала Джона, она и не подозревала, что способна ощутить желание. Возможно, сейчас самое время выяснить, можно ли хотеть мужчину, не испытывая при этом страха?

Она прогнала эти мысли, но они то и дело всплывали в ее подсознании, пока она, подбирая терпеливыми пальцами кусочки ткани, молча трудилась над его курткой.

Она приучила людей держаться на расстоянии. И пусть Джон говорил, что она не такая, как все, все равно он продолжал воспринимать ее как женщину, которую можно ласкать, можно целовать...

И даже больше.

Она сказала, что он не похож на остальных, но это была неправда. Точнее, она не была уверена в том, что до конца понимает его, этого мужчину, упрямого, как все Брансоны, но такого нежного наедине с ней. Его глаза, его руки и губы были так настойчивы и нежны, так много ей обещали.

Когда он целовал ее у реки, то всего на мгновение, пока не вернулся страх, во всем мире остались только Джон и Кейт. И еще радость. Неужели такое бывает в жизни каждой обычной женщины?

Если она разрешит себе... Если она разрешит ему еще раз поцеловать ее, то сможет понять, способна ли она исцелиться. Возможно ли исцеление в принципе.

А если нет, тогда она останется Храброй Кейт, а он может возвращаться к королю и придворным дамам, чтобы своим присутствием не напоминать о ее провале.

Она надеялась, что эта мысль утешит ее, но этого не случилось.

* * *

Поздним вечером Джон заступил на пост. Там, на парапете крепостной стены, его и застала Кейт. Сквозь туман тускло светила луна, ночь стояла холодная и сырая, словно зима раньше времени решила заявить о своих правах.

Она плотнее запахнулась в плед.

— Хорошая ночь для дежурства.

Он поднялся с места дозорного и прислонился к теплому дымоходу, чтобы согреться.

— Замок Стерлинг не может похвастаться такой роскошью.

В свете фонаря блеснула его улыбка. Вот что ей нравилось в нем больше всего — умение улыбаться вопреки мрачному миру.

— Как ваша рана?

— Живает. — В доказательство он помахал рукой.

Не зная, что сказать дальше, она посмотрела за парапет. Туман, обнимая холмы, обещал спрятать любого, кто осмелится выехать в рейд этой ночью, и в то же время казался щитом, надежно скрывающим их самих.

Можно дарить друг другу счастье. Возможно ли это в ее случае?

— Вы сегодня просили прощения... — начала она и осеклась. Как же трудно

складывать слова, когда он стоит так близко, излучая тепло и силу. — За то, что поцеловали меня.

— Да, — осторожно признал он, будто боялся, что она начнет требовать новых извинений.

Она всматривалась в темноту, пытаясь уловить выражение его глаз.

— Вы дали мне слово. Я освобождаю вас от него.

— То есть, мне можно до вас дотронуться?

— Да. — Она протянула руку.

Поколебавшись, он заключил ее в свои ладони.

— Вот так?

Она кивнула.

— И еще... вы можете поцеловать меня. — Она безуспешно попыталась расслабить напряженные мышцы на случай, если он приступит к делу сейчас же.

Он медленно кивнул, но не двинулся с места.

— Ясно. Что же изменилось, если теперь мне можно прикасаться к вам без опасения за свое мужское достоинство?

Одно из двух: или он смеется над ней, или же всерьез опасается за себя. Что ж, она дала ему оба повода. Она сжала его горячую руку.

— Вы говорили, что мужчина и женщина могут сделать друг друга счастливыми.

— Да, милая, — потеплевшим голосом сказал он. — Моменты любви, которые мужчина и женщина переживают вместе, наполняют жизнь смыслом.

Невообразимые слова. Он будто говорил на чужом наречии.

— Такого мне не нужно. — *Пока* не нужно, пронеслось у нее в голове. — Но возможно я не против одного поцелуя.

— Прямо сейчас?

Все-таки Джон смеется над ней. Однако он ничего не предпринимал, терпеливо дожидаясь ее ответа.

Она колебалась. Что, если она не готова...

Нет. Довольно колебаний.

— Да. Сейчас.

Ласково обняв ее за талию, он отвел пряди волос с ее лба.

— В таких делах лучше не торопиться.

Его прикосновения были легкими, точно шепот. Точно он знал, что с нею нельзя обращаться грубо и резко. И эта его неспешность пробудила к жизни ее ощущения.

Не касаясь ее губ, он прижался своими губами к ее лбу, потом к виску, потом закружил вокруг уха, медленно, нежно и одновременно напористо. Внутри нее что-то сместилось, как если бы на реке начал вздыматься лед, раскрывая стремительный бег воды под своей поверхностью.

Мало-помалу его ладони тоже пришли в движение. Он ласкал ее спину, разглаживал рукава, согревая ее, пока она не ощутила на коже легкое покалывание.

Ее рот приоткрылся, ища его губы, но он по-прежнему покрывал поцелуями только ее лицо, скулы, горло. Она задрожала от нетерпения, потянулась к его щеке, но он опять уклонился от ее губ и запечатлел последний поцелуй там же, откуда начал, на ее лбу. А потом отпустил.

И она немедленно испытала острое чувство утраты.

Его рот дрогнул в улыбке.

— Лучше нам не спешить.

— Но... — Желание не отпускало ее, а его излишняя медлительность разочаровывала.

Ведь он уже целовал, уже трогал ее раньше. — Я хотела, чтобы вы поцеловали меня по-настоящему. Как тогда.

— Вам этого не хотелось... тогда.

Верно. У реки она его оттолкнула. Но прежде он успел подарить ей обещание счастья. И она хотела испытать это чувство снова.

— В этот раз я не стану сопротивляться. Правда. — Она решительно стиснула кулаки.

— Уберите руки за спину, — произнес он.

Помедлив, она подчинилась и сразу почувствовала себя уязвимой, а потом увидела, что и он спрятал руки за спину.

— Вот теперь я поцелую вас. — Он наклонился вперед и, не дотрагиваясь до нее руками, прильнул к ее губам. Чтобы вырваться, было достаточно сделать всего один шаг назад.

Но она не хотела вырваться.

Его рот ласкал ее губы, жарко и нежно, и когда он проник сквозь них языком, она ощутила отклик в местах, очень далеких от лица. Постепенно, пока он целовал ее, не отрываясь, она захотела большего. Захотела ощутить силу его рук, которые так жестоко отказывали ей в объятии. Прижаться к нему всем телом.

Она расцепила руки, обняла его за талию, привлекая к себе, требуя, чтобы он сделал то же самое. Этого не случилось. Но оба они тяжело задышали, когда его язык принялся исследовать ее рот с настойчивостью, которой она ждала от его рук...

Потом он отодвинул ее от себя и выпрямился.

— Мы продолжим... в следующий раз. — Дыхание его было прерывистым.

Она воздела кулаки и разочарованно стукнула его по груди.

А потом уронила руки и подняла глаза, всматриваясь в его лицо. Косая улыбка, глаза, серо-голубые точно поверхность камня, только более мягкого оттенка.

Он словно видел ее насквозь, но смотрел без осуждения. Все так же нежно он погладил ее по волосам. Его поцелуй был пылким, но не грубым. Приятным. Более, чем приятным. И настолько прекрасным, что она забыла...

Каким-то образом он знал, как заставить ее забыть. И когда остановиться, пока она не успела вспомнить.

Она откашлялась.

— Теперь я понимаю, что может сделать тело... счастливым. Спасибо.

И она не могла раскрыть всех причин, по которым была ему благодарна.

Глава 11

В ту ночь ей не снились кошмары. Когда наступило утро, Кейт открыла глаза и подумала только о том, как же ярко светит сентябрьское солнце.

— Приятная мелодия, — обронила Бесси, поднимаясь с постели и надевая нижнюю юбку.

— Да? — Она и не заметила, что напевает себе под нос. Неужели это Джонни так на нее действует?

Она взяла гребень и провела им по волосам. Отросли ниже ушей. Пора снова подстричься. Но, посмотрев на Бесси, рыжая грива которой доходила до середины спины, она задумалась.

— Бесси, как ты думаешь, я красивая?

Та расправила юбки и глубоко вздохнула.

— Не меня тебе надо спрашивать.

Вспыхнув, Кейт отвернулась и отложила гребень. Неважно, как она выглядит, коль скоро она не хочет, чтобы на нее обращали внимание.

— Это был глупый вопрос.

— Он видит в тебе красавицу.

Он. Выходит, даже Бесси догадалась о том, в чем Кейт отказывалась себе признаваться. Два года она была уверена, что никогда больше не сможет стать нормальной женщиной. Но Джонни подарил ей надежду.

Она не знала, как вписать эту искорку счастья в ту смесь страха и ненависти, которая ее питала. Она прочно засела у нее в груди, неуместная, словно полуночное солнце, и горела, но не разрушительным и гнетущим пламенем ярости, а была подобна очагу в холодную зимнюю ночь, согревая и обещая спасти от невзгод.

Обещая то счастье, о котором говорил Джонни.

Когда он обнял ее, то на несколько секунд во всем мире остались только он и она. И еще их поцелуй. Боль и жажда возмездия, которыми она была одержима на протяжении двух лет, отступили. Воспоминания о прошлом, тревога о будущем — все ушло.

Но надолго ли?

Да, он подарил ей радость, но кратковременную, как наслаждение солнечным днем или вкусным обедом. Солнце неизбежно сядет за горизонт. А желудок запросит есть снова.

Радость не длится вечно.

Она поняла это, когда боролась с отчаянием. Мимолетные мгновения радости быстро проходили, и тем не менее они стали ступеньками лестницы, которая помогла ей выбраться из бездны. Может быть и теперь будет так же?

Вслед за Бесси она спустилась вниз, пытаясь не думать о Джоне. Но она обещала перешить для него дублет и потому села за стол и склонилась над тканью, которая защитит его спину, укроет плечи и убережет его сердце.

Люди приходили и уходили, пока она трудилась весь день напролет. Когда в зале появился Джон, она, не глядя, ощутила его присутствие. Искоса посмотрела на него, стараясь, чтобы он не заметил, но он все-таки перехватил ее взгляд, и она, смутившись, опустила голову.

Теперь он пугал ее с совершенно другой стороны.

Джонни Брансон слишком хорошо разбирался в женщинах. Два года она стойко держала оборону против всего мира. Но он постепенно, день за днем, шаг за шагом, проникал под ее броню, заставляя ее захотеть, заставляя ее поверить в то, что она может обрести счастье с мужчиной.

С ним.

И вот теперь, растеряв всю свою стойкость, она поглядывала на него сквозь завесу ресниц, высматривая на его лице ответное желание, словно обычная женщина в погоне за обычным счастьем, о котором он так заманчиво говорил.

Мысленно отругав себя, она села к нему спиной и уставилась на дублет. На его дублет. Зачем только он напомнил ей о том, чего она никогда не получит. До его приезда у нее была одна цель и одно предназначение — месть.

А он внес в ее мысли смуту.

Она хотела узнать, можно получить удовольствие от поцелуя. Что ж, как выяснилось, можно. Если ее не трогать руками.

Наверное, ее тело всегда будет сопротивляться мужчине, даже если сердце будет готово уступить.

Ничто и никто этого не изменит. Даже Джонни Брансон.

* * *

За эти дни Джон часто наблюдал за Кейт, пытаясь понять эту странную, сводящую с ума женщину. Когда они впервые встретились, она пригрозила ему оружием и заявила, что мужчинам нельзя ее трогать. Насколько он мог судить, ее никогда и не трогали. При темпераменте воина она обладала чопорностью монашки.

Со временем, однако, между ними установился мир, пусть она и не раскрыла ему своих секретов. И он желал, чтобы она была счастлива.

А потом она пришла к нему и попросила подарить немного того счастья, о котором он говорил. Попросила его о том, чего не принимала ни от кого другого.

И он почувствовал, что она становится ему дорога.

Пугающая мысль. Нельзя привязываться ни к ней, ни к этому месту. Он должен выполнить приказ короля и уехать.

Но о долге Джон вспоминал все реже. Он мог думать только о Кейт.

Почему простой поцелуй так глубоко запал в его душу? Он перецеловал множество женщин. Эти поцелуи были приятны. Дарили мимолетное удовольствие.

Почему же с ней он ощутил нечто большее?

Потому что было нечто, чего он не понимал. Какое-то недостающее звено. То, что выходило далеко за пределы мести или преданности семье. То, что предупреждало: ее нельзя держать слишком близко или обнимать слишком крепко.

Он обещал не трогать ее и, как мог, держал свое слово, пока она сама не пришла к нему и не освободила его от этого обещания. И теперь он хотел поцеловать ее снова.

Хотел гораздо большего.

День за днем она трудилась над дублетом, который был ему не нужен. Проводила за работой долгие часы, словно его жизнь была ей безразлична, но едва замечала его, когда он находил повод, чтобы спуститься в зал.

Раньше он гордился своим умением разбираться в женщинах, но эта опровергала все, что он о них знал.

* * *

Когда в один из вечеров Джон вошел в зал, она встала и наконец-то посмотрела на него снова.

— Вот. — Она приложила к его груди дублет и окинула его взглядом, словно проверяя, насколько точно произвела измерения. Дублет был таким тяжелым, что она держала его двумя руками. — Примерьте.

Он набросил его на плечи и просунул руки в рукава. Поразительно, но несмотря на немалый вес, дублет был гибким и сидел как влитой, облекая его торс удобнее, чем любые доспехи.

Она улыбнулась, любуясь плодами своего труда, и принялась убирать с поверхности ткани невидимые ниточки, одергивать и расправлять дублет, проверяя, насколько закончена ее работа.

— Пришлось расставить его в боках.

И правда, от подмышек до талии были вшиты вставки из новой ткани, которая слишком контрастировала со старой, впитавшей в себя дождь, кровь и пот.

— Уж очень непривычно. — Он вздохнул.

Ее пальцы запорхали у него на груди, когда она начала продевать завязки в петли и затягивать их. Он прочистил горло, усилием воли удерживая руки на месте.

— Кому он принадлежал раньше? — спросил он, чтобы отвлечься. Предыдущий владелец явно был выше ростом, хотя и уже в груди, чем он сам.

Молча разобравшись с последней парой завязок, она похлопала ладонью по его груди и впервые за это время подняла глаза.

— Рыжему Джорди Брансону.

Куртка его отца. Ткань словно обожгла его кожу.

— Я не могу носить его.

— Почему?

Порываясь снять дублет, он начал возиться с завязками.

— Эта вещь мне не принадлежит.

Она отодвинула в сторону его неуклюжие пальцы и снова продела завязки в петли, на этот раз затянув их покрепче.

— Рыжему Джорди он больше не нужен. А вам пригодится.

— Роб не одобрит. — *Ты больше не Брансон.*

— Он висел в оружейной. А значит его может взять тот, кому он нужнее. И этот человек — вы.

Все в его жизни запуталось так же туго, как завязанные ею узлы. Набег. Чувство сопричастности, нахлынувшее на него, когда он скакал бок о бок с братом. Человек, которого он убил. А потом еще и Кейт. Нет. Она была с самого начала. Это ради нее он поехал с ними. И ради нее убил человека.

— Я не заслужил права носить его, — сказал он. Роб прямо сказал, что он не Брансон. И не станет Брансоном в дублете отца.

— Вам не нужно ничего заслуживать. — Она затянула последний узел и шагнула назад. — Это право есть у вас с рождения.

Он покачал головой.

— Нет. Неправда. — Он развернулся и, ни единым словом не поблагодарив ее, ушел, оставляя ее одну в зале.

Но ее дублет он не снял.

* * *

Хотя после рейда прошло несколько дней, и она давно вернулась за безопасные стены замка, ночью кошмар навестил ее снова.

Она проснулась. Уставилась широко распахнутыми глазами в темноту, постепенно возвращаясь в реальность. Вот кровать, потолок, и Бесси спит рядом. Значит, она кричала только во сне.

На этот раз Кейт не пошла слоняться по лестнице. Повернувшись набок, она дотянулась до пса, черпая успокоение в прикосновении к мохнатому боку. Она гладила его по спине, тормошила уши, впускала холодный собачий нос в свою ладонь.

Прошло два года. Он считала, что исцелилась. Но во сне Храбрая Кейт исчезала, и вместо нее оставалась одна презренная судорога страха.

— Ты собираешься ему рассказать?

Голос Бесси, спокойный и тихий. Значит, она не спит.

— Что? — Вопрос застал ее врасплох. Щеки запылали, сердце гулко забилося в ушах. — О чем тут рассказывать? — Не было нужды уточнять, кому. — Он знает, что мне снятся дурные сны.

— Но он знает, *почему* они тебе снятся?

Бесконечно долго она молчала и смотрела в темноту, зажимая руками рот. Ее секрет, который она хранила столь тщательно, выплыл наружу.

— Как ты узнала? — наконец спросила она.

Они неподвижно лежали спина к спине, тихо переговариваясь в темноте и не глядя друг на друга, словно наутро собирались сделать вид, что этого разговора не было.

Она услышала шорох — Бесси пожала плечами.

— Я что... разговаривала во сне?

Движение на подушке, как если бы Бесси покачала головой.

— Просто я тоже женщина.

— Кто еще знает? — Паника. — Мужчины знают? — Она не вынесет, если они начнут глазеть на нее, зная, обдумывая, представляя...

— Я никому не говорила. — Бесси легла на спину. — Они ни о чем не подозревают. От жителя приграничья такого нельзя ожидать.

Внезапно она вспомнила Черную Энни. Пока мать Бесси не умерла, она прожила с нею в одном доме год, и за это время они не перемолвились и словом наедине. Но когда Кейт стояла перед Рыжим Джорди и просила о мести, именно Черная Энни первая дала согласие, кивнув до того, как ее муж сказал «да». Неужели она прочитала ее потаенные мысли? И если да, то поделилась ли ими с мужем?

Она села, охваченная новым страхом.

— Твой отец знал об этом, когда давал мне клятву? А Роб, он знает?

— Вилли Сторвик убил твоего отца. Для них этого достаточно.

— Тогда и для Джонни этого хватит.

Он целовал ее и убил ради нее человека, но свою тайну она не раскроет даже ему. Как не признается ни себе, ни Бесси, что его обещание значило для нее несоизмеримо больше, чем клятвы, которые принесли Джорди и Роб Брансоны.

Через две недели, когда наступил День перемирия, Джон надел подаренный ею дублет. С того дня, как она завершила работу, они едва обменялись несколькими фразами. Она больше не просила целовать ее.

А он не предлагал.

Она возлагала большие надежды на этот день, он читал это в ее глазах. Надеялась, что он проявит себя как тот, кем он не являлся.

Как Брансон. Как свой. Как тот, кто может остаться.

Но сегодня он и впрямь чувствовал себя Брансоном. Роб созвал столько людей, сколько смог, чтобы, если понадобится, дать Сторвикам бой. В их отряде Кейт была не единственной женщиной. Бесси настояла на том, чтобы ее тоже взяли, сказав, что ей нужно пополнить запасы соли и купить новый котелок. День перемирия, помимо прочего, был еще и рыночным днем. Однако на протяжении всего пути от замка до Кершофута они не теряли бдительности, опасаясь засады.

— Безопаснее было бы встретиться на шотландской земле, — проворчал Роб. Деревня, назначенная местом встречи, лежала на территории англичан, близ реки, которая служила границей между двумя странами.

— Тогда они не согласились бы привезти Вилли-со-шрамом, — повторил Джон слова Карвела. Но он пробыл на границе достаточно долго, и его тоже пробирала тревога.

А может быть это октябрьская сырость заставила его поежиться. Золотисто-коричневая листва еще цеплялась за ветви деревьев, раскидистые кроны которых плыли над ними точно облака, закрывая обзор.

На подъезде к броду лес поредел. Когда Роб угрюмо кивнул, они остановились. На противоположном берегу реки их ждал отряд вооруженных всадников.

Джон подвел Норвежца поближе к Кейт. Роб встал около Бесси. Остальные Брансоны окружили их плотным кольцом. Смелчак зарычал и ощетинился.

— Надо было оставить вас дома, — пробормотал он, словно это было в его власти.

Он неотрывно смотрел на врага, но боковым зрением заметил, как побелели костяшки ее пальцев, когда она сжала поводья и, не дыша, замерла.

Сторвики выглядели не менее воинственно, чем они сами. Наверное, им тоже нужна соль, подумал Джон, глядя, как они сплотились вокруг черноволосой женщины, охраняя ее, как Брансоны охраняли Бесси и Кейт.

Он перехватил ее опасливый взгляд. Потом столкнулся глазами с пожилым человеком — очевидно, ее отцом, — который держался рядом. На секунду они превратились из врагов в обычных мужчин, которые оказались здесь из-за дурацких прихотей своих женщин.

Но во взгляде человека, стоявшего по другую руку от женщины, не было и тени симпатии. Примерно десятью годами старше Роба, он носил на лице шрам от скулы до самого горла.

Джон похолодел от внезапного подозрения.

— Кто это? — вполголоса спросил он Роба.

— Та девица?

Джон покосился на брата. До сих пор он не слышал, чтобы Роб отпускал комментарии о чужих женщинах.

— Человек со шрамом.

— Братец, это и есть Вилли Сторвик. Тот, за кем мы приехали.

Неудивительно, что Кейт притихла.

— Он не причинит вам вреда, — прошептал Джон. Он лично проследит за этим.

Она не ответила.

Обернувшись, он увидел, что страх завладел ею снова. Ее глаза широко раскрылись. От ужаса она вся словно окаменела.

Проклятье, как он не догадался раньше. Вилли Сторвик. Вот чья тень преследовала все это время. И теперь она увидела его во плоти.

Он хотел взять ее за руку, утешить прикосновением, но понимал, что сейчас ее лучше не трогать. Сейчас она настолько испугана, что не отличит его от человека, которого так боится.

Роб привстал в стременах.

— Отойдите в сторону и сложите оружие! — крикнул он. — Тогда мы пересечем реку.

Иначе, даже держа наготове копья, они окажутся в неравных условиях. Пока Брансоны будут барахтаться в воде, Сторвики могут атаковать их с берега.

— Ты что, не доверяешь нам? — спросил старший Сторвик. Но кривая ухмылка Вилли-со-шрамом красноречиво свидетельствовала о том, что ни о какой доверии не может идти и речи.

— Я доверяю только тем, кто дал мне слово, — ответил Роб. — Я вижу, среди вас есть женщины. Едва ли ты хочешь, чтобы они пострадали.

Джон заметил среди Сторвиков вторую женщину, много старше той, черноволосой. Похоже, это ее мать и жена главы клана. Обе они с презрительным видом вскинули подбородки.

— Надеюсь, ты не угрожаешь моим женщинам, — сказал Сторвик.

Роб напрягся и отвел назад копье, будто приготовившись метнуть его через реку в ответ на оскорбление. Мужчина на границе может сделать женщину вдовой, но ее саму никогда не обидит, по крайней мере умышленно.

— Нет. Пока ты не угрожаешь моим.

Джон взглянул на Бесси. Она была безмятежна и неподвижна, точно статуя мадонны, и, казалось, ничуть не боялась, в то время как Кейт напряженно сидела в седле, кусая дрожащие губы. Страх — тот, что она скрывала под напускной отвагой, тот, что посещал ее по ночам — теперь стоял перед нею при свете дня.

— Мы прибыли на День перемирия, — ответил Сторвик. — И никому не угрожаем.

— Тогда отчего же вы не сложите свои мечи и копья на траве вон там? — Роб указал на поляну правее брода. — Чтобы ни один Сторвик не задел по небрежности никого из наших.

Вождь Сторвиков пристально смотрел перед собой, как и Брансоны, оценивая разделявшее их расстояние.

— Сперва вы сложите оружие на своем берегу. Чтобы и с вашей стороны не было никаких недоразумений.

Роб не удостоил его ответом. Разделенные рекой, обе семьи молча стояли друг напротив друга и ждали.

— Все равно нас не пустят в деревню с оружием, — сказал брату Джон.

— Но на своей стороне мы его не оставим, — резко ответил Роб.

Солнце медленно плыло по небу над их головами. Шумел ветер. Никто не хотел

уступить.

Джон взглянул вниз по течению.

— Здесь есть другая переправа?

— Есть, но что толку. Они просто поедут за нами следом.

— Их меньше, чем нас, — заметил Джон, прикидывая шансы.

— Какая разница. Они стоят на земле, а нашим лошадям придется барахтаться в воде.

Надо дождаться смотрителя.

Твоего смотрителя, читалось в его тоне. Как будто Джон был виноват, что тот задерживается.

— Где ваш смотритель? — крикнул Роб, обращаясь к Сторвикам. Таков был ритуал. Накануне Дня перемирия смотрители от Англии и Шотландии прибывали в назначенное место. Утром англичане переходили границу, чтобы решить накопившиеся проблемы и установить мир, так же поступали шотландцы. Смотрители выступали гарантами этих встреч. — Он что, не знает, как делаются дела?

— Могу спросить тебя о том же!

Король сам выбрал Карвела. Джон лично встречался с этим человеком. Неужели они оба ошиблись?

И вдруг — топот копыт.

Джон обернулся. С запада к ним приближалась группа всадников. Желто-зеленый штандарт Карвелов трепетал на ветру. Он облегченно выдохнул.

Когда смотритель поравнялся с ними, Джон представил его Робу и объяснил положение дел.

— Все было организовано в большой спешке, — сказал Карвел. — Англичанин, верно, опаздывает, как и я.

Роб закатил глаза.

Карвел выехал на берег.

— Люди Сторвиков! Я Томас Карвел, назначенный новым смотрителем марки, каким был мой отец до меня. Хвала королю Якову!

На обоих берегах имя короля было встречено единодушным молчанием.

Вытащив из ножен меч, Карвел передал его человеку из своей стражи.

— Ждите здесь, — приказал он капитану. — Если меня атакуют, убейте их всех.

И он выдвинулся к реке. Один.

— Куда он едет, безоружный дурак, — пробормотал Роб.

Джон улыбнулся.

— У него остался кинжал.

Карвел завел лошадь в воду и на середине реки заговорил снова:

— Я договорился с вашим смотрителем о встрече в День перемирия. Все устроено согласно приграничным законам. Опустите мечи и позвольте мне и моим людям проехать, чтобы забрать их. После мы разоружим Брансонов.

Вождь Сторвиков колебался. Наклонившись, он посоветовался с человеком, стоявшим рядом. Со своим сыном? Нет. С Вилли-со-шрамом.

— Будьте наготове, — произнес Роб, и Брансоны все как один взяли за оружие. — Если они атакуют, Карвелу не хватит своих сил, чтобы с ними справиться.

Но вот глава Сторвиков отдал меч одному из своих сородичей и, пустив лошадь через переправу, остановился напротив Карвела.

— Мы согласны! — прокричал он громко, чтобы услышали обе стороны.

Джон торжествующе улыбнулся и взглянул на брата.

Люди Карвела пересекли реку и разоружили Сторвиков. Затем Роб по очереди перевел своих людей на другой берег, и все они тоже отдали смотрителю свои мечи и копья.

Наконец дошла очередь и до Кейт. Карвел терпеливо ждал.

— Я не отдам оружие, — произнесла она, вцепившись в нож и не сводя взгляда с Вилли. — Пока он дышит, оно будет при мне.

— Пусть нож останется у нее, — сказал Джон. — Под мою ответственность.

— Я не могу делать кому-то поблажки, когда едва вступил в должность, — ответил Карвел.

Джон знал, что он прав, но не отступался.

— Ее нож слишком мал, чтобы сражаться.

— Но достаточно велик для того, чтобы отнять жизнь. — С легкой улыбкой он повернулся к Бесси, словно рассчитывая встретить с ее стороны больше понимания. — Вы не поможете мне?

Она нахмурилась.

— Хорошо. Но если что, вы ответите передо мной лично. — Ее карие глаза сверкнули.

— Перед вами и перед всеми Брансонами, — кивнул Карвел.

Она наклонилась к Кейт.

— Давай, милая. Отдай ему нож. Через несколько часов все будет кончено.

Бесси взяла ее за руку, и по кивку сестры Джон разжал ее ледяные пальцы, высвобождая рукоять, а потом передал нож Карвелу.

— Если что-то случится, вперед всех остальных Брансонов ты будешь отвечать передо мной. — Он уговорил Кейт довериться смотрителю. Но доверял ли ему он сам?

Они направили лошадей к деревне.

Роб казался нагим без оружия, с которым обычно никогда не расставался. Он заметно нервничал, и Джон впервые со всей очевидностью понял, что брат не видел в жизни ничего, кроме воровства и набегов.

Чем он займется, если ему навязать мир?

Тревога не отпускала его, когда они добрались до деревни, маленького поселения, не укрепленного ни крепостными стенами, ни башнями. Идеальное место для сбора в День перемирия, ибо брать тут было нечего. Как нечего защищать.

На площади в центре горделиво стояли три палатки с товарами, однако всадники, заполонившие деревню, настороженно молчали и не торопились спешиваться. Обе семьи ждали, кто сделает это первым.

— Неправильно все это, — проворчал Роб. — Мы никогда не встречались на стороне англичан. Их смотритель всегда сам приезжал к нам.

Неожиданно та самая молодая женщина из числа Сторвиков, не спросив разрешения у своих, развернула лошадь и без охраны направилась к палатке торговца посудой. Остановившись, она спустилась на землю и принялась изучать его товар.

— Дура, — пробормотала Кейт.

Роб тоже смотрел на эту женщину. Странно.

Бесси кашлянула.

— Нам бы тоже надо купить соли.

Она не требовала. Не бросала вызов семье, как женщина Сторвиков. И тем не менее ее

спокойные слова не были просьбой. Нет, она решительно и своенравно ставила их перед фактом.

Роб вздохнул.

— Купи, если надо. — Жестом он приказал сопровождать ее. — Только будь осторожна и держись на виду.

Соскользнув с лошади, Бесси взглянула на Кейт, приглашая ее с собой, но та покачала головой.

— Иди. Мы побудем с нею, — сказал Джон.

Вид женщины, которая мирно занялась покупками, несколько разрядил обстановку. Люди спешили. В воздухе поплыли праздные разговоры, кое-где слышались даже смешки. Кейт спустилась с лошади, и пес немедля прижался к ее ногам.

Джон вздохнул свободнее.

— Присмотри за Кейт, — сказал он Робу. — Я переговорю с Карвелом.

Брат криво ухмыльнулся.

— Желаю успеха.

Неправда. Он желал ему провала. Джон знал это.

Вот только он этого не допустит. И не только потому, что обязан не подвести короля.

Прежде всего, он обязан не подвести Кейт.

* * *

Когда Кейт увидела его на берегу, мир остановился. Прошло два года после той жуткой ночи, но она не забыла его.

Джон заметил и, кажется, понял, что с нею творится. Странно, насколько легче от этого стало. Но потом, заняв сторону Карвела и отобрав у нее нож, он предал ее.

Накануне ночью она почти не спала, но не из-за дурных снов. Нет, на этот раз ей мешало заснуть предвкушение. Наконец-то она увидит его. Только теперь она будет вооружена и готова.

И на этот раз она не дрогнет.

Но когда она, наблюдая за ним со своего берега, набралась смелости встретиться с ним взглядом, на его лице почти ничего не отразилось. Только легкая рябь, когда он понял, что она женщина, а не мужчина, и ничего больше. Она не заметила ни стыда, ни чувства вины, ни единого намека на то, что ее вспомнил.

Потом у нее отняли нож, и она перестала быть Храброй Кейт.

Оружие помогало держать страх на расстоянии. Без ножа она ощутила беспомощность, совсем как в ту ночь, когда она должна была отбиваться, кричать, кусаться, царапаться... сделать все, лишь бы не подпустить его к себе. Только не лежать как последняя трусиха на свете, цепenea от ужаса, пока он брал ее и отнимал ее силы.

Теперь она научилась давать ему отпор — во сне.

Даже хорошо, что он ее не узнал. Если бы она прочла в его взгляде, что он ее помнит, то силы, как в тот первый раз, могли бы оставить ее. И это перечеркнуло бы все, чем она жила, что делала эти два года.

Погладив теплый и сильный бок Смелычака, она немного успокоилась. А после смотрела куда угодно, только не на Вилли-со-шрамом.

Вместо него она посмотрела на Джона, который переговаривался с Карвелом. Глаза отдыхали на нем, он манил ее как зеленое поле, как звездное небо, как мимолетное наслаждение.

Как поцелуй.

Моргнув, она отвернулась. Неуместные мысли, особенно в день, когда ее должно волновать только одно: чтобы Вилли Сторвика наконец осудили. Пусть и не за худшее из его преступлений.

* * *

Вслед за Карвелом Джон зашел в трактир, где столы и лавки уже сдвинули в центр помещения. Все было готово к началу суда.

— Где английский смотритель? — сходу набросился он. — Как и ты, он был обязан прибыть на рассвете.

По невозмутимому лицу Карвела пробежала легкая тень, однако никакого объяснения он не предоставил.

— Он появится с минуты на минуту.

Джон выглянул на улицу. Женщины торговались у палаток с товарами, несколько Сторвиков и Брансонов мирно пинали на поляне мяч. Пока все было спокойно. Пока обе стороны не взяли за оружие.

— Ты обещаешь, что он приедет? — Он едва осознал, о чем просит. Он просил дать ему слово, чтобы у него появилась возможность сдержать свое — то, которое он дал Кейт.

— Я не могу обещать того, что от меня не зависит, — проговорил Карвел обезоруживающе ровным тоном. — Я взял с англичанина слово. Что еще я мог сделать?

— Надеюсь, на этот вопрос тебе не придется отвечать, ибо поверь, если дело не будет сделано, на виселице окажемся мы, а не Вилли Сторвик.

В каком-то смысле эта перспектива пугала его меньше, нежели страх подвести Кейт.

Карвел помрачнел.

— Правосудие на границе может вершиться только в одном случае: если народ верит, что его судят честно. Так что лучше тебе уйти, Джонни Брансон, ведь чем дольше мы чешем языками, тем больше Сторвикам кажется, будто мы вступаем в сговор, и тем меньше потом они будут прислушиваться к моим словам.

Джон развернулся и пошел прочь, но задержался на пороге.

— Английский смотритель заслуживает доверия?

— Не меньше меня самого.

— И насколько его заслуживаешь ты, Томас Карвел? — спросил он и вышел, не дожидаясь ответа.

Джон доверял Карвелу, потому что его выбрал король. Но, проведя несколько недель на границе, он начал сомневаться, можно ли вообще доверять кому-либо, кроме своей семьи.

Включая Карвела и самого короля.

* * *

Кейт не приценивалась к товарам, как другие женщины, и не развлекалась, как Брансоны, которые убивали время, пиная мяч. Бесси и Джон по очереди пытались отвлечь ее, предлагая то сладкий пирог, то кружку эля, но она от всего отказывалась. Она просто стояла, держа за поводок Смелычака, тяжело привалившегося к ее ногам, и издали наблюдала за Вилли Сторвиком.

Заставляя себя следить за каждым его движением, она верила, что пока она не спускает с него глаз, он не посмеет сотворить ничего дурного.

Развязка уже близка. Вон он, стоит со связанными руками. И до тех пор, пока он не предстанет перед судом, она будет следить за ним.

Вот только без английского зрителя суд не начнется.

* * *

Тянулось время. Солнце и тучи попеременно сменяли друг друга на небе. Сторвики и Брансоны попеременно вели в игре в мяч. Утренняя болтовня давно стихла.

Джон не отходил от нее ни на шаг. Измученный ожиданием, он то и дело обращал взор на юг.

— Я поговорю с Карвелом еще раз, — сказал он, когда день начал клониться к вечеру, но уходил не спешил. Не хотел оставлять ее.

Она вздернула подбородок. Вновь Храбрая Кейт.

— Идите. И передайте, что я жду его ответа.

В последний раз взглянув на нее, он поспешил к зрителю.

И вдруг, как только она осталась одна, зашуршала листва, в небо взметнулись вороны, земля затряслась под ногами, но когда она поняла, что происходит, было уже поздно.

Откуда-то сзади налетели лошади.

Всадников было трое. Они были вооружены, и она прокляла те правила, по которым Брансонам пришлось расстаться с оружием. Теперь, когда ее лишили ножа и забрали лошадь, выбор был невелик: убежать и попробовать спрятаться, либо противостоять их клинкам голыми руками.

Но всадники не стали нападать на нее. Они проскакали до конца улицы к месту, где стоял Вилли-со-шрамом, на минуту остановились, чтобы перерезать веревку, которая связывала его руки, и затем, вручив ему меч и поводья от лошади, молниеносно унеслись за пределы деревни.

Прежде чем поставить ногу в стремя и последовать за ними, Вилли подошел к Кейт и, схватив ее, впился ртом в ее губы.

Она потянулась за ножом, которого не было, начала отбиваться кулаками, а потом ее пес вцепился зубами в его руку. Взвывая от боли, Сторвик отпустил ее, запрыгнул в седло и поскакал прочь.

Стоя в пыли, которую подняли копыта его лошади, она согнулась пополам, еле сдерживая рвоту и сжимая в кулаке клочок коричневой ткани, которую Смелычак вырвал из рукава Вилли-со-шрамом.

— Ты знал! — Джон впечатал Карвела в стену трактира, держа его за горло и борясь с искушением сжать пальцы сильнее. — Ты с самого начала знал, что все так будет!

Деревенские жители за его спиной жалась к домам, а Брансоны и Сторвики обратили кулаки друг против друга.

Сперва он метнулся к Кейт, но опоздал, потом бросился за мечом и не успел снова. Проскакав через деревню, Вилли скрылся прежде, чем они смогли добраться до своих копий и лошадей. Трое Брансонов выехали за ним в погоню, но с большим опозданием.

Надежды на то, что его догонят, не было.

Где Кейт? С нею уже стояла Бесси. Его самого Кейт теперь не захочет видеть.

— Они предали и меня тоже, — сказал Карвел. В его зеленоватых глазах, обычно непроницаемых, загорелась злость. — Клянусь могилой отца.

Нехотя Джон отпустил его.

— Надеюсь, для тебя он значил побольше, чем мой для меня.

— Сторвик задел честь Карвелов, — произнес смотритель. Сквозь маску дипломата проглянула решимость настоящего приграничного жителя. — И я выясню, насколько в его побеге замешан английский смотритель.

Краем глаза Джон заметил, как Роб вплотную сошелся с вождем Сторвиков и приставил к его груди меч. Старик, не делая попытки защититься, безучастно стоял с поникшими плечами.

— Мы здесь не при чем, — произнес он и развел руками. — Отныне он нам никто. Он больше не Сторвик.

Изгой. Мертвец для своего рода. Худшей участи не придумаешь. Отныне конфликт с Вилли перестал иметь отношение к Сторвикам. Глава семьи сказал свое слово.

Джон подошел к брату. Тот медленно опустил меч и вонзил его в землю.

— Ну что? — крикнул он, потрясая руками. — Ты доволен, Джонни?

День перемирия был окончен. Сторвики и Брансоны, все в крови, пошатываясь, расходились, чтобы забрать лошадей и разъехаться по домам.

— Доволен ли я? О, нет, — сквозь зубы ответил он. Руки чесались схватиться за меч. Приграничных законов и королевского суда оказалось недостаточно. — Нисколько.

Никогда еще он не чувствовал себя таким уязвимым, таким беспомощным дураком, как сегодня, когда Вилли вырвали из рук правосудия у него на глазах. Хуже, чем в детстве, когда он был слишком маленьким и хилым, чтобы давать отпор тем, кто был сильнее и старше.

А потом Сторвик посмел тронуть Кейт.

И отвращение на ее лице стало последней каплей.

— Он не успел далеко уехать. Мы догоним его, если выдвинемся немедленно.

— Да, и попадем в новую западню. Похуже, чем та, из которой только что выбрались.

— Тогда едем домой, возьмем подмогу! — Он тщетно пытался придумать выход. — Соберем тысячу человек!

— То есть, ты готов прикончить ублюдка?

Джон боролся с эмоциями, осознавая, что готов нарушить все свои обязательства и тем самым отсечь от себя любые милости, которыми мог одарить его король.

Он сделал глубокий вдох, пытаясь обуздать гнев. Хватит и того, что он поднял руку на

королевского зрителя. Если он расправится со Сторвиком в обход закона, то на следующий День перемирия судить будут его самого.

— Я готов выследить его, отвезти в Эдинбург и отдать под суд. — По крайней мере, тамошние судьи не станут плести интриги за их спинами.

Роб откинулся назад со скрещенными на груди руками и посмотрел на него так, словно он снова стал Джонни Тряпкой.

— Если так, то ничего ты не понял и ничему не научился. Живым ты его не возьмешь, я тебе обещаю.

— Должен быть другой способ. — Он хотел спорить, хотел сказать брату, чтобы тот отошел в сторону и передал право вершить суд королю, но сперва ему нужно было убедить себя самого. — Ты должен ко мне прислушаться...

— Нет! Слушать будешь *ты*, малыш Джонни. Я предупреждал тебя, чем все закончится. Но ты стоял на своем. И ради тебя я согласился дать шанс твоему драгоценному правосудию. Сам видишь, что из этого вышло. Можешь передать своему королю, что его законы это просто слова, написанные на бумажке, которую легко разрубить мечом. Меч всегда побеждает.

После всего, что случилось, не откажется ли Роб помочь королю? Успеет ли подкрепление вовремя? Все это перестало иметь значение. Король и его законы слишком далеки от границ. Здесь нет иного правосудия кроме того, что люди добывают для себя сами. И пока король не изменит заведенный порядок, ничего не изменится.

— Как бы то ни было, я поймаю его и прослежу, чтобы его наказали.

Роб тряхнул головой.

— Зачем? Ты ясно дал понять, что это не твоя битва.

Затем, что он поклялся священными камнями на Горбатом холме.

— Затем, что я при тебе поклялся Кейт, что доведу дело до конца, если этого не сделают зрители.

Он дал слово с легким сердцем, не задумываясь о том, что придется его выполнять. Но теперь он был связан не только словами. Он увидел врага в лицо. Увидел, как он обошелся с Кейт.

Роб молчал, но в его глаза тенью прокралось неожиданное одобрение.

— Ну что ж, малыш Джонни, — наконец вымолвил он. — Похоже, ты наконец-то дорос до этого дублета.

Джон опустил голову. Кейт с ним не согласится. Он подвел ее и пока не искупит свою вину, у него нет права называться Брансоном. Как нет права называться мужчиной.

— Идем, — позвал его брат. — Надо собраться и решить, что делать дальше.

Он снова взглянул на Кейт. Рядом с нею стояла Бесси, у ног сидел пес.

— Сначала я должен поговорить с ней.

* * *

Она не стала упрекать его, когда он подошел.

Не хотела тратить на него слова.

Она просто стояла неподвижно, как статуя, с запечатленной на лице яростью.

Бесси отошла в сторону, и он мысленно поблагодарил сестру за понимание. Она одна из

всех не смотрела на него с осуждением, тогда как даже в глазах пса читалось разочарование.

— Идемте со мной, — сказал он.

Она не двинулась с места.

Тогда он взял ее за руку и потянул за собой к реке, подальше от чужих ушей.

Она испуганно вскинула голову.

— Я не давала вам разрешения...

Он возненавидел страх в ее глазах.

— Я его не спрашивал.

— Как не спрашивали, когда приехали к нам. — Она вырвала руку. — Вы возомнили, что сможете остановить ветер и заставить солнце двигаться вспять. Теперь вы убедились, что это невозможно? — Гнев в ее глазах померк. — Как будто господь наказывает меня, спасая его.

Он возненавидел беспомощность в ее шепоте.

— Его спас человек, а не бог.

Она моментально подобралась.

— Карвел?

— Не думаю, — ответил он, хотя сам не был уверен.

— Значит, смотритель англичан. Неважно. Им обоим нельзя доверять.

Теперь и он понимал это.

— Вождь Сторвиков отлучил его от семьи. Вилли-со-щрамом стал изгоем.

— Но он по-прежнему жив. Бродит себе на свободе на спорных территориях, в то время, как я... — Она зажмурилась, чтобы не заплакать.

Он заставил себя не трогать ее, дожидаясь, пока она не заговорит снова.

— В то время, как мой отец лежит в могиле.

Возразить было нечего. Она доверилась ему, а он подвел ее.

— Я выслежу его сам.

Они дошли до реки. Золотистые листья, облетевшие с деревьев, лежали на земле и плавали на поверхности воды. Пес выбежал на берег и, опустив голову, принялся жадно пить.

Наконец она подняла глаза. Боль сменилась недоверием.

— Правда?

Да. Ради тебя.

Мысль возникла мгновенно, но он не смог прямо сказать ей об этом. Он и самому себе едва мог в этом признаться.

— Вы не поверили мне, когда я дал вам слово?

Она недоверчиво всматривалась в его лицо.

Он и сам едва себе верил.

Не выдержав, он взял ее за руку, словно своим теплом хотел убедить, что его клятва это не пустые слова.

Она опустила глаза.

— Как же вы сдержите слово о Вилли Сторвике, если нарушаете все остальные?

Он выронил ее руку и сделал шаг назад, жалея о самом первом своем обещании.

— Я обязательно поймаю его. — Сдаваясь, он поднял вверх руки. Королю он все объяснит позже.

— С чего вдруг такая решимость? Что изменилось? Мой отец стал мертвее, чем был

вчера?

Нет. Не гибель ее отца терзала его.

— Законы, зрители, все подвели вас. — *И я тоже.* Он задумался, сможет ли король понять, что им движет.

— В таком случае я благодарна вам, Джонни Брансон. — Она посмотрела ему в глаза и взяла за руки. — Я знаю, насколько это будет непросто, особенно для вас.

Он посмотрел вниз, на ее ладони. Только что она отвергала его прикосновения, а теперь тянется к ним сама. Кто она на самом деле и чего от него хочет?

— Но когда я поймаю Сторвика, на этом все должно закончиться. Никаких новых убийств быть не должно.

Она покачала головой.

— Это не от меня зависит.

— Но вы можете помочь мне убедить в этом Роба.

Она отвернулась, но не отняла рук. Пережив этот тяжелый, омраченный ужасом день, она вдруг стала выглядеть робкой и неуверенной, как обычная юная девушка.

Ее невинное прикосновение разожгло пожар в его груди, породило нестерпимое желание совершить нечто большее, чем месть. Желание защитить свое. Все то, что он хотел сделать своим.

Землю. Семью. Дом. Женщину.

— Подумайте об этом, Кейт. — Он запнулся. — Подумайте о мирной жизни...

Вдруг его мысли спутались. Ее губы манили его к себе. Он наклонился и...

И вспомнил, что последним ее губ касался Сторвик.

* * *

Кейт раскрыла навстречу ему губы. Она подарит ему поцелуй — как знак благодарности, как печать, которая закрепит их сделку. Она даст понять, что видит, какую жертву он приносит своим обещанием.

Не больше.

Но она обманывала себя. На самом деле его поцелуем она хотела уничтожить воспоминание о Вилли. Обрести надежду, что однажды, когда с возмездием и страхом будет покончено, она станет нормальной женщиной.

До Джонни она не смела на это надеяться.

Он нерешительно замер, уважая ее желания и свою клятву. Глубоко вздохнул, словно приготовившись заговорить.

Крепко зажмурившись, она прильнула к нему. Она не хотела, чтобы он спрашивал разрешения поцеловать ее или чтобы прятал руки за спину. Она хотела, чтобы он обнял ее и защитил от пережитого сегодня ужаса.

Все прочее подождет.

Весь день она была Храброй Кейт. Следила. Ждала, напрягшись всеми нервами. Сдерживалась, чтобы не убежать. *Люди могут быть счастливы,* сказал он. *Даже если жизнь тяжела.*

Докажи мне, что это правда. Хотя бы на миг.

А когда это миг пройдет, она опять станет Храброй Кейт, которая никого не боится.

Но он не двигался. Его руки были упрямо прижаты к бокам. Тогда она сама обняла его за талию, прижалась к его груди, защищенная сшитым ею дублетом, и приподнялась на цыпочки, лова его губы.

И он со стоном сдался. Крепко обнял, прильнул губами к ее губам. И все вокруг исчезло.

Сперва на нее снизошло чувство безопасности. Его руки, невыносимо сильные и нежные одновременно, отгородили ее от всего мира, стирая боль прошедшего дня.

Но умиротворение быстро переросло в нечто большее.

Жар на лице, судорога между ног. Сердце, как птица в силках, забилося в груди.

Желание. Ее тело, словно дикая лошадь, которая вырвалась на свободу, устремилось к нему, и все остальное внезапно утратило смысл.

И это испугало ее больше, чем сила сжимавших ее рук, больше, чем голодная страсть его поцелуя.

Вся ее жизнь зависела от того, сможет ли она контролировать страх. Если она отпустит чувства на волю, то перед нею развернется черная, зияющая бездна.

Он отшатнулась. Отняла свои губы.

— Хватит.

Он посмотрел на нее так, словно она сошла с ума.

— Но вы...

— Я знаю. — Как объяснить, что она отвергала себя, а не его? — Простите. Вы, наверное, думаете...

Он взял ее за плечи и заставил посмотреть себе в лицо. Она не сопротивлялась. Всего несколько секунд назад его голубые глаза горели радостью, а теперь в них застыло замешательство. И гнев. И все из-за нее.

— Кейти Гилнок, я должен знать, чего вы добиваетесь.

Она закусила губу и, отвернувшись, подозвала к себе пса, но он взял ее за подбородок и опять развернул к себе.

Насколько ты смелая, Кейт? Хватит ли твоей смелости, чтобы сказать ему правду? Чтобы начать доверять кому-то еще, кроме себя самой?

И она попыталась. Заглянула ему в глаза с надеждой найти прощение, но увидела один только гнев. А потом что-то еще. То, что она боялась назвать даже мысленно.

— Сегодня я сама виновата в том, что вы нарушили слово, — произнесла она, заставляя себя говорить ровно. — Вы говорили, что мужчина и женщина могут подарить друг другу счастье. Сегодня... после всего... мне нужно было проверить, правда ли это.

— И это оказалось правдой?

Да. Только не для меня.

Он заставил ее захотеть невозможного. Покоя. Любви. Нормальной жизни. Пока не поздно, лучше перестать тешить себя иллюзиями. Нельзя ни на миг забывать, кто она.

— Нет. — Солгать оказалось проще, чем сказать правду.

Он сложил на груди руки.

— В таком случае, можете не волноваться, Кейти Гилнок. — Его голос, как она и боялась, зазвенел от гнева. — Больше я не стану навязывать вам несчастье.

Я не стану навязывать вам несчастье... Что ж, она привыкла к одиночеству.

Поздно спасать свое сердце. Она уже позволила себе представить, что однажды станет нормальной женщиной, способной с радостью и доверием подарить свое тело мужчине.

Сегодня Вилли Сторвик обратил ее мечты в пыль.

И он дорого заплатит за это.

Она кивнула.

— Так что, Джонни Брансон, вы готовы выследить Вилли Сторвика?

В порыве гнева он чуть было не ответил *нет*.

Ему казалось, что она не из тех женщин, которые играют мужчинами, то подпуская к себе, то отталкивая. Он знал таких при дворе. Сперва они говорили *да*, потом *нет*, потом *может быть*, думая, что в итоге мужчина выполнит любые их прихоти, лишь бы лечь с ними в постель.

Кейт Гилнок была другая.

Или нет?

Что знал он о женщине, чью месть взял на себя? Телом она говорила одно, а словами другое. В ее глазах томилось неутоленное желание, словно она видела высоко в небе звезду и не могла до нее дотянуться.

Было и еще кое-что в ее взгляде. Нечто, похожее на страх.

Он вздохнул. После того, что сегодня случилось, у нее были все основания бояться Вилли-со-шрамом. Готов ли он броситься в погоню за ублюдком, посмевающим насильно поцеловать ее?

Клятва, перешедшая к нему после отца и брата, тяжело давила на плечи. Все из-за этой женщины. Приняв на себя ее месть, он будто сделал шаг в сторону пропасти, такой же коварной и бездонной, как та, что лежала за обрывом Горбатого холма.

Он не знал, насколько глубока эта пропасть и что ждет его на дне.

Готов ли он?

— Да.

— Тогда давайте его разыщем.

В ушах эхом отозвалось предостережение Роба.

— Он исчез. Нельзя же просто приехать на спорные территории и ждать, когда он придет и добровольно сдастся.

Она качнула головой. Мрачная решимость вернулась на ее лицо.

— Смелчак приведет нас к нему.

Он посмотрел на пса.

— Каким образом? У нас нет ничего, чтобы он взял след. — Его небольших познаний об ищейках хватало, чтобы понимать это.

— Есть, — возразила она, и голос ее был холоден точно сталь. — Вот. — Она достала из кармана обрывок коричневой материи и помахала им, словно захваченным вражеским флагом.

— Что это? — Но он уже догадался. Она снова превратилась в его Храбрую Кейт, в женщину, которая ничего не боится.

— Он похитил у меня поцелуй, но я украла нечто получше.

* * *

Джон проводил Кейт к Робу, и она рассказала о своем плане. Ищейки способны выслеживать цель через горы и реки, но у того, кого они ищут, есть лошадь. Нужно ехать немедленно, пока след еще свеж.

Бесси и большая часть Брансонов вернется домой на случай, если придется защищать замок. А оставшиеся несколько человек отправятся в погоню за Вилли. Им должно хватить сил, чтобы одолеть преступников, если те встретятся у них на пути.

Тем временем деревня почти опустела. Сторвики растворились среди холмов, а жители Кершофута попрятались за закрытыми дверями.

Карвел и его люди, толпясь напротив трактира, тоже собрались уезжать. Когда они проезжали мимо, смотритель отделился от группы и остановился около Джона.

— Я этого не одобряю, — произнес он, хмуро оглядывая Брансонов, которые уже вооружились и приготовились двинуться в путь. Он знал, что это значит. Они решили взять правосудие в свои руки.

Джон схватил его лошадь под уздцы.

— Ты надменный сукин сын, и мне плевать, что ты одобряешь, а что нет. Наверняка ты в говоре со Сторвиками и с их смотрителем.

Глаза Карвела оскорбленно сверкнули. Он забрал поводья и отвел лошадь в сторону.

— Англичанин не уйдет от ответа. Я еду к нему прямо сейчас.

— Мы еще встретимся! — крикнул Джон ему вслед.

И только в момент, когда смотритель и его отряд скрылись из вида, до него дошло, что несмотря на внешнее неодобрение, Карвел и пальцем не пошевелил, чтобы остановить их.

— Джонни!

Он вернулся на голос брата на то место, где Сторвик схватил Кейт.

Она сидела около Смелычака, пристегивая к его ошейнику поводок. Когда он возьмет след, то перестанет слушаться ее команд. Пес уже понял, что они отправляются на охоту и нетерпеливо метался на месте.

— Сегодня прохладно и сыро, — произнесла Кейт, поднимая голову. И похлопала по пристегнутому к поясу ножу. — Лучшая погода для погони по следу.

— Вы никуда не поедете, — сказал Джон и краем глаза заметил, как ухмыльнулся брат.

— Мы едем за моим возмездием, — ответила она. — И пес не слушается никого, кроме меня.

В поисках поддержки он взглянул на Роба, но тот покачал головой.

— Как и раньше, тебе не выиграть эту битву.

— Теперь все иначе. — Джон был свидетелем того, как она упражняется с мечом, видел, как она сражается со своими кошмарами, даже был с нею в набеге. Но если она поедет с ними, то снова столкнется со Сторвиком и с тем страхом, что сегодня словно обратил ее в камень.

Однако она уже не выглядела испуганной.

— Я поеду с вами или заберу собаку и поеду одна.

— Бесси, — взмолился он. — Хотя бы ты скажи, что она требует невозможного.

— Это ты требуешь от нее невозможного, Джонни. — По очереди обняв Кейт и каждого из братьев, сестра села на лошадь.

Роб сделал последние распоряжения, и его люди один за другим потянулись к броду. Бесси замыкала отряд.

— Храни вас бог, — прошептала она на прощание и уехала.

Достав обрывок рукава Сторвика, Кейт протянула его псу. Ее рука, кажется, немного дрожала.

— Вот, держи, — заговорила она со зверем прежним теплым и любящим голосом,

потом неслышно пробормотала что-то ему на ухо.

Собака принялась. Невозможно представить, что она способна уловить запах из такого маленького клочка ткани, подумал Джон. Но зверь уже вскочил на лапы и потянул носом воздух. И та теплая улыбка, что предназначалась псу, сменилась на лице Кейт мстительной усмешкой.

— Ищи Вилли!

Смельчак тяжело рванулся вперед, и тогда она ослабила поводок и запрыгнула в седло.

— Давайте я возьму его, — крикнул Джон, опасаясь, что зверь вырвется на свободу.

Немного попридержав пса, она упрямо тряхнула головой.

— Нет. Это моя забота.

Роб поравнялся с ним и протянул ему руку.

— Словно луна бесшумные.

Он стиснул ладонь брата.

— Словно звезды надежные.

И почувствовал себя настоящим Брансоном.

* * *

Следуя за Смелчаком, они пересекли Лиддел-Уотер и устремились на запад. Пес уверенно бежал вдоль речного русла к долине, где начинались спорные территории.

Близился вечер. Тучи над их головами стали серо-голубыми, зеленая трава задышалась под опавшими листьями. Ветер, преследуя их, раскачивал ветви деревьев. А пес, бесшумно и неумолимо, мчался по следу.

Она хорошо его выучила.

Но пусть за псом следят остальные. Сам он неотрывно смотрел на Кейт, которая то и дело тревожно оглядывалась по сторонам.

Отсюда любого врага видно как на ладони, сказала она, когда они сидели на Горбатом холме. Но в лесу, где они были сейчас, враг мог подобраться внезапно и с любой стороны. Спорные территории кишели преступниками, которые, словно стаи диких животных, часто выбирались из своих нор, чтобы поохотиться на честных людей.

Поначалу пес бежал прямо. Потом запетлял из стороны в сторону, будто гоняясь за белками, то убегая далеко от реки, то возвращаясь назад.

— Похоже, он потерял след, — проговорил Роб вполголоса, чтобы не услышала Кейт.

— Ты когда-нибудь видел, как он идет по следу? — спросил Джон.

Брат отрицательно покачал головой.

— А я видел. — Сырые листья еле слышно шуршали под копытами пони, но для его слуха этот шорох казался грохотом, словно по лесу ехала многолюдная армия. — Сторвик знал, что за ним отправят погоню.

Губы брата сжались в мрачную линию.

— У него нет причин искать драки. Он будет бегать от нас до тех пор, пока... Кейт, придержи пса!

Деревья впереди поредели. Если выехать из леса, они окажутся уязвимы. Кейт ухватилась за поводок, не давая псу выбежать на открытое пространство, и они остановились.

— Пресвятая дева, — сказал Роб. — Ты только взгляни.

На пригорке около реки стояла кособокая деревянная башня, много меньше их собственного замка. И новее.

Однако она была достаточно большая и крепкая, чтобы ее можно было захватить вшестером.

— Что ж, — проговорил Роб, наклоняясь вперед и всматриваясь в грубую постройку. — Похоже, Вилли-со-шрамом планировал побег довольно давно.

Смельчак заскулил и, до боли выкручивая ей руку, дернулся вперед, к своей цели на другом конце поля.

— Сидеть, — выдохнула она.

Джон взялся за поводок, и она выпустила его из рук, благодарная за передышку.

Они молча смотрели на башню.

Высотой всего лишь в два яруса, она не имела ворот и не была окружена крепостной стеной. Вместо этого вокруг были беспорядочно свалены камни, которые защищали первый этаж.

— Эта земля не принадлежит Сторвикам, — проговорил Джон.

— Она ничья, — ответил Роб. — Не принадлежит ни людям, ни королям.

На узкую полосу дикой земли претендовали и шотландцы, и англичане. За неимением хозяина здесь не действовали никакие законы. Даже те специфические, что были установлены в приграничье.

— Но на спорных территориях запрещено строить, — сказал Джон.

Она скрыла улыбку. В этом весь Джон. Цепляется за свои фантазии об идеальном мире и не замечает реальность. Но он почти заставил ее поверить в то, что фантазии могут стать реальностью.

Роб пренебрежительно фыркнул, что, очевидно, следовало расценить как смех.

— Добро пожаловать на границу, братец.

Смельчак продолжал скулить и рваться вперед. Джон, сидя верхом на лошади, крепко держал поводок. Спешившись, Кейт обхватила пса обеими руками, помогая Джону его удерживать.

Она с надеждой взглянула вверх.

— Разве нельзя... — Она не договорила. Бессмысленно атаковать, когда их так мало.

Но псу была неведома логика. Он жил ради охоты. И был приучен достигать свою цель.

Стоило ей немного ослабить руки, как он вырвался на свободу и помчался через лес по направлению к башне. Поводок вился за ним следом, ударяясь о землю.

У нее не было времени испугаться, засомневаться или подумать.

И она побежала за ним.

Чувствуя, что цель совсем рядом, пес бежал почти так же быстро, как лошадь, и, конечно, намного быстрее ее. Даже если она догонит его, то не сможет остановить.

Все это не имело значения.

Ветер свистел у нее в ушах, она слышала позади себя топот копыт, но не остановилась. Пес уже добежал до башни и теперь, обезумев, лаял и бился лапами в дверь, зная, что добыча внутри. Она дернула поводок на себя, тщетно пытаясь увести его.

— Молодец, мальчик. Все. Достаточно.

Она хвасталась тем, какой он послушный, но он не успокоится, пока не передаст добычу ей в руки.

— Вы только посмотрите, кто стучится в мою Нору.

Она посмотрела вверх. Со второго яруса, через брешь над дверями на нее смотрело ненавистное лицо со шрамом во всю щеку.

— Снова ты и твоя жалкая псина. — Он свесился наружу. Его рука, побывавшая в зубах

ее пса, еще кровоточила. — Тебе захотелось еще? — Его лицо исказила усмешка, страшная как гримаса дьявола.

Ее губы онемели. Глядя ему в глаза, она заново переживала то, что он с нею сделал. Обратилась в соляной столб, как жена Лота.

Нет. Ему не причинить вреда Храброй Кейт, которая нашла в себе силы поцеловать мужчину и захотеть большего.

— Я пришла посмотреть, как поживает шрам, который мой нож оставил тебе на память. Он моргнул и опасно отвернулся, увидев, что ее, наконец, нагнал Джон и, спешившись, оттащил пса от двери.

— Тебя привлекут к правосудию, Вилли Сторвик.

По долине эхом разнесся его хохот.

— Уж не ты ли вместе с девчонкой и ее собакой?

Ее страх внезапно удвоился. Только бы Джонни не пострадал.

— Сейчас или позже, неважно. Мы узнали, где ты прячешься, Сторвик, — сказал он, стоя с мечом в руках и смесью ярости и холодного расчета в глазах. — Хотя нет. Не Сторвик. Тебя больше нельзя так называть. Семья отреклась от тебя.

По лицу Вилли пробежала рябь.

— Этого не может быть.

Теперь, когда Джон был с нею рядом, ее сознание прояснилось. Она прислушалась к звукам, которые доносились из башни через брешь над их головами. Сколько человек в его банде? Что, если на них обрушатся их стрелы?

— О, еще как может. У тебя нет семьи. Нет имени. Ты никто. — В его выговоре впервые послышалась своеобразная картавость, присущая многим поколениям Брансонов.

Она забрала у Джона поводок, чтобы он не мешал ему держать меч.

— Зови меня как хочешь, мне все равно, — огрызнулся Вилли. — Вас сюда не приглашали, так что убирайтесь с моей земли.

Не отрывая от него взгляда, Джон встал между башней и Кейт.

— С твоей земли? У тебя нет на нее прав.

— Моя банда дала мне такое право. Мы здесь хозяева. — Он мотнул головой, указывая на своих приспешников, скрывающихся внутри, но в его глазах была неуверенность и беспокойство. — Не Сторвики и не Брансоны, и уж точно никакие не смотрители и короли.

Джон опустил меч немного ниже.

— Ты не стоишь даже того, чтобы марать об тебя меч. Ты никто. Просто безымянное ссыкло.

Это было серьезное оскорбление. Шокированная, она посмотрела вверх и увидела, что Сторвик направил на Джона арбалет.

Она бросилась между ними и прижалась к его груди, обратившись спиной к Вилли. Пес, почуяв опасность, снова кинулся к дверям и громко залаял. Поводок обвился вокруг их ног, привязывая ее к Джону.

Она зажмурилась, слушая, как быстро и сильно колотится под щекой его сердце, и ждала, когда в ее спину вонзится стрела.

— Опустит оружие, Сторвик, — раздался голос Роба. — Или я выстрелю первым.

Она открыла глаза. Позади них верхом на лошади сидел Роб и держал наготове арбалет. Он выехал из леса один, остальные остались за деревьями. У них с Джоном одна лошадь и одна собака. Успеют ли они обогнать стрелы Вилли и скрыться в лесу?

— Уходим, — прошептала она, пока Вилли и Роб не устали ждать. — Сегодня ничего нельзя сделать.

Джон сел в седло, усадил ее впереди себя, и вместе с Робом они пустили лошадей в галоп. Две стрелы, выпущенные им вслед, просвистели мимо.

И ветер донес до их слуха хриплый смех Вилли.

* * *

Когда они добрались до замка, уже стемнело. Не обращая ни на кого внимания, Джон снял ее с лошади и понес в спальню. Роб сам обо всем расскажет, а Бесси покормит пса.

— Ты цела? Ты не ранен? — заговорили они одновременно, когда он занес ее в комнату и захлопнул за собой дверь.

А потом поцелуи заглушили слова.

Он положил ее на кровать, сел рядом.

Обещания исчезли. Он ощупывал ее руки, шею, ноги, спину, боясь, что не заметил, как ее ранили. Она тоже трогала его, даже заставила пошевелить пальцами и перецеловала их все, когда убедилась, что он цел.

Наконец он с облегчением заключил ее лицо в ладони. Хотелось схватить ее за плечи, затрясти в наказание за ее безрассудство.

— Ты побежала к двери врага, безоружная!

Я думал, что потерял тебя.

— А ты вытащил меч, будто мог сокрушить его башню!

Они рассмеялись в голос, и он провел пальцами по ее щеке. Может, он и повел себя глупо, но когда увидел, как она побежала к башне, то мог думать только о том, чтобы спасти ее.

А теперь он мог думать только о том, чтобы обнять ее.

Он приник к ее губам, бережно и нежно. Сегодня он едва не потерял ее. Дважды. Он уничтожит того человека, как только до него доберется.

Она не отпускала его, блуждая ладонями по его спине, словно тоже благодаря небо за то, что он выжил. Оторвавшись от ее губ, он позволил себе пуститься в путь по ее щеке к нежному месту у виска, где вились светлые волосы, потом принялся изучать языком изящную раковину ее уха, с гордостью ощущая, как она трепещет в ответ.

Как он мог считать ее угловатой, когда ее шея так грациозно переходит в плечи? Когда ее кожа такая сладкая на вкус. Он захотел — о, как же сильно — увидеть, что скрывается под покровом ее грубого одеяния, и принялся распутывать завязки дублета, улыбаясь, не в силах отвести от нее глаз, когда она кинулась ему на помощь, а потом сбросила свое защитное облачение на пол.

Теперь на ней осталась только свободная шерстяная рубаша поверх льняной сорочки. На миг он представил ее в платье: шея тонет в пене белоснежного кружева, глубокий вырез обнажает нежные, соблазнительные округлости груди...

Нет. Вычурные наряды не к лицу его Кейт. Как блестящие доспехи не подходят мужчине, живущему на границе.

Пробравшись под слои шерсти и льна, он положил ладони на ее кожу, такую горячую, словно под нею пульсировала сама жизнь.

— Позволь мне... — Он успел договорить? Или просто стащил с нее оставшуюся одежду и отбросил в сторону? Но потом, увидев ее обнаженной, он утратил дар речи.

Она отрицала свою принадлежность к слабому полу, но ее груди — полные, круглые, острые словно от холода — говорили обратное. Он осторожно дотронулся до нее, как будто боялся сломать, если будет недостаточно нежен. Накрыл обе груди ладонями и погладил. Его пальцы сомкнулись на их кончиках. Она закрыла глаза, запрокинула голову, и из ее горла вырвался гортанный звук, невнятный, как его мысли.

Он подумал, что теперь, узрев ее нагое тело, никогда больше не сможет закрыть глаза. Все, что она так долго прятала, манило его, и больше всего те невидимые границы ее тела, где груди переходили в ребра, где плечо становилось горлом. Он будет изучать ее, пока не познает полностью, пока не узнает, где ее талия перетекает в бедра, где живот становится местечком меж ее ног...

Отведя вверх ее руку, он наклонился, чтобы поцеловать неуловимую грань под грудями, где начинался торс. Искушая его губы, она шевельнулась, потянулась к нему. Ее тело само угадывало, что нужно делать, оно просило его без слов.

И он ответил на эту немую просьбу.

В ее руках, ласкавших его спину, тоже проснулся голод. Она взялась за его плечи, начала расстегивать куртку такими же трясущимися, неуклюжими пальцами, какими только что были его собственные. Он помог ей и снял тяжелый дублет, над которым она так долго трудилась, потом, не дожидаясь ее помощи, сбросил рубаху и нижнюю сорочку.

Теперь пришел ее черед изучать его тело. Под ее жадным взором он испытал странную робость и надежду на то, что он ей понравился — чувства, которые он никогда еще не испытывал наедине с женщиной.

Потом она дотронулась до него.

Принялась водить ладонями от шеи к плечам, от локтей к запястьям, и снова вверх, сначала с одной стороны, потом с другой, потом через грудь, словно стремилась познать и запечатлеть в своем сознании каждый дюйм его тела.

И тогда он понял, почему она закрывала глаза.

Но он не мог долго оставаться незрячим. Слишком многое еще предстояло открыть и увидеть.

На ней все еще были надеты высокие сапоги, и он, разыгрывая оруженосца, помог ей разуться, а потом снял и свои сапоги тоже. Теперь застеснялась уже она, оставшись перед ним в одних шерстяных чулках.

В замешательстве он сел на кровать. Женщина в юбке всегда была доступна для соития. Но с женщиной в мужском облачении он еще не имел дела.

Она встала с решительно сжатыми кулаками, повернулась к нему спиной и распустила невидимые его взору подвязки. Потом медленно, очень медленно сняла чулки, обнажая бедра, ноги и...

Он выдохнул ее имя? Кажется, да.

Сидя на краю кровати, он дотянулся до нее и привлек к себе, а после его пальцы проникли меж ее ног.

Позволив ему принять на себя ее вес, она развела ноги и подалась вперед, раскрывая бедра навстречу его ищущим пальцам.

Сейчас. Немедленно, закричало его тело, тугое от страсти.

Горячая, скользкая, она тоже была готова. Ее бедра задвигались, приспособиваясь к

ритму его пальцев, и он понял, что больше не может ждать. Он хотел ее всю прямо сейчас.

Опрокинув ее на постель, он накрыл ее своим телом — его губы на ее губах, ее груди прижаты к его торсу — и понял, что ниже пояса до сих пор одет. Он потянулся вниз, чтобы высвободиться...

— Нет! Нет!

В первое мгновение смысл ее слов не дошел до него. И лишь когда в лицо ему врезался ее кулак, когда ногти вонзились в плечи, а колено ударило в пах, только тогда он застыл, задыхаясь, и ошеломленно посмотрел вниз, все еще вжимая ее в перину. А потом откатился в сторону, подальше от нее.

Не мигая, тяжело дыша, он ждал, когда его разум вернется в тело.

Сначала он подумал, что она сошла с ума.

Потом, что спятил он сам.

Нет, ее желание невозможно было истолковать превратно. Она сама сняла последний предмет одежды, сама опустила последний барьер. Что же изменилось?

Лежа на спине, он посмотрел на нее. Она отвернула лицо, прерывисто дыша, и он не мог видеть выражение ее глаз.

Его желание увяло, но продолжало бурлить в его венах. Он встал, прошелся по комнате, помешал дрова в очаге, а потом ударил кулаком по стене так сильно, что заболела рука.

— Что... как... почему... — Черт. У него никогда не было проблем с речью. Или с женщинами. Он поднял голову и взглянул на нее. — В чем дело, Кейт? В чем я провинился?

Отважная воительница, мятущаяся душа, страстная женщина — все грани ее натуры, о которых он знал, исчезли. В свете очага на кровати сидела другая Кейт. Не та, что пренебрегала его ласками. И не та, которая их боялась. От нее осталась одна пустая оболочка.

Она оглядела комнату, избегая его взгляда.

— Где Смельчак?

Он издал вздох. Острое сожаление, которое им овладело, казалось, никогда его не отпустит.

— Понятно, — произнес он, хотя не понимал ровным счетом ничего. — Ты не хочешь меня.

Он подобрал с пола тунику и натянул ее через голову.

— Нет! — Она соскочила с кровати и схватила его за руки, словно испугавшись, что он может исчезнуть. — Нет. Все не так, как ты думаешь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он заглянул ей в глаза, постепенно вспоминая. Так уже было раньше. Точнее, так бывало всегда, когда они целовались. Сначала страсть, потом отторжение.

Она начинала желать большего только в те моменты, когда он не трогал ее. Когда подавлял свой собственный пыл. Бессмыслица.

— А как, Кейт? Скажи мне. Ты хочешь меня?

Словно со всей внезапностью осознав, где она и что делает, она отпустила его и устала в пол.

— Да. — Еле слышно, чуть громче шепота.

Отвернувшись, она надела сорочку, которая закрыла ее тело от плеч до коленей.

На мгновение он пожелал оказаться на поле битвы. Проще противостоять вражескому клинку, чем этим непонятным метаниям. В прошлом он не раз уходил от женщин. Почему

же не может оставить эту?

Но потом их глаза встретились, и он снова пропал.

— Если да, то скажи это громко, мне в лицо.

— Да. Я хочу тебя.

Его гнев утих, но замешательство никуда не делось.

— В твоих словах слышна скорее обида, чем страсть. — И что-то еще. Он понял бы, если бы смог заставить свое затуманенное создание стать таким же твердым, каким был его член минуто назад.

— Я хочу тебя. — Ему вновь отвечала Храбрая Кейт. Женщина, способная скрестить с ним оружие, не только взгляд. — Но я *не хочу* хотеть тебя.

Последние остатки его гнева улетучились.

— И как это понимать? — Тут его озарило, и он как будто с разбега врезался в стену. — Брак, вот что тебе нужно, да? — Непривычное для его языка слово. Рано или поздно все люди вступали в брак, но он избегал мыслей о будущем. Если он будет думать о будущем, то придется принимать решения, к которым он не готов.

— Нет! Мне нужно только одно. Чтобы Вилли Сторвик умер.

— Сторвик! Меня уже тошнит от его имени. Ему обязательно преследовать нас везде, даже в спальне? — Он вновь принялся расхаживать из угла в угол, боясь, что если остановится, то в разочаровании наложит на нее руки. — Почему ты не можешь забыть о нем, хотя бы на одну ночь, хотя бы на один час?

* * *

Она смотрела, как Джон отворачивается и возносит к небесам руки.

Почему ты не можешь забыть о нем?

Она и забыла. На несколько бесценных минут. После того, как сегодня столкнулась с этим человеком вплотную, смотрела ему в глаза и смогла дать ему отпор, пусть пока только словесно.

Наедине с Джоном она смогла забыть. Наслаждалась его губами, его пальцами на ее теле и внутри него. В спальне остались только они двое и никого больше. Наконец она стала свободна, чтобы... полюбить.

А потом ее расплющил вес чужого тела, потом она почувствовала, как нечто твердое прорывается между ног, как живот царапает шерстяная ткань, как ее щупают ниже пояса — это уже был не Джон, которого она так любила.

Это был ее оживший кошмар.

Как найти слова, чтобы рассказать об этом?

Джон мерил шагами комнату.

— Почему ты настолько им одержима? Брансоны и раньше гибли от рук Сторвиков, но не посвящали свои жизни ненависти.

Ты собираешься рассказать ему?

Как она могла рассказать то, что не рассказывала еще никому? Как она могла объяснить, что пыталась любить Джонни Брансона, но тело ее продолжало сражаться с Вилли Сторвиком?

Он снова остановился у очага и требовательно посмотрел на нее, уперевшись кулаками

в бедра.

На его лице медленно проступило прозрение.

— Однажды я спросил тебя, что случилось в тот день помимо смерти твоего отца. Ничего, ответила ты. Ты солгала?

Она сглотнула, не в силах ответить. Он ничего не знает наверняка, только подозревает. Если она расскажет, все необратимо изменится.

Она позволила глазам блуждать по его лицу, озарявшему радостью ее дни. Она хотела насладиться им еще раз, запечатлеть в памяти его взлохмаченные волосы, серо-голубые глаза, еще раз полюбоваться его руками, которые так ласково обнимали ее и давали отпор всем, кто ей угрожал.

— Да. В тот день случилось еще кое-что. — С каждым словом она теряла мужество, но продолжала неотрывно смотреть на него, словно хотела застать момент, когда он перестанет ее любить.

Его гнев моментально растаял. Он опустил руки. Быстро подошел к ней и привлек к себе, защищая и обольщая одновременно.

— Скажи мне, — настойчиво проговорил он. — Что именно?

В ее горле встал ком. Она открыла рот.

— Он...

Слова не шли с языка.

Она тряхнула головой.

Выпрямив руки, он отодвинул ее от себя, чтобы посмотреть ей в лицо, и по его взгляду она поняла, что можно не продолжать.

Что он догадался.

Взяв ее лицо в ладони, он заставил ее посмотреть себе в глаза.

— Скажи. Ты можешь мне доверять.

— Доверять тебе? — Вот они, слова, которые освободили ее.

Уперевшись локтями ему в грудь, она отвела его руки в стороны и шагнула к стене. Но оказалась в ловушке. Как было все это время. Всякий раз, когда она пыталась убежать, она упиралась в стену.

Но она *уже* доверяла ему больше, чем кому бы то ни было. Более того, рядом с ним она начала доверять себе.

Она поддалась искушению быть рядом с ним. С человеком, который не знал и не догадывался о ее прошлом. Обманывала себя, веря, что так может продолжаться вечно. Ездил верхом с ним бок о бок. Строила грандиозные планы о мести и мечтала о том, что будет после.

И в ее мечтах был Джонни Брансон, потому что она надеялась, верила, молилась о том, что однажды сможет стать близка с ним по-настоящему, как ни с кем иным.

Что однажды она перестанет быть одинока.

Глупые мечты. Она ведь знала, что после той ночи никогда не сможет жить как обычная женщина. Что ж, она обманывала себя достаточно долго. Пора вырвать из груди сердце. Отбросить надежды. И признаться ему, пусть даже он начнет ее сторониться и уедет.

Она не могла заставить себя смотреть на него. Отвернулась и подошла к окну.

— Каждую ночь я молю бога, — заговорила она, глядя на запад, где по долинам гулял Вилли Сторвик, — чтобы он ниспослал на его голову огонь, пламя, наводнение, мор, любую напасть, лишь бы он умер в невыносимых муках.

Она глубоко вздохнула и, не удержавшись, в последний раз посмотрела в его исполненное любви лицо.

— И я должна убить его, — сказала она, — потому что он меня изнасиловал.

Его пронзила ярость. Раскаленная добела ненависть. А затем — черная, ледяная решимость.

Осторожный вельможа, слуга короля, который ратовал за закон и порядок — все эти стороны его натуры перестали существовать. На их место заступил Брансон, готовый убивать врага за его преступления.

Не ради семьи. Ради *нее*.

Вилли Сторвик умрет.

Он давно должен был догадаться, он был обязан распознать правду. Раньше в его желании привлечь Вилли к суду не было ничего личного. Он просто хотел убрать Кейт с дороги и избавить брата от трудного выбора. Было неважно, приговорят Вилли к смерти или нет. Это была обычная сделка. Средство для достижения цели.

Но теперь никто и ничто не помешает ему убить этого человека.

Даже король.

— Я скажу остальным. Мы выедем сегодня, немедленно. Мы найдем его, и плевать, где он прячется. Он не доживет до рассвета.

Вместо благодарности ее глаза наполнились ужасом.

— Нет. Не надо! Не говори никому.

Он замер на полпути к двери.

— Почему? Мы отомстим за тебя. Ты не должна нести этот груз в одиночку.

Она схватила его за руку с силой, которая напомнила о том, что она может держать меч.

— Нет. Прошу тебя. Никто не должен об этом знать. Не говори им. — Перед ним предстала новая Кейт. Уже не суровая и негибкая, и не та, что немела от страха. Эта Кейт была охвачена отчаянием, она умоляла его. — Я бы никогда не открылась тебе, не будь я уверена, что ты сохранишь мою тайну.

Он погладил ее по волосам, невольно проникаясь ее истинно женским волнением.

— Не беспокойся. Я буду осторожен.

Она чуть ли не отшвырнула его от себя.

— Да не о твоей шкуре я беспокоюсь! — Она закусил губу, и он не понял, насколько искренне она говорила.

— Тогда о чем? — Все его мышцы, все нервы были напряжены до предела. Он не мог думать ни о чем другом, кроме расправы над Вилли.

— Как ты не понимаешь? Если они узнают, что он... что меня... — Она закрыла глаза, не в силах опять выговорить это слово, потом уставилась на огонь в очаге. — Да они даже не поверят мне.

Куда делась прежняя Кейт, которая была готова выйти против целой армии?

— Почему?

Их глаза встретились. Наконец-то он узрел ее без брони. Настоящую, ранимую Кейт.

Она попробовала объяснить:

— Они не поверят в то, что он сделал. Здесь так не принято.

Она была права. На границе женщину могли оставить вдовой, но не смели тронуть и пальцем. Вот почему он так долго не замечал очевидного.

— Но кто-то же...

— Скажи, — перебила она, — что будет, если его обвинят в насилии?

— Его повесят. — Слишком легкая смерть.

— На основании одних моих слов? У меня нет свидетелей. Нет ран, которые можно было бы показать судьям. Когда я спустилась с холмов, мои синяки прошли.

Кто посмеет усомниться в его Кейт?

— Но...

— Допустим, я обвиню его. Что будет дальше? Возможно, после того, как меня осмотрят, допросят и заставят почувствовать себя так, будто я сама соблазнила его, чтобы отвлечь от скота, возможно тогда его заклеят и отправят в изгнание. Или же, на радость людям и господу богу, заставят жениться на мне, чтобы искупить грех. А потом — ведь браки через границу запрещены — нас вздернут за нарушение закона, и будем мы бок о бок болтаться на дереве. Ты этого хочешь?

Он раскрыл рот, но не сразу нашелся с ответом.

— Ничего этого не будет. Я не допущу ничего подобного. — Простая констатация факта. Как и все те идеи, что он привез домой. Правосудие. Закон. Подчинение долгу. Но на границе с правосудием было сложно. Простым и понятным было только одно — верность семье.

— Когда они обо всем узнают, то перестанут обращаться со мной... как раньше.

— Когда они обо всем узнают, они отомстят за тебя. — Опять вспышка гнева. Но уже на себя — за то, что не разглядел, не понял этого сразу. — С этого момента мы будем защищать тебя как должно.

Мы. Слово он тоже был Брансоном.

Кейт покачала головой. Она немного успокоилась, будто смирившись с тем фактом, что отныне не она одна знает правду.

— Скажи, что ты думал о женщинах, которых делил с королем?

Он пожал плечами, не понимая вопроса.

— Что они непостоянные, ветреные. — Не стоящие потраченного на них времени.

— Разве отец мог бы назвать так свою дочь? Или брат сестру?

Проблеск света прорезал красную дымку ненависти, которая затуманила его мозг.

— Ты думаешь, что они подумают...

— Я знаю, что они подумают.

Она привыкла держать весь мир на расстоянии, и теперь он понял, почему она так долго не подпускала его к себе.

— Значит, поэтому... — Он чувствовал себя полным болваном. — Поэтому ты не хотела, чтобы тебя трогали, целовали и... — Его прикосновения, наверное, были для нее пыткой. — Я обязан был догадаться.

Она покачала головой.

— Я не хотела, чтобы ты знал.

И тут ее спокойствие разлетелось вдребезги. Отвернувшись, она вся съежилась, плечи ее затряслись, ладони зажали рот, удерживая рвущуюся изнутри боль. Боже, как она справлялась со всем этим одна?

Он взял ее на руки, сел на кровать, укачивая, словно ребенка. И наконец сквозь слезы она издала крик, похожий на стон смертельно раненого животного. Но даже теперь постаралась заглушить его, чтобы никто снаружи ее не услышал.

Всхлипывая, она закусила губу и спрятала лицо на его плече. А он держал ее на коленях,

давая выплакать все свои слезы.

— Но ты все равно мне рассказала, — много позже прошептал он.

Она подняла голову и улыбнулась сквозь слезы.

— Ты другой.

— Ах, Кейт... — Он прижал ее к себе и бережно обнял, словно кольцо его рук могло защитить их обоих. — Едва я решил стать настоящим приграничным малым, как ты говоришь, что я другой. — Одержимый жаждой крови, он хотел только одного — возмездия.

Женщина в его объятиях нуждалась в исцелении, но этим он займется позже. Когда отомстит.

Он держал ее, сдерживая желание осыпать ее поцелуями, и в конце концов она расслабилась, доверяясь ему, и уснула. А он смотрел, как над холмами поднимается растущая луна.

Неизбывной оставалась только земля. Все остальное было подвержено переменам.

Но его отношение к Кейт не изменилось. Напротив, в нем стало больше любви, больше нежности. Okрепло желание оберегать ее. Он не стал воспринимать ее иначе, более того, теперь он понимал, что сделало его Кейт такой яростной и отважной.

Он прижимал ее к себе и, пока ждал рассвета, понял, что не знает человека, вселившегося под кожу Джонни Брансона.

При дворе он жил среди бесконечных интриг и ненадежных людей. Ко всему в жизни — к поручениям, женщинам, обещаниям — он относился несерьезно, избегая привязанностей, сторонясь всего, что могло причинить боль утраты, ведь в любой день все в его жизни могло измениться.

Но у человека, который держал в объятиях Кейт Гилнок, не было ни малейшего желания отдавать Вилли Сторвика зрителям. Его не интересовали ни придворные должности, ни богатая жена, ни мир на границе.

Он видел перед собой только одну цель. Убить Вилли-со-шрамом. И если его повесят за это, что ж, значит он умрет счастливым человеком.

Этот человек был незнаком Джону, но он прочно обосновался в его теле и не собирался никуда уходить.

Этот человек был Брансоном.

* * *

Невозможно представить, что мужские объятия могут быть такими надежными.

Невозможно представить, что он обо всем узнал. И не отверг ее.

Не переменится ли его отношение, когда он все взвесит?

Кейт открыла глаза. Ощутила, как ее ресницы затрепетали на его коже, вдохнула его запах. Мягкие волоски на его груди щекотали губы, и она испустила вздох, мысленно поблагодарив Бесси за то, что та устроилась на ночлег в другом месте и оставила их наедине.

Медленно она подняла голову и увидела нового Джонни Брансона.

Он закалился, в нем проявился характер. Когда он приехал много недель назад, он был решительным, даже дерзким, но в то же время беспечным и легкомысленным, и смотрел на мир так, словно в нем не существовало ничего по-настоящему страшного.

Теперь его губы, на которых так часто играла улыбка, сложились в резкую и прямую

линию, будто утратив дар целовать.

Она потянулась к нему, очертила пальцем контур его губ, но он отвел ее руку в сторону.

— Ах, Джонни. Неужто из-за меня ты навсегда разучился улыбаться?

Он сразу одарил ее улыбкой.

— Я хочу, чтобы и ты улыбалась. Или мне подождать, пока Вилли-со-шрамом умрет?

Она покачала головой. Имя заклятого врага пролетело мимо ее сознания, словно подхваченное ветром перо. В ее реальности сейчас существовал только один мужчина. Тот, что был рядом. Его лицо, на которое она так любила смотреть. Ласки, по которым она томилась. Вера в то, что она сможет доверять кому-то еще, помимо себя. И научится доверять себе, когда он рядом.

— Не настолько долго, Джонни.

И она улыбнулась. И потянулась к нему губами.

Она и раньше целовала его. Но на этот раз все было иначе. Теперь у нее не было от него секретов.

Она растворялась в нем. Тело вышло из-под контроля, отвечая ему, желая его. Теперь, когда он узнал ее тайну, она стремилась соединиться с ним, чтобы смыть с себя скверну того, другого соития, принять крещение и очиститься от греха.

Только теперь, поделившись с ним, она осознала, какое бремя носила в себе. И оно упало с ее плеч, точно камень с плеском ушел под воду.

Их губы были одинаково жадными. Она вжималась в него изо всех сил, словно последним барьером, разделявшим их, была ее плоть. Они должны стать единым целым, тогда она больше не будет одна...

В ней снова завибрировал страх.

Течение не унесло камень. Он всплыл на поверхность и теперь покачивался на воде, распространяя вокруг себя яд.

Ничего не прошло. И не пройдет, пока жив Вилли.

Он прервал поцелуй.

— Не будем. Все равно это не приносит тебе радости.

Она тряхнула головой, ненавидя Вилли, ненавидя себя за то, что была готова отвергнуть его снова, как бы ни рвались к нему ее руки и губы.

— Но я хочу. Ради тебя.

Он улыбнулся с легким налетом грусти.

— Ах, Кейти, без тебя и мне все это не в радость. А ты не научишься радоваться, пока не перестанешь думать о нем.

Когда Вилли не станет, вдруг даже тогда ничего не изменится?

— До тебя мне больше не о ком было думать, — с комом в горле проговорила она.

* * *

Боль исказила лицо Джона, когда он, наконец, столкнулся с врагом вплотную. Сперва он подумал, что все будет просто. Он выпустит свою ярость на волю и совершит возмездие. Выследит его и убьет. И Кейт станет свободна.

Теперь он осознал, что с его смертью ничего не закончится. Память о Вилли-со-шрамом слишком прочно засела внутри нее, злобным духом восставая из глубин ее подсознания.

Его призрак может остаться там навсегда.

Он убьет Сторвика. И за то, что он украл у нее способность получать от соития радость, его смерть будет очень, очень мучительной.

Однажды утром у ворот появился Томас Карвел.

Джон порывался не впускать его, но Роб, к его удивлению, распорядился иначе и проводил зрителя в тесное помещение, примыкавшее ко внутреннему двору, где обычно вел дела с посторонними.

Бесси принесла им эля, и Джон рассердился. Карвел не заслужил такого гостеприимства и, судя по выражению лица, сам понимал это.

Роб сел за стол. Карвелу не оставалось ничего другого, кроме как примоститься на неудобном табурете. Джон остался стоять. Плохо уже то, что он вынужден разделить с ним выпивку. Не хватало еще садиться рядом.

— Удивительно, что ты осмелился явиться сюда.

— Спасибо, что открыли ворота. От людей английского зрителя я этого не дождался.

Роб тряхнул головой.

— Зряшная трата времени, твоя поездка к ним.

— Его управляющий сказал, что он в отъезде, — сказал Карвел. — Якобы уехал на День перемирия. Где так и не появился. Потом он заверил меня, что находится «в полном неведении» относительно побега Сторвика, но я в этом искренне сомневаюсь. — Он отпил эля. — Так что... где находится англичанин, мне неизвестно.

— Зато нам известно, где находится Сторвик, — расхаживая взад-вперед, сказал Джон. Дым от жаровни, скапливаясь под потолком, медленно уползал в трубу. — Он возвел себе башню на спорных территориях. Назвал ее Нора.

— Скорее Дыра, — буркнул Роб.

Карвел изогнул бровь. Оказывается, Роб их слушает.

— Все, что стоит на этих землях, после заката становится общим.

Джон посмотрел на Роба, потом перевел взгляд на Карвела.

— Говорят, что строиться ему разрешил английский зритель.

— Не в его власти выдавать подобные разрешения.

— Ты утверждал, что он достоин доверия не меньше тебя самого.

— Выходит, я лгал.

Джон всмотрелся в его непроницаемое лицо. Как определить, можно ли вообще ему доверять? Пусть Карвела выбрал король, но заглядывал ли король этому человеку в глаза?

— Я не верю ни одному из вас...

— Джон, — перебил его Роб. — Он все же зритель. Выслушай его.

— Ты спятил? — взорвался он. *Ты знаешь, что Сторвик сотворил с Кейт?* — После того, как он нас предал?

— Я не предавал вас, — сказал Карвел. — Клянусь.

Джон с отвращением отвернулся.

Позади него заговорил Роб, резко и твердо:

— Докажи.

Карвел опустил кружку на стол и встал, тем самым завладевая контролем над переговорами.

— Закон можно заставить поработать на нас.

Джон уставился на него. Как правильно оценить этого человека? Будучи немногим старше Роба, он прятал эмоции за учтивыми манерами и ничем не выдавал своих истинных мыслей.

— Вилли и его банде плевать на законы. Они собрали их в кучу и смешали с дерьмом.

Карвел улыбнулся. Его загадочная улыбка таила в себе опасность не меньшую, чем угрюмый настрой Роба.

— Но дерьмо хорошо горит, верно? Днем спорные земли ничьи, однако ночью его башня никуда не девается. По закону, все, что там есть, можно захватить с наступлением темноты.

Джон глянул на Роба. Потом они оба посмотрели на Карвела. В конце концов Роб кивнул.

— Нам понадобится сотня человек, не меньше, — заговорил Джон, решив, наконец, присесть. — А лучше три сотни.

— Брансоны выставят половину, — сказал Роб.

— Ты приведешь остальных, — бросил Джон вызов зрителю.

Если он согласится, то оставит свою крепость практически без защиты, ведь большинство его воинов отбыло к королю.

После минутной паузы Карвел кивнул. Потом сложил на груди руки, пристально глядя на Джона.

— А как быть с тем, что король ждет от Брансонов подкрепления?

Дни перетекали в недели. А он все тянул время, собираясь в первую очередь выполнить обещание, данное Кейт, и только потом приказ короля. Увы, Брансоны уже не успеют добраться до короля в срок.

Если вообще соберутся ехать.

Джон вздохнул.

— Сперва мы разберемся со Сторвиком.

Карвел поднял бровь.

— Произошли какие-то перемены?

— Перемены? — Он понял, о чем тот спросил. Но позор Кейт был не его тайной.

— Что стало с человеком, который ставил короля выше семьи?

Он задумался. Попытался воскресить в памяти того беспечного, высокомерного молодца, который прискакал в долину с символом чертополоха на груди, полагая, что одно это дает ему право требовать к себе уважения.

— Пропал. Исчез. Растворился в тумане.

Кейт. Это она его изменила.

Карвел и Роб обменялись улыбками.

— Добро пожаловать домой, Джонни Брансон, — сказал Роб.

Потом Карвел нахмурился, погрузился в молчание. Джон не давил на него. После атаки Карвел снова станет глашатаем королевской воли, и они вполне могут оказаться по разные стороны баррикад.

Зритель достал из дорожной сумки карту и, развернув ее на столе, указал на закрашенную область ничейной земли вдоль реки.

— Теперь покажите, где именно Сторвик построил свою чертову Дыру.

Подготовка затянулась на несколько недель. Октябрь сменился ноябрем. С деревьев облетела листва. Все свободное от забот время Джон и Кейт были неразлучны.

С каждым днем она все больше доверяла ему. Она открыла ему свою тайну, и он сохранил ее. Но теперь, когда он знал правду, ее боль не уменьшилась, а напротив, выросла вдвое, ведь она видела ее отражение всякий раз, когда смотрела ему в глаза.

Они это не обсуждали. И больше не делили постель.

Но в ночь перед атакой она проскользнула в окутанный сумерками зал и присела в уединенной нише выходящего на запад окна.

Он устроился рядом, своим телом закрывая ее от посторонних глаз, и взял ее руки в ладони. Твердые камни, за день нагретые солнцем, медленно расставались с теплом.

— Завтра все будет кончено, — произнес он.

Она кивнула, отчаянно надеясь, что он прав, и что после этого она, наконец-то, станет свободна.

— Я не хочу уезжать без... — заговорил он снова.

Снова боль. Не было нужды спрашивать, что он имеет в виду.

— Да. — Она сжала его руку. Нужно попытаться еще раз. Даже если не получится дойти до конца, она должна прикоснуться к нему, обнять, сотворить своими ласками оберег, который подарит ему защиту в бою. — Но где?

Замок был переполнен воинами. Люди Карвела и Брансонов, объединившись, были готовы сокрушить любые силы, которые мог выставить против них Сторвик.

Смелчака, после того, как он, переполошившись от обилия чужаков, начал рычать на всех подряд, оставили снаружи. Комната, которую она делила с Бесси, была занята женами и дочерьми, приехавшими помочь с подготовкой для их маленькой армии.

— Роб ляжет со своими людьми в зале. Хотя вряд ли он сможет заснуть.

Ее глаза широко раскрылись.

— Значит, его спальня свободна? — Кровать с пологом. Огонь в очаге. Табурет и сундук. Немудреная обстановка, но комнаты лучше в замке не было.

Когда в прошлый раз они были там вместе, на кровати лежало тело его отца. Что ж, не она одна увидит в этой комнате призраков.

— Ты уверен?

— Да, — твердо сказал он.

В темноте никто не увидел, как они поднялись вверх по лестнице. Как открыли дверь и зашли в пустую комнату, где в очаге жарко потрескивал огонь.

— Бесси, — прошептала она. Огонь, свежие простыни, тарелка с овсяными лепешками, две кружки с элем. — Здесь была Бесси.

Он обнял ее со спины и развернул к себе.

— Сегодня здесь будем только мы. Ты и я. И никого больше.

Все, как она мечтала. Изгнать призраков. Похоронить кошмары.

Она дотронулась до его щеки, смакуя прикосновение к его коже.

— Никого, кроме Джона и Кейт.

— Мы не будем спешить. Просто позволь мне сделать тебя счастливой.

Мужчина и женщина могут подарить друг другу счастье. Наверное, это правда — для

тех, к кому благосклонна судьба. Она хотела верить, что это правда.

— Что я должна делать?

— Совершенно *ничего*. — Он взял ее на руки и положил на кровать.

Напряженно вытянувшись на пуховой перине, она заставила себя разжать кулаки.

Он взял ее лицо в ладони, и она вцепилась взглядом в его глаза, словно они могли спасти ее. *Я в безопасности, пока вижу, что это Джонни.*

— Не бойся. Я буду говорить обо всем, что собираюсь сделать. Если тебе что-то не понравится, просто протяни руку, и я остановлюсь. А если тебе чего-нибудь захочется, просто скажи.

— Я поняла, — сказала она, ничуть в этом не уверенная.

Огонь, уютная синяя ткань полога — сама обстановка умиротворяла ее. Все дурное — твердая земля, запах вереска, незащитность — осталось снаружи. Внутри, за надежными стенами замка, ее воспоминания были связаны только с Джоном.

Он взял ее левую руку и перецеловал каждый пальчик, потом прижался губами к ее ладони.

Она следила за каждым его жестом.

— Я бы посоветовал тебе закрыть глаза, — проговорил он мягко, не настаивая, и улыбнулся.

Она покачала головой. В прошлый раз она уже закрывала глаза.

— Мне нравится смотреть на тебя.

Он тронул ее волосы.

— Мне тоже нравится смотреть на тебя.

Он провел пальцами сквозь короткие светлые пряди, добрался до кончиков и потянул за них, словно желая сделать длиннее.

До недавнего времени она заставляла Бесси стричь себя совсем коротко, так, чтобы волосы едва прикрывали уши. Чтобы никто больше не смог схватить ее за косу и помешать убежать.

— Я могу отрастить их, — произнесла она, задумавшись, каково будет снова отпустить косы. — Если хочешь.

Он покачал головой.

— Даже если мне чего-то хочется, это еще не повод заставлять тебя делать это. — Он говорил вовсе не о ее волосах.

— Делай все, что пожелаешь. Мне понравится все. — Ложь, в которую она хотела поверить.

— Оно необязательно должно тебе нравиться, даже если тебе нравлюсь я сам. Но я буду нежен. Я обещаю.

Она кивнула, хотя ее тело продолжало держать оборону. Он медленно провел пальцами по ее щеке, вниз по шее и горлу. Зацепился за ворот рубахи.

— Помоги мне.

Он был так добр, что уступал право контролировать ситуацию ей. Неужели он понимает, насколько ей это необходимо?

Она сняла рубаху, и ее окутала ночная прохлада. Затем его теплые пальцы легли на нее, волнуя кожу словно бурлящая речная вода. Он не спешил, давая ей время привыкнуть. Приласкав ее плечи, спустился к ложбинке между грудями. Затем, тронув ребра, вернулся к плечам, потом пробежался вниз по рукам, пока его пальцы не переплелись с ее

собственными. Везде, где он ее трогал, кожа вспыхивала теплом. И замерзала, едва он отводил пальцы.

Слишком медленно. Она не хотела ждать. Его ласки должны уничтожить ее прошлое.

— Необязательно так тянуть время.

— Ах, Кейти, любовь моя, ведь это и есть самое приятное.

Любовь моя. Он, наверное, называл так множество женщин.

— Но я... — Что? Она хотела, чтобы все быстрее закончилось. И чтобы длилось вечно.

— В прошлый раз мы слишком поторопились. Ляг на спину.

Она вытянулась на кровати, пытаясь сосредоточиться на его ласках и не забывать, что она здесь, в этих покоях, и рядом нет никого, кроме Джонни Брансона.

Его пальцы лениво играли на ее коже, и она затрепетала, начиная оттаивать. Но внутри ее тело оставалось враждебным. Со скованными мышцами она держала себя наготове. Дать отпор. Сорваться и убежать.

Он начал снимать с нее чулки, оголяя бедра. Она схватила его за запястья.

— Нет. — Он не послушается.

Но он остановился.

Она зажмурилась, сдерживая слезы. Там внизу... Там внизу уже побывал тот человек. Когда в прошлый раз она ощутила нагими бедрами колючую ткань, то вспомнила, как он шарил в штанах, прежде чем...

Она открыла глаза и увидела, что его улыбка пропала.

— Слишком рано, — прошептал он. — Я подожду, пока ты не станешь готова.

Словно получив отсрочку от смерти, ее тело расслабилось. Но смерть уже завтра могла настичь любого из них.

Если Вилли Сторвик умрет, будет ли этого достаточно? Вдруг она никогда не станет свободна?

Она представила себя через много лет. Джонни Тряпка давно вернулся к своему королю, а она, брошенная в одиночестве, по-прежнему живет в тюрьме, которую соорудил ее разум. По-прежнему парализована ниже талии после тисков Вилли.

— Нет! — Боясь потерять свой единственный шанс, она переплелась с ним пальцами, отказываясь его отпускать. — Я готова. — Их глаза встретились.

Перебирая ее пальцы, Джон внимательно посмотрел ей в глаза.

— Тогда покажи мне, — наконец произнес он. — Покажи, чего ты хочешь и к чему ты готова.

— Ты будешь делать только то, о чем я попрошу? — Эта мысль несколько успокаивала.

— Пока ты не перестанешь знать, о чем просить дальше.

Не будь она так напряжена, то улыбнулась бы, благодаря за то, что он понимает, насколько она неопытна.

— И помни, если тебе не понравится то, что я буду делать, просто скажи *нет*.

Это слово останавливало его раньше и остановит снова. Она должна в это верить.

Он уже оделил вниманием ее руки, шею, ее ребра и талию, но ее груди тоже молили о ласке.

Она посмотрела вниз.

— Там.

Он улыбнулся.

— Где именно?

Она скосила глаза на ложбинку между своими грудями, и он погладил то место, на которое она указала, однако не совсем там, где ей на самом деле хотелось. Потом расправил пальцы, и она застонала, изогнувшись так, чтобы уткнуться сосками в его ладони.

— Здесь? — В его голосе послышалась улыбка.

Задышавшись, она открыла глаза.

— Не знала, что тебя надо учить, как обращаться с женщиной.

Он рассмеялся. Вслед за ним и она улыбнулась. Кто бы мог подумать, что смех и любовь способны идти рука об руку?

— Но ты не обычная женщина, любовь моя.

Моя. Как много заключено в этом коротком слове.

Плавным движением он охватил сначала одну ее грудь, потом вторую. Потом к его пальцам присоединились губы. Жаркие, влажные, возбуждающие. Так вот что значит «заниматься любовью». Совсем не похоже на...

На то, о чем она не хотела вспоминать.

Ниже талии ее кожа горела от нетерпения. Она должна знать. Она должна выяснить, сможет ли стать полноценной женщиной. Отстранившись, она стянула чулки, стремясь всей кожей почувствовать его тело. Из ее горла вырвался странный звук. Не слово. Нечто среднее между вздохом и стоном.

Радость и мука соединились на его лице.

— Что... — Он откашлялся. Слова давались ему с трудом. — Скажи, чего тебе хочется?

Он ждал. Ждал, что она скажет.

— Я хочу, чтобы ты разделся.

Он сбросил тунику. Она улыбнулась при виде его широкого, мощного, покрытого порослью волос торса, к которому так приятно было прильнуть, чувствуя уют и защиту.

И не только.

Он принялся было раздеваться дальше, как вдруг она поняла, что еще не готова.

— Стоп.

Он немедленно остановился.

Она сплотнула, облизнула губы. Как ни странно, но в прошлый раз, когда она еще не знала, как все закончится, все было проще.

— Я хочу почувствовать твое тело.

Он присел на кровать и ласково, словно сокровище, обнял ее.

— Вот так?

Она кивнула. Подобная близость должна стереть дурные воспоминания. И все же ее непослушное тело отказывалось поддаваться. Оно продолжало бороться — и с Джоном, и с тем наслаждением, которое он обещал.

Он коснулся губами ее лба.

— Кейт, послушай меня внимательно. Я не стану брать тебя этой ночью. Ты слышишь? Ты поняла меня?

Вся дрожа, она кивнула, не понимая, разочарована она или чувствует облегчение.

— Но для этого мне надо держать член в штанах. Я обещаю, что этой частью до тебя не дотронусь. Ты поняла?

Неизвестно как, но он догадался, против чего взбунтовалось в прошлый раз ее тело. Доверяясь ему, она кивнула.

— Я хочу сделать вот что. Показать тебе, насколько прекрасным это бывает. Ты

позволишь мне? — оглушил ее его шепот.

— Да. — Одно слово. Самое правильное.

Его горячие губы заскользили по ее шее, руки сместились ниже. Она лежала на спине с открытыми глазами, пока его губы и пальцы танцевали на ее коже, успокаивая и возбуждая одновременно.

Покрыв поцелуями округлость ее живота, он достиг места меж ее ног, которое она так долго обороняла. Его пальцы и губы, смешавшись, пробудили в ней ощущения, о существовании которых она даже не подозревала. В точке, которую еще никто так не касался.

И весь мир исчез, остались только его губы на ее сокровенном месте.

Все ее ощущения хлынули вниз со скоростью речного потока, несущегося к морю, и она подумала, что скорее умрет, чем попросит его остановиться.

А потом словно волна врезалась в камень у места слияния двух рек, раздробила его и рассыпалась на мириады капель, которые засверкали в лучах солнца, чтобы после обрушиться вниз и слиться с могучим речным течением.

С течением, которое объединило в себе две реки.

Он крепко держал ее, пока она содрогалась. Потом переместился вверх и тронул губами ее лоб. Легкое прикосновение, не передавшее и толики того, что она только что испытала.

Она нашла его губы, и поцелуем сказала все, что не могла выразить словами. Поцелуй длился, пока его губы не изогнулись в улыбке.

— Вот что мужчина может дать женщине, любовь моя.

Не любой мужчина, подумала она. Только этот, единственный.

Взошел месяц. Кейт крепко обнимала его все несколько оставшихся до рассвета часов. Вот бы навсегда остаться вместе в постели. Неизвестно, что их ждет, когда они выйдут из спальни.

Неизвестно, вернутся ли они живыми домой.

На заре она заставила себя встать. Нужно покормить пса. Подготовить к вечеру лошадей. Вздохнув, она отбросила покрывало и потянулась за одеждой.

— Я соберу для нас провиант. — Ей хотелось отвлечь себя обыденными заботами. Как будто этот день ничем не выделялся из прочих.

Он сел. Скрестил ноги, сложил на коленях руки.

— Нет. На этот раз я не пушу тебя с нами.

Новая разновидность страха охватила ее.

— Но я должна поехать! Мне нужно увидеть, как он умрет, иначе я никогда...

Никогда не смогу любить тебя так, как мне того хочется.

Он упрямо тряхнул головой. Выражение на его лице больше подошло бы Черному Робу.

— Нет. Даже не спорь со мной.

— Но ты ведь теперь все знаешь. Ты знаешь, почему я должна встретиться с ним лицом к лицу. — У ее страха было имя. Глаза, нос, уши. Она должна доказать себе, что способна преодолевать то оцепенение, которое сковало ее два года назад и потом еще раз, в Кершопфуте.

— Ты уже с ним встречалась.

— Теперь все иначе.

— Почему?

Из-за тебя.

Она не смогла произнести этого вслух. Не смогла признаться, что после этой ночи в ней зародилась надежда, что это он подарил ей надежду.

— Почему ты не хочешь дать мне увидеть, как все будет кончено?

— Потому что если ты будешь с нами, то я буду переживать только о том, как бы они не сделали тебя своей мишенью! И хватит об этом.

— Но я не могу сидеть здесь и гадать, что с тобой...

— Если понадобится, я свяжу тебя и запру в подвале, но с нами ты не поедешь.

Он был неумолим. Он превратился в настоящего Брансона, такого же упертого, как все остальные.

Сражаясь с острым разочарованием, она расправила плечи.

— Тогда привези мне его. — Она не поверит в то, что он умер, пока не увидит его тело своими глазами.

— Если ты увидишь его мертвым, этого будет достаточно?

Он остановился, и она упрямо подняла подбородок. Она не позволит Джонни отговорить ее еще и от этого. Со смертью Вилли она забудет о прошлом.

И перед нею развернется будущее — пустое и неопределенное.

— Да. Тогда я пойму, что все кончено.

— Хорошо. Я привезу тебе его тело. — Он обнял ее за плечи и поцеловал в лоб. — Если в конце от него хоть что-то останется.

С наступлением сумерек они выдвинулись к реке Эск, где договорились встретиться с Карвелом. Отцовский дублет тяжело давил на его плечи. Норвежец двигался под ним размеренно и бесшумно.

Разговоры остались позади. Пришло время воплотить их план в жизнь.

Было приятно скакать плечом к плечу с Робом. И непривычно — снова ощущать себя братом.

Он поцеловал Кейт на прощание, прежде чем покинуть убежище спальни. Потом, уже сидя в седле, смотрел на нее через двор, как она стоит рядом с Бесси, а пес крутится у ее ног и поглядывает вверх, призывая присоединиться к охоте. Сестра крепко держала ее за талию, словно предупреждая ее порыв взобраться на пони.

Сегодня она останется дома, а он убьет Сторвика. О том, что будет дальше, он запретил себе думать.

И все же с каждым днем, с каждым поцелуем, с каждым выездом в горы он все сильнее привязывался к земле, на которой родился, и уже с трудом представлял, что однажды ему придется ее покинуть.

Карвел ждал их в условленном месте.

— Мне следует называть тебя Черным Джоном? — Вопрос зрителя напомнил о его мрачном настрое.

— Я улыбнусь, когда все будет кончено.

— Тогда ты улыбнешься уже завтра в это же время, — в тон ему сказал брат, — когда чертова дыра Вилли Сторвика будет стерта с лица земли.

Они пустились в путь через заросшую лесом долину. В ночном воздухе висел такой плотный туман, что казалось, будто они едут сквозь пелену дождя.

Когда вдалеке, на расчищенном участке земли показалась башня Вилли, они остановились, чтобы запалить факелы. Сегодня огонь будет их оружием, более смертоносным, чем меч.

Крепости не зря возводили из камня.

Они обменялись безмолвными взглядами. Слова закончились. Сегодня ночью им предстоит доказать делом, чего они стоят — Роб как глава клана, Джонни как Брансон, а Карвел как их союзник.

Роб кивнул, и они во весь опор поскакали к башне.

Земля затряслась под ударами сотен копыт. Выставленные вперед копыта и пики были готовы пронзить любого, кто выбежит наружу.

Они приблизились к башне вплотную. Так близко, что приготовились услышать, как гарнизон вооружается, пробудившись ото сна.

Но в башне было тихо.

Нет времени задаваться вопросами. Они точно должны быть внутри.

Первый факел, брошенный Робом, приземлился на груды камней. Неудачный бросок.

Защитники просто сбросят его вниз. Но потом целая дюжина факелов или больше полетела в сторону башни, прорезая тьму будто падающие с небес звезды.

Лошади заметались из стороны в сторону, непривычные к запаху дыма.

Ни единого движения внутри башни.

Огонь лизал сырые стены, пока дерево за каменным ограждением не начало тлеть, посылая в темные небеса клубы дыма.

Ничего.

Постепенно пожар охватил всю башню. Деревянные ее части с треском обрушились. Но внутри никого не оказалось. Огонь пожирал пустоту.

Джон резко развернулся к Карвелу. Сначала День перемирия. Теперь новое предательство.

Он сбил его с лошади, потом прыгнул на землю сам и принялся избивать, словно то был не Карвел, а Вилли Сторвик. В воздухе кружились частички пепла. Едкая гарь обжигала легкие. От неожиданности Карвел не сразу сориентировался, но потом собрался и, прежде чем их разняли, успел попасть Джону в челюсть.

Гнев омрачал хмурое, покрытое пятнами сажи лицо Роба.

— Дракой делу не поможешь. Они могли затаиться где-то поблизости. Устроить засаду.

— Или хуже. — Пошатываясь, Джон подошел к Норвежцу и нетвердо уселся в седло. Его разум, наконец, возобладал над эмоциями. — Они могли напасть на наш замок.

* * *

К счастью, замок стоял нетронутым. Кейт была в безопасности. Но стадо, которое они увели у Сторвиков несколько недель назад, бесследно исчезло.

От злости Роб едва не расшиб кулак о стену.

— Почему всякий раз, когда мы посвящаем тебя в наши планы, о них узнают Сторвики? — Джон развернулся к Карвелу, который, не спросив разрешения, вернулся назад вместе с ними.

Загадочная улыбка, обычно игравшая на губах зрителя, окаменела.

— Не знаю. Но собираюсь выяснить.

— Задержи его, — сказал он Робу, не вдаваясь в лишние объяснения.

— Не будь идиотом, — произнес Карвел. — Он наверняка отправился к моему замку. — Брошенному почти без защиты. — Можешь поехать со мной и проверить, если ты мне не доверяешь.

— Я так и сделаю. — Но сперва он должен увидеть Кейт.

И признаться в своем провале.

* * *

Весь в пепле и саже он обнял ее, и они прижались друг к другу. Они живы. Они вместе. Какое облегчение знать, что она цела, и в то же время так стыдно за свою неудачу.

Она не задавала вопросов. Просто подняла лицо, тоже теперь перепачканное пеплом, и ждала, что он скажет.

Джон отпустил ее. Не заслуживает он такого терпения.

— Он сбежал, — только и мог вымолвить он.

— Он приходил сюда, но скрылся прежде, чем мы заметили. Если бы я поехала с вами, если бы ты взял собаку, было бы можно...

— Что толку теперь жалеть об этом.

Они поднялись на крепостную стену, и она принялась беспокойно ходить, то и дело поглядывая на холмы, словно ожидая нового нападения.

Она была права, а он ошибался. Слишком поздно он выучил полученные на границе уроки.

— Он знал, — прошептала она, глядя на запад. — Кто-то сказал ему. — Их глаза встретились, и ее взгляд был сильным. Взгляд настоящего товарища по оружию. — Что дальше?

— Мы найдем предателя. А после разыщем Сторвика.

— Думаешь, это Карвел?

Он уже не знал, что думать и кому доверять.

— Не знаю. — Если Карвел и правда предатель, что это может значить? Что он изменил короне? Одурачил одних только Брансонов? Ведет какую-то игру, навязанную ему королем? Что за личные поздравления были в послании, которое Джон ему передал? — Но я собираюсь выяснить.

Как странно, слово в слово повторять то, что сказал Карвел.

Чтобы подтвердить или опровергнуть свои подозрения, он должен проверить лично, нападали ли Сторвик на замок смотрителя или нашел там прибежище.

* * *

Карвел был готов ехать немедленно, но братья настояли на том, чтобы люди получили отдых. Если Сторвик и впрямь атаковал его крепость, помешать ему они не успеют. На рассвете Джон оставил Роба и половину воинов дома, а сам вместе с остальными отправился в путь.

Ему хватит людей, чтобы дать отпор Карвелам, если возникнет такая необходимость.

На прощание Роб пожал ему руку.

— Посмотрим, кому верен твой новый королевский смотритель, — скептически хмыкнул он.

Джон полностью разделял его недоверие.

До отъезда он только и успел, что наспех поцеловать Кейт. На большее не было времени.

Она не стала настаивать, когда он вновь отказался взять ее с собой.

— Все равно там ты его не найдешь, — спокойно произнесла она. — Еще не пришло время.

Он обнял ее, не задавая вопросов. Разумеется, она не могла знать наверняка, где прячется Сторвик. Но иногда бывало так, что охотник и жертва странным образом оказывались связаны. Охотник никогда не поймает жертву, а жертве никогда не удастся от него ускользнуть

Карвел нещадно гнал лошадей вперед, так что к ночи они услышали отдаленный шум моря. Дальше пришлось держаться настороже на случай, если люди Сторвика одолели гарнизон замка.

Когда они подъехали ближе, стало ясно, что налетчики были здесь, но уже ушли. До замка, окруженного рвом, они не добрались, но от флигеля, расположенного у входа в бухту, остался только обугленный остов.

— Смотри. — Карвел махнул в сторону сожженной постройки. — Вот ответ на твой вопрос.

Неизменная сдержанность его тона окрасилась горечью.

— Это еще не ответ. Ты мог подговорить его сжечь что-нибудь незначительное для отвода глаз.

Карвел направил лошадь к подъемному мосту.

— Мог, — бросил он через плечо своим прежним, чрезмерно ровным по мнению Джона голосом. — Но я этого не делал.

Миновав ворота, он спешил и поручил управляющему позаботиться о прибывшей вместе с ним маленькой армии, затем приказал своим лейтенантам собраться в зале и подробно доложить о случившемся.

Пока они шли через внутренний двор, Джон ощутил в походке смотрителя ту же решимость, что снедала его самого.

— Скорее всего, — заговорил по пути Карвел, словно их беседа не прерывалась, — он узнал о наших планах другим путем. Максвелы часто женятся на Сторвиках. Без сомнения, женщины Брансонов тоже не раз выходили за Сторвиков. В сущности, достаточно даже одной.

Что это — разумное объяснение или ловкая отговорка?

— Его же выгнали из семьи.

Даже в тусклом свете факелов он смог разглядеть скептицизм на лице Карвела.

— Так или иначе, в нем течет их кровь. Среди Сторвиков найдутся такие, кто приютит его в любом случае, даже если он съездит в Стерлинг и преклонит колена перед королем Яковом.

Он думал, что указы, законы и короли могут перевесить зов крови. Как же он был наивен в своем заблуждении.

— Если это правда, то где он сейчас?

Карвел устало посмотрел на него.

— Где угодно. У него моя рыба и ваш скот. Он обеспечил себя пропитанием на много месяцев вперед.

— Я не могу ждать так долго.

— Как и король, — ответил Карвел.

И Кейт.

— Королю придется подождать еще несколько недель, — сказал Джон.

Возможно, король не дождетя их никогда.

Вернувшись, он направился напрямиком к Кейт, чтобы признаться в том, что жертва опять от них ускользнула. Вдвоем они вышли из замка и спустились к реке. По берегам, под оголившимися деревьями и бледным небом, зеленела последняя осенняя трава.

Подобрав с земли палку, Кейт бросила ее в реку. Смельчак немедля плюхнулся в воду и поплыл за ней.

— Я рада, что ты не нашел его.

— Почему? — Рада, что оказалась права? Она сразу предупредила, что Сторвика там не будет.

— Я должна быть при этом, — резко ответила она. — Я должна убить его своими руками.

— Я обещал тебе найти его, — проговорил он. — И найду. — Ее навязчивые речи о том, что она должна расправиться с ним сама, иссякнут, когда Сторвик умрет. Но не раньше.

— Я знаю, — ответила она, однако, не подняла глаз.

Джон обнял ее. Она покорно прислонилась к его груди, наблюдая за псом, который тем временем уже добрался до палки, барахтаясь в воде и виляя хвостом, неугомонный, словно ребенок.

Она невольно улыбнулась.

Выплыв на берег, пес отряхнулся и подбежал к ним. Кейт со смехом присела, забрала из его пасти палку и бросила ее в сторону замка.

Когда она поднялась, ее улыбка поблекла.

— Так это Карвел?

— Не уверен. — У зрителя явно было немало секретов, однако это еще не делало его предателем. — Но пока мы не докопаемся до истины, доверия ему не видать.

Они пошли обратно в замок. Смельчак поравнялся с ними, и Джон непроизвольно протянул ему руку. Не выпуская из зубов палку, пес ткнулся холодным носом ему в ладонь.

— Он никогда так не делал с кем-то, помимо меня, — сказала она. — Должно быть, он доверяет тебе.

А ты мне доверяешь? — хотелось спросить ему, но он промолчал.

Будто играя в перетягивание каната, он отобрал у пса палку и закинул ее на пригорок. Смельчак помчался туда, где она приземлилась, и неумоимо закружился на месте, вынюхивая свою добычу.

Кейт снова расхохоталась, и у него потеплело на сердце.

— Ты счастлива?

* * *

Счастье. Странное слово. Незнакомое.

Счастлива ли она?

В ответ она улыбнулась. Наверное, в жизни обычных женщин часто бывают такие моменты. Солнечный день. Мужчина рядом. Собаки, дети, смех.

Мужчина и женщина могут быть счастливы вместе, уверял он. *Даже если жизнь*

тяжела.

Она думала, он имеет в виду интимные отношения, которые, как ей казалось раньше, она едва ли способна постичь. Но та близость, которую она поделила с Джоном в постели, даже незавершенная, и сделала этот момент возможным.

Точно так же она выбиралась из трясины отчаяния. Научилась радоваться солнечным лучам. Любоваться багряными небесами на закате.

Каким-то образом ее счастье стало заключаться в этом мужчине. Еще недавно она не смела на это даже надеяться. Но долго ли это продлится? Сможет ли она полюбить его безраздельно?

В ее мысли, как обычно, прокрался страх. Где-то там, в горах разгуливал на свободе Вилли Сторвик. И потешался над ней.

Но я не там. Я здесь. Благодаря Джонни я изменилась. Надо жить настоящим, а не будущим или прошлым.

Счастлива ли она?

Она широко улыбнулась.

— Да.

* * *

Джон встретился с Робом в комнатухе без окон, где недавно они говорили с Карвелом — подалеке от общего зала и от любопытных ушей.

— На этот раз, — начал он, — мы поедem на поиски Сторвика без Карвела.

— Ему нельзя доверять, — кивнул брат.

Роб не бранил его, ведь он и сам поверил зрителю. Больше этого не повторится.

— Карвел сказал, что Вилли мог прознать о наших планах от одного из тех Брансонов, которые сочетались браком со Сторвиками.

— С них станется, если они предали нас ради врагов.

— Но они не живут здесь. Как они могли что-то узнать?

— Все равно они одна семья. Женщины навещают друг друга. — Его приподнятое настроение развеялось без следа. — Когда я вычислю предателя, я убью его. Или ее.

Он привык рубить с плеча, подумал Джон. Первым и единственным порывом Роба было достать оружие. Но иногда врага не было. Иногда несчастье случалось само по себе, непреднамеренно.

— Вилли-со-шрамом ждал нашего нападения, — заговорил он. — Что, если какая-нибудь девица Сторвиков собиралась, как водится, навестить в воскресенье свою кузину, которая вышла за Брансона, но ее попросили не приходить? Этого вполне могло хватить, чтобы он заподозрил неладное.

— Или ему разболтал Карвел. Или английский зритель.

Джон кивнул.

— Сперва мы найдем Вилли, а потом выясним, кто нас предал. Ты говорил с вождем Сторвиком. Может, он нам поможет?

— Нет.

Не было нужды объяснять. Выгнать человека из семьи и выдать его врагу — не равнозначные вещи.

— Что, если Карвел прав? Если кто-то проболтался о наших планах, пусть даже нечаянно, то можно таким же способом узнать о местонахождении Вилли.

Роб с некоторым восхищением взглянул на него.

— При дворе все такие хитрые? — спросил он.

Добрый знак. По крайней мере, брат его слушает.

— Так что, кто из Брансонов брал в жены Сторвиков?

— Никто. Это запрещено.

— Как и воровство. — Обычно соблюдение законов мало заботило брата.

— Да не королем. Яне потерплю Сторвиков под своей крышей.

Джон вздохнул. *Упряма как Брансон* — недаром в приграничье ходила такая поговорка.

Он знал, откуда она взялась.

— Тогда, может наши женщины выходили за их мужчин?

— Несколько раз, — неохотно признал Роб, словно сетуя на свой недосмотр. — Но нельзя же просто явиться к ним и спросить. Не успеем мы ступить на порог, как нам в грудь вонзятся их стрелы.

— Нет, нам с тобой идти нельзя. Может быть, одна из женщин Брансонов...

— Нет. Откуда нам знать, кто не предатель.

Кому теперь можно довериться?

Они сели и замолчали.

— Бесси, — сказал Роб. — Пусть она сходит.

— Бесси! — Джон попытался представить свою тихоню-сестру в роли шпионки. — Но как она...

— Она сестра вождя. Наша мать по меньшей мере раз в год навещала семьи всех членов клана. Даже... — он вздохнул. — Даже тех.

Идеальное прикрытие.

— Она спокойная и тихая, но я не уверен, сможет ли она солгать.

А еще она проникательная, вспомнил он. Возможно, Бесси справится с задачей лучше, чем он предполагает.

— Предлагаешь, чтобы пошла Кейт?

Он сердито взглянул на брата. Да Кейт стошнит от одного только воздуха над землями Сторвиков.

— Она точно их не обманет.

— Хватит! Давай просто нападём на них, и дело с концом.

— А если его там не окажется? — Начнется междоусобица, а Вилли тем временем будет гулять на воле.

Вздохнув, брат взял его за плечо.

— Хорошо. Попробуем сделать по-твоему.

Положив руку ему на плечо, Роб словно благословил его. Он принял его план, пусть и весьма зыбкий. Но без подсказки можно гоняться за призраком вечно, безуспешно рыская по холмам.

— Я скажу Кейт, а потом Бесси.

Чувство вины заполонило его, когда всем сердцем он понадеялся, что сестра согласится. Без Бесси их план развалится.

Кейт сидела одна в пустом зале и починала его дублет, словно то была ее законная, привычная обязанность. Словно она была готова делать это всю жизнь.

Он посвятил ее в свой план.

— Мы хотим попросить Бесси.

— Бесси? Лучше уж к ним схожу я. Я не боюсь.

— Я знаю. — Как она хочет казаться бесстрашной. — Но ее визит не вызовет подозрений, в то время как ты...

— Я убью Сторвика, едва увижу, и они знают об этом. — Она вздохнула. — Как только те женщины могли так поступить? Как они могли стать женами заклятых врагов семьи?

Потому что они полюбили. Он удержал эту мысль при себе. Любовь не должна отвлекать человека от долга. Так было при дворе. Так есть на границе.

И все же себе он позволил отвлечься — ради нее.

Он запретил себе думать об этом. Сейчас не время.

— Расскажем ей вместе? — спросил он. — Бесси не такая, как ты. Она... — Он понял что не уверен, насколько хорошо знает свою сестру. Она трудилась, оставаясь при этом в тени, как Марфа из Библии, которая работала, пока ее сестра сидела у ног Иисуса и внимала его словам. Она делала все, о чем ее просили, и даже больше.

Кейт кивнула и поднялась, встречая его взгляд.

— Она на кухне.

Они спустились по лестнице и вышли во двор.

— Кейт, — проговорил он, — ты сказала, что Сторвика нет в замке Карвела. Ты что... — он замялся, подбирая слова. — Ты можешь чувствовать, где он находится?

Потемневшими глазами она посмотрела вдаль.

— Он там. И он ждет.

Он не знал, жалеть или радоваться тому, что сказать точнее она не может.

Аромат тушеной баранины привел их на кухню. Вилли Сторвик увел стадо. Скоро им все чаще придется есть варево, в котором будет больше воды, чем мяса.

Бесси едва взглянула на них, продолжая работать скалкой.

— Говорите, зачем пришли.

Одно хорошо: Сторвикам не удастся обвести его сестру вокруг пальца.

— Нам нужно найти Вилли. Мы все обсудили, и у нас появилась одна идея.

— Вы хотите, чтобы я навестила Брансонов, которые живут у Сторвиков, и попробовала что-нибудь разузнать.

У него отвисла челюсть. Нет, она точно фея.

Бесси и Кейт обменялись улыбками.

— Не делай такое удивленное лицо, брат. Женские мозги тоже умеют мыслить логично.

— Значит, ты согласна?

Бесси отложила скалку и вылепила вокруг краев лепешки бортик, достаточно высокий, чтобы удержать внутри баранину и морковь.

— Все лучше, чем посылать три сотни человек прочесывать заросли вереска на Чевинотских холмах. — Она принялась раскатывать новый пласт теста. — С тех пор, как не стало мамы, я навещаю их каждый год. Теперь, когда не стало папы... есть повод сходить

снова.

— Спасибо, — прошептала Кейт, — что ради меня не побоишься встретиться с этими дикарями.

Бесси вздохнула и тыльной стороной руки отвела со лба пряди рыжих волос.

— Мне уже доводилось бывать со Сторвиком наедине.

Кейт непроизвольно схватилась за нож.

— Где? Когда?

Бесси улыбнулась. Так, бывало, улыбалась их мать, когда что-то втолковывала своим неразумным сыновьям.

— Давно. Мне тогда было лет двенадцать, тринадцать.

— Он тебя не обидел? — Кейт задержала дыхание.

Бесси покачала головой.

— Это был не он, а она. Девочка. Меня отправили за водой к ручью, но я бросила ведро на берегу и пошла гулять. Брела вниз по течению мимо кладбища, собирала цветы. — Она вырвалась из тумана воспоминаний. — Стоял погожий весенний день, и мне совсем не хотелось работать.

Джон проглотил изумление. Он и не подозревал, что его сестра способна увиливать от обязанностей.

— Я зашла довольно далеко и вдруг увидела на другом берегу девочку, мою ровесницу или немного старше. Она тоже меня заметила. Мы обе испугались и остановились.

— Ты поняла, что она Сторвик? — спросила Кейт.

— Не сразу. Но я знала в лицо всех Брансонов, а она была не из наших.

— И что было дальше?

— Мы стояли на разных берегах ручья. Достаточно далеко, так что не могли навредить друг другу, даже если бы захотели. «Ты кто?», спросила она меня, а я ответила: «Говори первая». Она сказала, что она Сторвик, а я сказала, что я Брансон. — Она снова улыбнулась. — Мы были так шокированы, что на время онемели. А потом немного пообщались.

— Пообщались? — спросил Джон. — О чем же?

— О ее заносчивых кузенах и о моих невыносимых братьях, насколько я помню, — ехидно ответила Бесси.

Джон ошарашенно смотрел на нее. С тем же успехом она могла признаться в том, что спрыгнула в пропасть с Горбатого холма и осталась жива. Он никогда не думал о женщинах Сторвиков и уж тем более не предполагал, что среди них встречаются девочки, которых дразнят братья.

Кейт кусала губы. Будто тоже не могла примириться с мыслью о том, что все, даже Сторвики, рождаются на свет божьими детьми.

— Ты когда-нибудь видела ее снова?

Сестра не сразу дала ответ.

— Я не уверена, — в конце концов сказала она и вернулась к работе. — Я навещу тех Брансонов. В воскресенье.

Когда они вышли из кухни, Джон долго размышлял об истории, которую рассказала сестра. Поистине, женщины полны секретов.

Спустя несколько дней Кейт пришла помочь Бесси сложить гостинцы в седельные сумки. Неуклюжая от волнения, она то и дело брала в руки слишком много овсяных лепешек и совала их Бесси слишком рано, когда та еще не успевала убрать предыдущую порцию.

— Было бы лучше, если бы мы поехали вместе, — наконец сказала она. — Они не испугаются меня, если ты будешь рядом.

— Испугаются.

— Я могу переодеться. Надеть женское платье. Могу...

— Нет. — Одно короткое слово. Непреклонная, как и ее братья.

— Я их не боюсь.

— Никто и не говорит, что боишься. Хотя стоило бы.

— Вовсе нет, — не задумываясь, запротестовала она.

— На твоём месте мне точно было бы страшно.

— Тебе никогда не бывает страшно.

— Ты так думаешь?

Она воззрилась на Бесси, не зная, что и сказать. Эта женщина безропотно согласилась взвалить очередное бремя на свои и без того перегруженные плечи. Будучи младше ее на два года, внутренне она казалась Кейт много старше.

— Но ты и словом не обмолвилась, что боишься.

— Как и ты.

Кейт сдерживало другое. Стыд, а не храбрость.

— Я не хотела... чтобы о моем страхе знали другие.

Бесси красноречиво подняла брови.

— И я тоже.

Тихая, терпеливая, пронизательная Бесси предстала в ее глазах другим человеком. Она принимала на себя долг без единого возражения, но не потому, что возразить было нечего. Нет, она по собственному почину отказала себе в праве сетовать на жизнь.

Она обняла ее, надеясь, что дружеская ласка скажет больше, чем любые слова.

— Береги себя, — прошептала она.

И Бесси кивнула, прижавшись к ее плечу.

Джон хмуро наблюдал, как сестра садится в седло.

— Возьми с собой больше охраны. Одного человека мало. Что, если на вас нападут?

— Мама никогда не возила с собой целую армию, — сказала она. — Иначе они и близко меня не подпустят.

Он бросил подозрительный взгляд на человека, выбранного ей в сопровождение, и подозвал Роба.

— Ему можно доверять?

— Думаю, да, — ответил брат. — Но лучше запомни на будущее, Джонни. У нас на границе так: какие бы планы ты не строил, как бы тщательно их не продумывал, но в конце

концов... — Он пожал плечами. — В конце концов твоя жизнь все равно окажется во власти судьбы. Как было с первым из Брансонов.

Он должен был умереть, но судьба распорядилась иначе.

Джон перевел взгляд на Кейт, которая обнимала его сестру на прощание. Да, судьба успела основательно вмешаться в его безупречные планы.

И у него возникло предчувствие, что не в последний раз.

* * *

В этот день были отложены все дела.

Роб засел у очага в зале. Уставившись на огонь, он держался молчаливее, чем обычно. Джон ходил из угла в угол. Время от времени он поднимался на крепостную стену и обходил ее по периметру, останавливаясь около Кейт, которая глядела вдаль и высматривала среди холмов одинокую женскую фигурку верхом на пони и ее охранника.

Она заняла нагретый выступ около дымохода, как только Бесси уехала. Весь день напролет она наблюдала за холмами, которые покатыми волнами уходили на юг. В небе клубились серые тучи, повторяя своими очертаниями рельеф холмов и спрятанных между ними долин.

Дни стали короче. Солнце теперь заходило рано. Когда настал вечер, и Джон в очередной раз взобрался на парапет, небо приобрело кроваво-красный оттенок, окрасив тучи багрянцем.

Кейт неподвижно смотрела в набегающую темноту. Смелчак, ее неизменный спутник, поднял голову. В удрученном собачьем взгляде содержались одновременно обвинение и мольба.

— Не стоит ждать ее раньше завтрашнего дня, — сказал Джон, обращаясь и к самому себе тоже.

— Лучше бы вместо нее поехала я, — пробормотала она, не отводя глаз от горизонта.

— Думаешь, я бы позволил?

Она повернулась к нему. В ее карих глазах затаилась мука.

— Но это я во всем виновата. Если бы не я, никому вообще не пришлось бы никуда ехать.

Я виновата. Словно вина лежала на ней, а не на мерзавце, от которого отказались все, даже собственные сородичи.

— Ты ни в чем не виновата. — Он обнял ее за плечи и привлек к себе. — И в одиночку тебе не справиться.

— Но я не одна, — ответила она. Ее губы тронула улыбка. И тем не менее, завернутая в выцветшее синее одеяло, со светлыми волосами, которые вились на ветру, она выглядела такой же одинокой, как их далекий, брошенный всеми предок. — Я Брансон.

Брансон. С Брансонами она обрела сестру и брата — Бесси, которая ради нее отправилась в стан врага, и Роба, готового защищать ее от любых обидчиков. Далекому королю было все равно, жива она или мертва. Яков не преломлял с нею хлеб, не видел страдание в ее глазах.

И не он делил с ней постель.

Королю было безразлично все, что составляло смысл жизни для Джона. И перед ним

предстал выбор, которого он избегал. Король или Кейт?

Он присел на корточки, тормоша пса и поглядывая на нее снизу вверх. Ее нос, ее скулы казались такими же резко очерченными, как и раньше, но губы... Как он мог считать их далекими от совершенства? Верхняя нежно изогнута, а нижняя такая соблазнительная, такая сочная...

— Да, — произнес он. — И ты самая храбрая из нас.

Бесси вернулась на следующий день поздно вечером, когда на небе возшла луна. Кейт заставила себя прикусить язык и удержаться от расспросов, пока Бесси не согреется у огня и не поест горячего. День выдался сырым, а путешествие было долгим.

Они собрались в спальне Роба и закрылись от любопытных ушей, оставив за дверью собаку. Бесси села у очага, Джон занял табурет у кровати, Роб примостился на сундуке.

Кровать они оставили для нее. Нехотя она взобралась на высокий матрас, стараясь не встречаться с Джоном глазам. Ее тело моментально вспомнило все, что они разделили на этой постели.

Сделав глоток супа, Бесси глубоко вздохнула и запрокинула голову, отбрасывая назад свои длинные рыжие волосы. Напряжение, вызванное долгим путешествием, постепенно отпускало ее.

Потом она отставила плошку с супом в сторону и наклонилась вперед.

— Его и правда выгнали из семьи. Их вождь приказал своим людям больше не считать его Сторвиком.

Кейт содрогнулась. Изгой. Живой мертвец.

— Не верю, — сказал Роб. — Он мог сговориться со своим вождем и смотрителем англичан, чтобы завладеть ничейными землями.

— Если оно и так, то остальным они ничего не сказали. Люди ненавидят его не меньше нашего. Должно быть, он прознал о ваших планах случайно. Намеренно его никто не предупреждал.

— Почему ты так уверена? — спросил Джон.

Прежде чем ответить, Бесси взглянула на Кейт.

— Он... — Она запнулась. — Он нажил врагов и среди своих тоже.

Ее сковал ужас. Немыслимо, чтобы он мог покуситься на одну из своих соплеменниц. Неужели какая-то безымянная женщина Сторвиков тоже просыпается по ночам от кошмаров?

Джон дотянулся до нее и, успокаивая, сжал ее колено.

— Но они знают, где он находится?

Бесси покачала головой.

— Нет. И это их тоже тревожит.

— Он может быть только в одном месте, — сказал Роб. — На спорных территориях. Наверное, занят восстановлением башни.

— Не думаю, — сказала Бесси. — По слухам, его банда винит его за то, что башня сгорела. Мне кажется, он где-то поблизости.

— Почему?

Она перевела взгляд на Джона.

— Говорят, он охотится на тебя. Вот почему.

Но не смогла.

Перед ним стояла только одна цель — защитить ее и выполнить свою клятву. Оно и к лучшему, что Вилли-со-шрамом назначил его врагом. Так этот человек отвлечется от Кейт.

— Не исключено, что это ловушка. — Сестре он верил, а Сторвикам нет.

Бесси покачала головой.

— Об этом мне рассказали женщины, когда мы остались наедине.

Как будто женщины не могли солгать.

— Если свои ополчились против него, то Брансоны и Сторвики могут охотиться на него вместе. — Он взглянул на Роба. Если две семьи объединят усилия, то из кровной мести их действия превратятся в справедливое наказание преступника.

По крайней мере, так можно преподнести это королю.

Но в ответ Черный Роб насупился.

— Нет такой причины, которая заставила бы меня сесть в седло вместе со Сторвиками. Они заманят нас в западню. Мы поедем вдвоем, только ты и я.

— Нет, — возразил Джон. — Он ищет меня. В этот раз я поеду один.

Роб напрягся.

— Ты мне не доверяешь?

— Доверяю, Роб. Всем своим сердцем. — То была чистая правда, хоть он и не знал, насколько затянется установившееся между ними перемирие. — Когда все закончится, и Вилли умрет, король придет в бешенство. Пусть он направит свой гнев только на одного Брансона.

— Думаешь, король отличит одного Брансона от другого? Сторвики, Брансоны — мы все для него на одно лицо.

— Этого он отличит. — Этот Брансон когда-то был королю другом.

— По цвету глаз, да?

Они одновременно издали смешок.

— Не тревожься. — Роб снова заговорил серьезно. — Гнев короля меня не заботит.

Я ничего не боюсь. Вот, что хотел сказать ему брат.

— Я знаю. И еще я знаю, хоть ты мне и не поверишь, что ради семьи одному из нас важно сохранить свое имя незапятнанным. — Ради семьи. Не думал он, что однажды произнесет эти слова. — Кроме того... — Он взглянул на Кейт, обновляя свое обещание, — ... у меня есть свои причины желать ему смерти.

Роб пристально посмотрел на него.

— Клятву дала семья. Неважно, кто ее выполнит.

Чувство сопричастности заполонило его. Верно, он дал Кейт свое собственное, отдельное обещание, но в словах брата он ощутил поддержку. Роб позволит ему выполнить семейную клятву. И встанет за его спиной, как веками вставали поколения Брансонов, и поднимет меч, если тот упадет у Джона из рук.

Он откашлялся, глотая ком в горле.

— Я дам тебе испытать гнев короля, но в другой раз.

Неужели Роб снова рассмеялся? Станным образом отношения между ними немного наладились. Он подвел итог:

— Завтра я поеду один.

— Нет, — сказала вдруг Кейт. — Ты поедешь со мной.

Нет, в один голос выпалили они. Нет, нет и нет, повторяли они снова и снова, пока шепотом строили планы и переговаривались о том, куда мог направиться Вилли. Он где-то среди холмов. Ушел вглубь Англии. Нет, он вернулся на спорные территории.

В конце концов она перестала настаивать. Внезапно она прозрела и поняла, где он прячется.

Он там, откуда все началось. На Горбатом холме.

И она вернется туда и отыщет его. Одна.

Но прежде она должна сделать нечто еще. То, что потребует от нее куда большей отваги.

Дверь в спальню была открыта. Комната была пуста. Им не потребовалось никому ничего объяснять.

Завтра Джон собирался уехать.

Роб и Бесси подарили им прощальную ночь, но от этой ночи Кейт ждала большего. Она хотела доказать себе, что достойна называться Храброй Кейт. Она должна найти в себе смелость дать отпор любому врагу, и реальному, и воображаемому.

Джон, не колеблясь, вошел в комнату первым и присел у огня, вороша в очаге дрова. За порогом, на страже их уединения, устроился пес. Положив морду на лапы, он прикрыл глаза.

Кейт ступила внутрь и закрыла дверь. Ее взгляд упал на кровать.

Она по-прежнему пугала ее. Лишала ее мужества.

Сегодня, в угасающем свете заката она увидела в глазах Джона нечто большее, чем просто желание. Она увидела веру. Он верил, что наедине с ним она тоже сможет быть храброй.

И все же она колебалась, разрываясь между страстью и страхом. Она хотела любить его. Хотела принадлежать ему, хотела поверить в то, что любовь к нему способна перечеркнуть ее прошлое. Хотела быть смелой везде: и в постели, и на поле брани.

Она боялась, что у нее не получится ни того, ни другого. Но пока она не изгонит демона Вилли из спальни, она не сможет уничтожить его во плоти.

Обернувшись, Джон увидел, что она в оцепенении стоит у двери.

— Если хочешь, мы можем не заниматься этим.

Как он добр, как нежен и терпелив. Теперь она узнала, каков он на самом деле, и этот человек был так не похож на того, кто много недель назад, когда они скрестили оружие, сорвал с ее уст тот первый нежеланный поцелуй. Но тот человек, тот страстный любовник, в равной мере был Джоном.

Она тоже стремилась познать радость любви. Уже пыталась однажды. Безрезультатно. Но сегодня... Сегодня она попробует снова. И у нее получится.

Она пересекла комнату и подошла к нему.

— Идем, — сглотнув, проговорила она. — Позволь мне...

Она не могла выразить свое желание словами. За нее говорили пальцы, которые

проникли под его тунику и принялись исследовать его тело.

— Скажи мне, чего ты хочешь. — Его голос стал хриплым.

— Я хочу увидеть тебя. — В прошлый раз ее остановило прикосновение шерстяной ткани к ногам. На сей раз он должен быть обнажен. — Всего и полностью. — Она указала на кровать. — Там.

Озорная улыбка блеснула на его губах, но тут же погасла. В его глазах появилась сомнение.

— Ты уверена?

К ее желанию примешался гнев. Страх угрожал завладеть и им тоже. Хватит. Вилли Сторвику не достанется новая жертва.

Она вздернула подбородок и стиснула его руку.

— Да. Я уверена.

Улыбка вернулась на его лицо, и он потянулся к подолу туники.

— Подожди! Когда я скажу. — Раньше он был ведущим, хоть и наделил ее властью сказать *нет*. Сегодня она сама будет направлять его.

Он опустил руки. Выражение его лица стало неопределенным.

Она опять пробралась под его тунику, наслаждаясь теплом, которое дарило его горячее тело, потом ее ладони передвинулись со спины на его грудь, покрытую мягкими завитками волос.

Ее пальцы задели его соски.

Такие не похожие на женские. Зачем вообще они нужны мужчинам?

Она медленно потеряла их.

Он застонал.

Она улыбнулась. Чувствительные, как и у нее самой.

— Вот теперь раздевайся, — прошептала она.

Она помогла ему, и когда туника упала на пол, с восхищением окинула взором его торс, плечи, его мускулистые руки. Она уже видела нагих выше пояса мужчин. Люди, занимавшиеся тяжелым трудом, нередко снимали рубаху. Но глядя на них, она отмечала только то, насколько сильные у них руки — чтобы удержать меч или бросить копье.

Или хуже. Чтобы не дать ей вырваться.

Руки Джона были достаточно сильными, чтобы защитить ее от кого угодно. Даже от него самого.

Она принялась ласкать его, невесомо касаясь кончиками пальцев, вычерчивая в воздухе контур его тела.

Со стоном он закрыл глаза, потом содрогнулся, когда она, проводя пальцами по внутренней стороне его руки, добралась до чувствительного места на сгибе локтя.

Он приоткрыл один глаз.

— Теперь можно до тебя дотронуться?

Она отрицательно покачала головой, хотя ее тело молило о его прикосновении.

— Всему свое время. Я еще не закончила.

Он нахмурился, немного тревожась. Теперь она понимала, насколько, наверное, жутко было смотреть на нее раньше, когда ее сковывал ужас. И как тяжело ему приходилось, когда он тщетно пытался доставить ей удовольствие.

Она улыбнулась.

— Ты можешь в любое время сказать *нет*.

— Я понял. — Улыбка, которая пряталась за важностью его тона, была красноречивее любых слов.

Она обняла его, прильнула щекой к груди, тесно прижалась к нему бедрами. Та его часть, что была ниже пояса, уже отвердела.

Она выровняла дыхание. Позади осталась самая легкая часть испытания. Она увидела его обнаженный торс. Теперь она должна увидеть то, что расположено ниже.

Она отстранилась. Настраиваясь, сцепила руки. Потом взялась за шнурки, которые удерживали его шосссы. Она видела, как сильно дрожат ее пальцы. Он был таким большим, таким твердым, что она замерла, не решаясь потянуть за шнурок и выпустить зверя на волю.

Джон вытянул руки ладонями вверх, словно сдаваясь в плен.

— Делай со мной все, что хочешь. — Легкий тон контрастировал со страстью на его лице. — Но будь храброй, Кейт.

Лишившись дара речи, она сглотнула. Что, если она снова начнет кричать, отбиваться, царапаться? Вдруг окажется, что ее страх не прошел?

Вдруг он не пройдет никогда?

Она распустила узел.

Шосссы соскользнули вниз, но зацепились за его член, и она заставила себя высвободить его, изумленная тем, какой он горячий под ее пальцами.

Она подняла глаза. Он стоял с приоткрытым ртом, и, будучи не в состоянии говорить, сделал жест рукой, разрешая ей действовать.

Она сжала его в ладонях. Усмирить его не вышло, вместо этого он стал еще больше, налившись в ее руках. Он целовал ее там, внизу. Возможно, ему понравится, если она сделает так же.

Хватит ли ей смелости?

Она встала на колени, пораженная тем, что ее рот оказался в точности на том уровне, чтобы она могла попробовать...

Немного ослабив пальцы, она осторожно задвигала ими, переживая странное любопытство. Сейчас он скорее искушал, чем пугал ее.

— Кейт, любимая. — Он задышался. Мальчишеская улыбка сошла с его лица. — Я правда хочу, чтобы ты делала все... — Он откашлялся. — Все, что только пожелаешь, но боюсь, я не смогу, я просто не удержусь, если...

Внезапно она поняла, что он имеет в виду, и, покачнувшись, встала. Нет. Для этого она недостаточно смелая. Пока что.

Все еще полностью одетая, в то время как он был почти обнажен, она стиснула кулаки, набираясь мужества. Потом указала на кровать.

— Ложись.

— Можно мне снять сапоги? — В его голосе вновь зазвучала улыбка.

Она посмотрела вниз, на его опутанные шосссами сапоги.

— Сядь, — сказала она. — Я сама.

И когда она преклонила колени, чтобы раздеть его, то ощутила в этом скорее власть над ним, нежели подчинение.

Он вытянулся на кровати. Возвышаясь, она стояла рядом. Ее взгляд заскользил по его худощавому телу, поднимаясь от сильных ног к бедрам, потом выше, к груди и, наконец, к глазам.

Скоро он потеряет терпение, подумала она. Обозлится на нее за то, что она заставляет

его ждать.

Но в его голубых, столь любимых ею глазах не было ничего, кроме обожания.

Нежась в тепле его взгляда, она затаила дыхание. Он ставил ее потребности превыше своих и все равно смотрел на нее так, словно получал от нее в дар бесценное сокровище.

Кто еще, кроме него, способен на это?

Она увидела в нем человека, обладавшего истинной силой. Силой контролировать себя.

— Скажи... — Он обрел власть над своим голосом. — Скажи мне, чего ты хочешь.

Но она не знала. Перестала знать.

Она думала, что соитие похоже на битву, в которой одно тело вторгается во второе и тем самым подчиняет его себе. Она собиралась направлять его до самого конца, чтобы ненароком не истолковать его действия как угрозу или насилие.

Но оказалось, что битва шла внутри ее собственного тела.

Джон будет ждать ее разрешения. Она могла бы помучить его ожиданием, наказывая за грехи Сторвика или просто за то, что его угораздило родиться мужчиной.

Но Кейт, которая обуздывала свои эмоции, которая жаждала мести и не подпускала к себе никого ни на шаг, стала призраком, словно давно умерла. На ее место пришла новая Кейт, которая хотела совсем другого.

Слиться с ним воедино.

Лед внутри нее разломился. Бурлящие воды, освободившись от оков, беспрепятственно понеслись к морю. И она захотела устремиться к нему, образовать с ним одно целое, как сливаются по весне ручьи, смешивая свои воды.

Возможно ли такое между людьми?

Скажи мне, чего ты хочешь.

— Я хочу...

Если она разделит с ним ложе, кому-то придется быть сверху, подчиняя себе второго. Чтобы соединиться с ним по-настоящему, она должна сбросить броню. Отринуть напускную храбрость, перестать притворяться. Иными словами, она должна сдаться.

— Скажи.

Как это можно передать словами?

— Я хочу... быть с тобой. Но только все должно быть по-другому.

— Все и будет по-другому, ведь я сам другой.

— И я тоже, — прошептала она, не смея в это поверить. Он доверился ей, беспрекословно согласившись подчиниться ее воле.

Способна ли она тоже довериться ему без остатка?

— Не бойся, все будет не так, как ты думаешь, — сказал он. — Я обещаю.

Она улыбнулась.

— Я потеряла счет твоим обещаниям, Джонни.

— Но я помню их все.

Улыбка дрогнула на ее губах.

— Клянешься могилой своего предка?

— Я клянусь большим. Это обещание самое главное из всех. Я клянусь своими чувствами к тебе.

Она закусил губу, но не сдержалась, и слезы закапали из ее глаз.

Он протянул руку.

— Иди ко мне.

Ее черед раздеваться, поняла она, и взялась за подол туники. Он не вмешивался, но когда она, стягивая тунику через голову, запуталась в рукавах, и, ослепнув, запаниковала, он нежно, но быстро помог ей высвободиться, догадавшись, что она испугалась.

Она нерешительно посмотрела вниз. Даже сейчас, когда ее охватила страсть, снять мужскую одежду значило гораздо больше, чем просто раздеться. В отличие от женских юбок, которые с легкостью можно было задрать, сшитые вместе штанины защищали то, что было меж ее ног.

Он встал с кровати и привлек ее к себе так близко, что она ощутила тугое доказательство его желания.

— Мужчина тоже может быть уязвим, — произнес он. Крепко прижимая ее к своим бедрам, он отклонился назад, чтобы она могла видеть его глаза. — Когда я хочу тебя, это заметно всем. Тебе, всему миру. Но твое желание остается сокрытым, даже от меня. И мне не узнать о нем, пока ты сама не расскажешь о том, чего хочешь. Пока не покажешь, что ты готова.

Она рассмеялась. Джонни научил ее, что смех может быть частью любви, и хотя сам звук собственного смеха был для нее все еще внове, он помог ей расслабиться.

— Я прослежу за тем, — с улыбкой произнесла она, — чтобы ты не остался в неведении, Джонни Брансон.

Она сняла шоссy и отбросила их в сторону. Он опустил ее на кровать и навис над нею, отчего она, утопая в перине, опять напряглась.

Любовь в его взгляде смешалась со страстью. Почувствовав ее напряжение, он заговорил:

— В этот раз все будет иначе. Да, женщину можно взять силой. Можно принудить ее к сношению. — Жажда мести полыхнула в его глазах и погасла, когда он тряхнул головой, отказываясь впускать в спальню дурные воспоминания. — Но ее нельзя заставить любить.

Любовь. Об этом она не смела даже мечтать.

Она кивнула, давая ему разрешение, и тогда он вытянулся на кровати и лег на бок, одной рукой поддерживая голову, а вторую оставив свободной.

— Теперь ты.

Она тоже легла на бок. Теперь она видела его целиком. Они открылись друг другу. Никому не пришлось быть сверху или снизу.

Просто смотреть было недостаточно. Протянув руки, она прижалась к нему, и он ответил ей тем же.

Она закрыла глаза, позволяя губам найти его губы и отпуская свои чувства на волю. Она перестала бояться. Не он овладеет ею. Они овладеют друг другом в равной мере. Их страсть была равнозначна.

Ее демоны были уничтожены.

* * *

Джон целовал ее, баюкая в своих объятиях, стараясь быть чутким к ее желаниям, как к своим собственным.

Эта женщина была совершенно особенная, как и его любовь к ней. Она была самая жесточенная, самая уязвимая даже не из тех, с кем он спал, а из всех женщин, которых он

знал. И именно это заставляло его неделями сдерживать свою страсть.

Он оторвался от ее губ, только затем, чтобы покрыть поцелуями ее нос, щеки, виски, лоб, чтобы прижаться губами везде, куда только мог дотянуться. Потом отодвинулся, умиряя дыхание.

— Я знаю... — Он запнулся. У него не осталось слов. — Я знаю, ты не хочешь, чтобы тобой... обладали. — Он заглянул ей в глаза, опасаясь снова увидеть в них страх.

Но она не испугалась. Вместо этого она отняла с его спины руку и провела ею по его щеке.

— Да, но...

И тем не менее он хотел обладать ею. Хотел взять ее. Сделать ее своей и никогда больше не отпускать. Он хотел этого сильнее, чем чего бы то ни было в жизни.

Она улыбнулась.

— С тобой все будет иначе. Теперь я это знаю. Когда все закончится, я стану... свободной.

Свобода. Сбудется то, о чем он мечтал. Ее призраки, напряжение, скованность — все это исчезнет.

Он хотел для нее свободы, ничего больше. И вместе с тем желал привязать ее к себе навсегда. Но пока не смел озвучить свое желание. Этой ночью его будущее, как и ее прошлое, было под запретом.

— Значит... — Слова давались ему с трудом. — Значит, сегодня ночью здесь будут только Джон и Кейт. Ничего до, ничего после.

— Ни вчера, — прошептала она. — Ни завтра.

Его разум замолк и перестал контролировать тело. Он снова приник к ее губам, их языки, пальцы, губы смешались, и он перестал понимать, где его ласки перетекают в ее. Набухший, горячий, твердый, он был готов слиться с нею, и тут осознал, что не проверил, насколько готова она.

Он дотронулся до нее снизу. Под его пальцами она оказалась скользкая, влажная.

— Да. — Слово легким вздохом вырвалось из ее губ.

— Ты уверена? — Он едва мог говорить, но он должен был знать точно. В этот раз все будет по-другому. Он дал ей слово.

Она сжала губы, кивнула.

И тогда он понял, что должен сделать.

Крепко прижав ее к себе, он перекатился на спину. Распластавшись на его груди, она неуверенно подняла голову.

— Вот так, любимая. Теперь ты главная. Можешь взять меня.

И взмолился, чтобы она согласилась быстрее.

Она села прямо, не отрывая от него глаз и постепенно осознавая, что он задумал. Потом взглянула вниз.

— Так тоже можно?

Он рассмеялся, болезненно пульсируя под нею.

— О, разумеется, да.

— И это будет так же приятно, как если бы ты...

— Я приложу к этому все усилия.

Она широко раздвинула ноги, и он направил себя в нее, любуясь, как смущение на ее лице сменяется удовольствием.

— Я так... полна тобой.

Он вырос внутри нее; она сжала его в ответ. Он дотянулся до ее самого чувствительного местечка и, пока она извивалась на нем, смотрел на ее лицо — пылающее, бездумное, стремящееся достичь наслаждения, которое он обещал.

Потом она упала ему на грудь, требовательно целуя в губы, и он крепко обнял ее, задвигался вместе с нею в своем собственном ритме. Их тела и чувства стали единым, неразделимым целым. И когда, наконец, он стремительно излился в нее, то ощутил ее ответные спазмы.

Чувство, которое снизошло на него после, было глубже, чем все, что он когда-либо переживал во время соития.

Оно сказала ему, что он дома.

Бурная река замедлила течение вод. Он прижимал ее к груди и слушал ее размеренное, сонное дыхание.

Да, удовлетворенно подумал он. Ее призрак исчез.

Пока он глядел в темноту на тлеющие в очаге угли, его вновь одолели мысли о будущем. Внезапно он понял: ни его родители, ни брат, ни сестра, никакие их слова или дела, ни замок и ни земля, ничто не смогло бы привязать его к этому месту крепче, чем этот акт.

И эта женщина.

Позднее в ту ночь Кейт лежала рядом с Джонни без сна и смотрела на острые тени, которые лежали на полу в свете полной луны.

Ждала.

Она должна стать Храброй Кейт в полном смысле этого слова.

Слишком долго она опиралась на семью — на Джона, Роба, Бесси, на всех остальных, — заставляя их делить свою жажду возмездия. Но Вилли Сторвик задолжал только ей одной.

Она сделает это ради Джонни. Он был совершенно прав. Чтобы защитить семью расправиться с Вилли должен кто-то один. Но он ошибся, решив, что этим человеком будет он сам. Она никогда не видела короля и не знала, насколько сильно нужно его бояться. Но неважно, отлучили Вилли от семьи или нет, Сторвики не позволят Брансонам просто так охотиться за одним из своих. Они станут мстить, а Черный Роб ответит им тем же.

Убийствам не будет конца.

Но если она поквитается с Вилли одна, ее сочтут сумасшедшей. И пусть. Ей хватит смелости, чтобы предстать перед судом и принять наказание.

Все это было верно, но тем не менее истина заключалась в другом. Она должна расквитаться с ним своими руками, иначе она никогда не исцелится. Только убив его, она станет собой.

И все будет кончено.

Она думала, что близость с Джонни изменит ее, чтобы в будущем она нашла себе кого-то другого. Теперь она не могла и представить, как доверяет себя чужому мужчине. Но Джон заслуживает того, чтобы рядом с ним была нормальная, полностью исцеленная женщина. Даже сегодня, когда она хотела принадлежать ему целиком, ему пришлось сдерживаться и приспособливаться к ней. Она оказалась не в состоянии раствориться в нем без остатка.

Она решительно отмела сомнения. Дело должно быть сделано. Если она хочет, чтобы у ее будущего с Джонни был хотя бы один шанс, она должна одержать верх над своими демонами, и есть только один способ, как достичь этого.

Нужно убить Вилли-со-шрамом.

Конечно, существовала и другая вероятность.

Вилли мог убить ее сам.

И теперь эта мысль тревожила ее сильнее, чем раньше.

Она выскользнула из кровати и оделась. Джонни заворочался и открыл глаза.

— Я в туалет, — прошептала она.

Он кивнул, и его веки снова смежились.

Убедить пса было куда сложнее. Он уже вскочил на лапы, приготовившись следовать за нею, куда бы она ни пошла.

Она нерешительно закусила губу. Нет причин брать его с собой. Ей не нужно никого отслеживать. Но главным достоинством пса было то, что его присутствие придавало ей мужества.

Что ж, пришло время обрести мужество в себе самой. Не нужно его вмешивать. Не нужно вмешивать их всех.

Она обняла пса за шею.

— Сиди. Я скоро вернусь.

Он обнюхал ее лицо, словно утешая ее. И когда она закрыла за собой дверь, оставляя его позади вместе с Джонни, то задумалась, почувял ли пес ее слезы.

* * *

Его разбудил собачий вой.

Джон рывком сел в кровати и услышал, как лай Смелчака эхом разносится по опустевшей комнате.

И топот копыт вдалеке.

Пробудившись, он сразу же понял, что Кейт уехала. Понял, куда и зачем. И проклял себя за то, что не предугадал этого.

Пес крутился у двери и скулил, торопя Джона.

— Уже иду, парень. — Он быстро оделся и накинул сверху дублет, который она подарила.

На стене должны были стоять часовые, подумал он, собираясь с мыслями. Какой идиот выпустил ее за ворота?

Должно быть, многие в замке уже проснулись, но времени организовывать настоящую погоню не было. Он пойдет один и возьмет с собой другое любящее ее существо.

Он надел на пса поводок. Потом встал на колени с ее стороны кровати, думая о том, что даже его жалкое человеческое обоняние способно различить запах женщины, которую он любил.

— Ищи Кейт. — Он протянул край простыни Смелчаку.

И тот потащил его за дверь вниз по лестнице.

Взбираясь верхом на пони на заснеженный холм, Кейт пожалела, что не взяла пса. Она осталась одна, наедине с лунным светом.

И с ненавистным запахом вереска.

Она тряхнула головой. Этого не может быть. Уже пришли морозы. Запах вереска не более, чем отголосок ее снов.

Но она снова вернулась в тот сон. Ее кошмар ожил, когда она пришла к холму, откуда все началось, готовая встретить его лицом к лицу.

Когда она проезжала мимо места, где в ту ночь стоял их с отцом шалаш, ее пробрала дрожь, но не от холода. На земле, запорошенной снегом, не осталось никаких следов, однако ее воспоминания были такими же отчетливыми и прочными, как мерзлая земля под копытами ее пони.

Почему-то она думала, что он будет поджидать ее на этом месте. Она была уверена, что он будет именно здесь. Но ее ждал только ветер. И воспоминания.

Она продолжала карабкаться все выше и выше. Возможно, он прячется где-то поблизости.

Перед нею выросло кольцо древних камней, которые в свете луны отбрасывали на землю причудливые тени. Раньше она их боялась, но теперь они вызывали приятные воспоминания. Летом она сидела здесь вместе с Джонни и, глядя вдаль, впервые почувствовала...

Между камней промелькнула темная тень. *Здесь обитают духи*, предупреждал отец. Может быть, это призрак ее далекого предка?

Или хуже?

Она спешила, стараясь не шуметь, и непроизвольно потянулась вниз, ожидая нащупать теплую и мягкую шерсть своего пса. Будь они вместе, он бы уже зарычал и оцетинился, приготовившись защищать ее.

Но она была одна.

Она достала из ножен меч и, увязая в снегу, пошла вперед.

Но в следующее мгновение тень растворилась во тьме.

Она пробормотала молитву.

А потом неожиданно к ней оказался приставлен наконечник копья.

— Еще один шаг, парень, и я вспорю тебе живот.

Не призрак гулял среди камней, а Вилли-со-шрамом.

Она замерла на месте, ничего не отвечая, чтобы по ее голосу он не догадался, что перед ним вовсе не мужчина.

Не опуская копья, он обошел ее кругом.

— Как тебя звать, парень? Как ты нашел меня?

Она следила за ним, пока он не зашел ей за спину.

— Кто ты? — спросила она как можно более низким голосом. По крайней мере он не разоружил ее. — И что делаешь на земле Брансонов?

Он остановился, невидимым злом держась позади.

— Ты!

Она попыталась сглотнуть, но не смогла.

— Ты одна, не так ли?

Мужество покинуло ее. Живот скрутило, ее бросило в жар, потом в холод. Как и раньше, она могла только беспомощно стоять и ждать, когда он снова ее схватит.

— Что, успела соскучиться? Твой зверь оставил мне новый шрам, и ты за это заплатишь. Ее замутило.

— Нет. — Голос ее дрожал.

Ты должна превозмочь себя. Иначе, когда Джонни в следующий раз обнимет тебя, ты снова будешь видеть перед собой этого человека.

— Нет! — закричала она, чтобы предки услышали ее и поняли, что она не трусиха.

Отпрыгнув в сторону, она развернулась к нему лицом и выставила вперед клинок, держа меч уверенно и крепко.

— Я позабочусь о том, чтобы ты больше никогда не причинил вреда ни одной женщине. Вот зачем я пришла.

И чтобы ты больше никогда не причинил вред мне.

Наконец осознав, что она ему угрожает, он шагнул назад, вынуждая ее следовать за собой.

— Ты вызываешь меня на бой? — Он расхохотался. — Давай. Это возбуждает даже сильнее, чем в прошлый раз.

Онемевшими пальцами она крепче вцепилась в рукоять меча.

Сильнее, чем в прошлый раз. Когда она совсем не сопротивлялась.

Сохраняя дистанцию, он дразнил ее своим копьём, таким длинным, что он с легкостью мог разоружить ее.

В бешенстве она схватилась за меч двумя руками и замахнулась, чтобы нанести удар, но он без труда парировал ее атаку. Потеряв равновесие, она оступилась и натолкнулась на камень.

Самодовольно ухмыляясь, он ждал, пока она выпрямится.

Страх, злость и что-то еще, неподвластное пониманию, запульсировало в ее голове и в ее венах, когда она вновь подняла меч.

Вилли-со-шрамом не боялся ее. Он стоял, заливаясь хохотом.

Внезапно она метнулась вперед и, прежде чем он сумел отреагировать, выбила копьё из его рук и приставила острие меча к его груди.

Ну же. Пронзи его черное сердце.

Но он стоял слишком близко. Совсем как в ту ночь перед тем, как...

Он увернулся от ее меча. И потянулся за ней.

Тогда она побежала, точнее, попыталась бежать. Ее ноги стали ватными и тяжелыми, удерживая ее на месте, утягивая ее вниз.

Споткнувшись, она упала в снег.

А потом он придавил ее сверху.

На этот раз она отбивалась, кричала и размахивала кулаками со всей накопленной за два года яростью. Но что бы она ни делала, все равно он был больше, сильнее и тяжелее ее. Ее колено никак не могло дотянуться до его паха. Ее руки оказались прижаты к земле. И всех ее жалких усилий оказалось недостаточно, чтобы сбросить его.

Ее кошмар воплотился в жизнь.

Верхом на Норвежце Джон скакал вслед за псом, который бежал по следу напрямиком по направлению к Горбатому холму.

Я не была здесь с тех пор, как...

Каким же он был недогадливым дураком. Не духи пугали ее.

Он пришпорил лошадь. Пес не должен отстать. И наконец, поднимаясь на склон холма, он увидел два черных силуэта, которые сражались между камней. Она замахнулась мечом. Он отразил удар.

Она споткнулась. Упала и закричала. Сторвик накрыл ее...

Соскочив в лошади, Джон выхватил меч. Хватит выжидать. Никакого суда не будет. Он сотворит правосудие сам: быстро и не колеблясь.

За то время, пока Джон спешил, Смелчак успел добраться до Сторвика первым и с лаем вцепился в него зубами, оставляя на его лице новый шрам.

С диким криком Сторвик скатился с Кейт. Шатаясь, он встал и попробовал было убежать, но пес мгновенно нагнал его, поднялся на задние лапы, сбивая с ног, и пригвоздил к земле.

С оружием наготове Джон бросился к ним, чтобы убить этого ублюдка, пронзить клинком его черное сердце и выпустить его кровь. Слепая ярость подстегивала его — та самая, что два года подряд не отпускала Кейт. Этот человек причинил ей боль, настолько сильную, что неизвестно, сможет ли она когда-нибудь оправиться.

Он занес меч.

Человек на земле скорчился и закрыл глаза, содрогаясь под собачьими лапами.

Джон замер с вздымающимся над головой мечом.

Нет. Все должно быть не так. Иначе это будет обычное убийство.

Его кровь, кипящая яростью, немного остыла, и он посмотрел вниз, на презренного труса, лежащего под его ногами. Любая смерть будет для него хороша.

Но Брансоны так не поступают.

Джон ткнул его мечом под ребра.

— Вставай.

Сторвик открыл глаза. Смелчак рычал, не двигаясь с места.

— Вставай, ссыкло. — Схватив Сторвика за одежду, он дернул его вверх и поставил на ноги, отталкивая пса в сторону. — Бери меч. Я даю тебе шанс сразиться в честном поединке. Живым с этого холма спустится только один из нас.

И напоследок бросил в его трусливое, искаженное лицо:

— Этим человеком будешь не ты.

Спрятавшись за камнями, Кейт сжалась в комок. Джон стоял над Сторвиком с занесенным мечом. Зажмурившись, она ждала, когда крик боли возвестит о том, что Вилли мертв.

Но крика все не было.

Она открыла глаза и увидела, что Сторвик встал и держит в руках меч.

Нет!

Крик застрял у нее в горле.

Шевелись. Сделай же что-нибудь.

Но она словно приросла к земле, и голос в ее голове был таким же далеким, как та сцена, которая разворачивалась перед ее глазами.

Мужчины с обнаженными мечами медленно кружили по снегу. Смелчак, сорвавшись с поводка, метался вокруг них. Она подозвала пса к себе, опасаясь, как бы Джон о него не споткнулся.

Тот неохотно подчинился, и она обвила руками его шею. Пес тяжело дышал. Всеми силами она пыталась заставить ноги заработать, чтобы встать, взять нож и вонзить его в горло Сторвику. И спасти Джона от ловушки, в которую его могла увлечь его дурацкая честь.

Но пока она смотрела, как их черные тени двигаются на фоне предрассветного неба, ее одолели сомнения. Только что она уже пыталась сразиться со Сторвиком и потерпела поражение. Если она вмешается, то вдруг подвергнет Джона опасности, вместо того чтобы помочь ему?

Очень давно она сама билась с Джоном на мечах и знала, насколько он в этом хорош. Вилли привык орудовать копьем со спины лошади или же стрелять из арбалета, оставаясь при этом вне досягаемости. Она никогда не видела, чтобы он дрался мечом.

Он размахивал им как топором. Грубо и напористо, словно вслепую прорубал себе путь сквозь лесную чащу. Если он заденет противника, удар будет смертельным.

Джон, в свою очередь, двигался в танце смерти легко и быстро, постоянно меняя позицию, так что Сторвик едва успевал отражать его удары. Его атаки были окрашены яростью, однако он достаточно контролировал себя, чтобы в нужный момент сделать решающий выпад.

Смелчак, зарывчав, напрягся в ее руках.

Сторвик опять замахнулся, вынуждая Джона отступить назад. Позади него она разглядела камень и встала, чтобы криком предупредить о препятствии, но опоздала. Джон запнулся и упал наземь.

А Сторвик занес над ним меч.

Глава 23

Меч выпал из его рук. В грудь колотился ветер. Джон посмотрел вниз и увидел, что в дюйме от его горла зависло острие меча.

— Получается, живым с этого холма спущусь я, — ухмыльнулся Сторвик. — И заберу с собой твою девчонку.

У чести был шанс, подумал Джон.

Он направил сапог прямоком между ног Сторвика и ударил его, а когда тот пошатнулся, откатился в сторону и вскочил на ноги.

Теперь он был вооружен только кинжалом. Сторвик нетвердо стоял, ухватившись за пах, однако умудрился не выронить меч. Озираясь по сторонам в поисках собственного меча, Джон отступил назад.

А потом увидел, как из-за камня выпрыгнула размытая тень.

* * *

Смельчак вырвался из ее рук и побежал.

При виде пса Вилли выронил меч и начал карабкаться выше по склону, уходя все дальше от каменного кольца. Пес быстро нагонял его, и он в ужасе оглянулся через плечо.

И не заметил, что подошел слишком близко к обрыву.

Раздался вопль — и вскоре оборвался со звуком удара.

* * *

Джон потряс головой, смахивая с лица снег и прочищая мысли. Пес метался на краю пропасти, будто собираясь прыгнуть вниз и убедиться, что Вилли-со-шрамом больше не представляет угрозы.

Шатаясь, он подошел к обрыву и посмотрел вниз.

Все кончено.

Его клятва выполнена. Кейт отомщена.

Он обернулся, ожидая встретить ее с распростертыми объятиями, когда она подбежит и, улыбаясь, подставит губы для поцелуя.

Но позади никого не было. Только стояли камни да свистел ветер.

* * *

Она услышала крик и, когда он затих, поняла, что все кончено.

Она ждала, что придет облегчение. Радость. Покой.

Ничего.

Смерть Сторвика не расколдовала ее. Она по-прежнему оцепенело сидела в неясном свете луны, уставившись на угловатые символы, вырезанные на камнях, как будто могла

понять их значение.

Подождал Джон и помог ей подняться. Она не сопротивилась.

— Все. Он умер.

Она не поднимала глаз.

Он яростно прижал ее к себе, но она не реагировала. Душа словно покинула ее тело, оставив на земле призрак вместо живой женщины. Вилли-со-шрамом умер. Она была отомщена, но случилось то, о чем предупреждал ее Джонни.

Оказалось, что его гибели недостаточно.

— На этот раз я сопротивлялась.

Джон не отпускал ее, покачивая в своих объятиях.

— Я знаю. Теперь все будет хорошо.

Не будет. И она не могла объяснить ему, почему.

Тряхнув головой, она спрятала лицо у него на груди.

— Все напрасно. Все, что я делала, было напрасно. — И поэтому она его недостойна. — Если бы ты не пришел, он взял бы меня снова.

* * *

Отчаяние в ее голосе потрясло его.

— Но я же пришел. — Больше не надо ни за кем гоняться. Ее месть свершилась, его обещание выполнено. Она должна испытывать облегчение, благодарность, радость.

Но женщина, которую он обнимал, ничего этого не чувствовала. Ее лицо было пустым и безрадостным, словно ее жизнь внезапно утратила смысл. Чего он от нее ждал? Счастья. Радости. Ликования. Но не апатии, как будто со смертью Вилли внутри нее тоже все умерло.

— И собаке пришлось спасать тебя, — пробормотала она, глядя на Смелычака. — Это собака загнала Вилли-со-шрамом в пропасть, пока Храбрая Кейт сидела, скорчившись, за могильным камнем.

Обняв ее за плечи, он повел ее к лошадям.

— Идем. Вернемся домой.

Она пошла за ним, покорно и безмолвно.

Когда они доехали до замка, солнце уже озарило светом восточные холмы. Оставив попытки расшевелить ее, он поцеловал ее в лоб и поручил заботам Бесси, чтобы та уложила ее спать.

Кейт устала. Ей нужно выспаться. Он должен дать ей время. Совершенно естественно, что она оцепенела. Во всем виноват шок. Проснувшись, она снова станет прежней Кейт. Его Кейт.

Но он знал, что обманывает себя.

* * *

— Она еще в кровати? — шепотом спросил Джон у Бесси, когда солнце начало клониться к горизонту.

Она проспала весь день, а его в это время провозглашали героем. Произносили тосты,

слагали баллады в его честь.

Храбрый Джонни Тряпка, голубоглазый Брансон,
Встретил врага на Горбатом холме...

Когда он сказал, что вся заслуга принадлежит собаке, они расхохотались, переложили слова и запели о Храбром псе.

И тогда он почувствовал себя дома. И захотел остаться здесь навсегда.

Он взглянул на Роба. Тот молча стоял у очага. Единственный, кто не поднял за него тост.

И за весь день никаких известий от Кейт.

Не в настроении больше праздновать, он пошел к выходу и на пороге столкнулся с Бесси. Сестра понизила голос.

— Она так и не встала. Пес тоже не выходил.

— Может быть, разбудить ее?

Она вздохнула.

— Не знаю. Такое уже было, когда она пришла к нам, после того как ее... — Она закусила губу.

После того, как ее изнасиловали. Вот что она собиралась сказать.

— Она рассказала тебе? — Он думал, Кейт открылась ему одному.

Бесси пристально посмотрела на него, как будто пытаясь угадать, насколько много он знает и не рискованно ли поведать ему остальное.

— Она никому не рассказывала, — наконец проговорила она.

Никому, кроме него.

— Но как ты узнала?

Она не ответила, только пожала плечами.

Они были женщинами. Делили одну комнату. Одну кровать. Непостижимо, но женщины, казалось, умеют понимать друг друга без слов.

— И что же вернуло ее... к жизни?

— Не знаю. Но я помню тот день, когда она наконец встала. Она пришла на кухню, уже одетая в мужскую одежду, и сказала, глядя в сторону, будто смотрела на что-то, видимое ей одной: «В следующий раз я убью его. И мне не будет страшно.»

— Но он мертв. Бояться больше нечего. Почему же...

— Джонни, ты опять задаешь вопросы мне, когда спрашивать нужно ее.

Он взял бы меня снова. Несмотря на то, что она преодолела страх. В этом все дело? Видеть Кейт такой беспомощной было тяжелее, чем драться со Сторвиком. И он испугался, что его смерть не освободила ее.

Он вздохнул.

— Я спрошу ее. Пусть только сначала проснется.

Он оглянулся на компанию, сидевшую за столом, и ему помахали, приглашая присоединиться к ним снова. Он кивнул, однако долгие часы, проведенные на ногах, давали о себе знать. Ему нужен сон.

Пальцы Бесси легли на его рукав.

— Ты должен узнать ответ еще на один вопрос, Джонни. И этот вопрос ты должен

задать себе.

— Какой?

— Спроси себя, насколько сильно она тебе дорога.

* * *

Отказываясь просыпаться, Кейт зажмурилась. И все же веки сами собой раскрылись, чтобы уловить лучи закатного солнца.

Она была одна. Бесси ушла давно, еще на рассвете, чтобы заняться рутинными делами по дому, и оставила ее наедине с неприглядной правдой.

Сторвик мертв. Но долгожданного ликования не было, как она ни прислушивалась к своим ощущениям. Она представляла, что в день, когда он умрет, засияет радуга, а с небес спустятся ангелы. Ждала, что испытает триумф или, по меньшей мере, умиротворение.

Что наконец-то она станет женщиной, которая достойна любви Джонни Брансона.

Но вместо всего этого она чувствовала только одно: разочарование. Сторвик умер. А в ней ничего не изменилось.

Почувяв, что она проснулась, Смелычак неуклюже поднялся на лапы. Он пролежал возле нее весь день — непростая задача для подвижного зверя. Его глаза смотрели на нее без осуждения, точно он был счастлив, что спас их и был готов сделать это еще раз.

Борясь со слезами, она отвернулась. Неразумное животное и то проявило больше отваги.

Два года она жила ради того, чтобы все исправить. В следующий раз она будет сопротивляться. Даст ему отпор. Заставит заплатить за то, что он сделал с ее отцом.

За то, что он сделал с ней.

Но когда пришло время, оказалось, что ничего не изменилось. Да, на этот раз, несмотря на страх, она отбивалась, но она не смогла спасти себя. Более того, она и Джона подвергла опасности. Не ее храбрость выручила их, а собака.

Ее мужская одежда, оружие, показная бравада — все обернулось глупым маскарадом.

Как и зачем ей жить дальше? Два года она дышала мстостью. Мимолетные радости сложились в лестницу, которая вывела ее из бездны. Они поддерживали в ней жизнь, чтобы, когда придет время, она расправилась со своими демонами.

Оказалось, что демоны не остались на дне. Они ждали ее наверху лестницы, живые и невредимые.

Кейт протянула руку, чтобы погладить пса, и тот обнюхал ее лицо, как будто через запах пытался дознаться, почему она опечалена.

Она снова зажмурилась, но слезы пробились сквозь веки. Она подвела Джонни. Как теперь смотреть ему в глаза? Может, в постели она и одолела своих воображаемых демонов, но что толку. Он чуть не умер из-за ее никчемности.

Если не выходить из спальни, то в конце концов он уедет. Заберет людей, которых обещал ему Роб, и отправится к королю. И ей больше никогда не придется смотреть в его голубые глаза.

Прячась от света, она уткнулась лицом в подушку.

* * *

Спроси себя, насколько сильно она тебе дорога.

Слова Бесси будто ударили его наотмашь.

Покачнувшись, Джон ухватился за стену, уже не ощущая в камнях надежную опору. Будто сквозь пелену до него донеслась баллада, сложенная в его честь.

Храбрый Джонни Тряпка, голубоглазый Брансон,
Встретил врага на Горбатом холме...

О, да. Он был храбрым. Он гнался за Вилли до самого конца, рискуя жизнью, рискуя расположением короля. Он убеждал всех вокруг и заодно самого себя, что пошел на это только затем, чтобы побыстрее вернуться ко двору.

Но никакой истинной храбрости в этом не было.

Когда он вернулся домой, его жизнь изменилась. Он сам изменился. Он стал Брансоном и захотел разделить свою жизнь с Кейт. Здесь. Дома. Все его прежние желания померкли.

Хватит ли ему храбрости, чтобы признаться в этом?

В поисках уединения он вышел из зала и сел на лестнице, на том самом месте, где когда-то сидел в темноте вместе с Кейт.

Он долго откладывал мысли о будущем. Сперва нужно найти Сторвика. Затем исполнить приказ короля. Но сидя в тепле замка, в окружении товарищей, чьи голоса эхом отражались от каменных стен, он понял, что, сам того не осознавая, сделал выбор уже давно, много недель назад.

Где-то далеко король выступал в поход, и в его войске не было Брансонов.

Его судьба оказалась связана с родными холмами в момент, когда он поклялся выследить ее врага. Уже тогда было ясно, что он не вернется в Стерлинг, однако он был слишком слеп, чтобы понять это. И слишком труслив, чтобы признать.

Он убеждал себя, что Кейт была просто средством для достижения цели, но он заблуждался. Она сама была его целью. Как бы ни болела ее рана, она заживет, если они будут вместе.

Задавай вопросы ей, а не мне, сказала Бесси. Какие вопросы? Согласна ли ты разделить со мной жизнь?

Но он не мог задать этот вопрос. По крайней мере, не сейчас.

Ты больше не Брансон. Я не позволю тебе остаться.

Так в самом начале сказал брат. После они скакали верхом бок о бок, сражались плечом к плечу. Но Роб остался при своих словах.

И Джон не просил, чтобы он забрал их обратно.

Он посмотрел в оконце. Свежий снег припорошил мерзлую землю. Ветер, порывистый и холодный, продувал долину насквозь, и ледяная сырость проникала под кожу.

Но во всем мире не существовало другого места, где бы он хотел быть.

На земле своего рождения он стал цельным и сильным, каким никогда не был близ короля.

Стал ли он настоящим приграничным воином, каким был Роб? Нет. Они по-прежнему были разными. Если он останется, они все так же будут постоянно спорить. Но Роб должен понять: он больше не Джонни Тряпка, не голубоглазый малыш, от которого можно отмахнуться.

Как понял он сам.

Он вздохнул. Он планировал триумфальное возвращение. Воображал, что дома его уважают.

А сейчас ему предстоит сделать то, что поклялся себе никогда не делать.

Униженно попросить Роба позволить ему остаться.

Хотя...

Он поднялся на ноги и улыбнулся. Есть и другой способ.

Выяснив у Бесси, что Кейт все еще спит, Джон поднялся на крепостную стену, где, высматривая новую угрозу, стоял на часах Роб.

— Может, Вилли Сторвик и умер, но его клан жив.

Джон встал рядом с братом и прислонился к стене. Молча они смотрели в синее небо.

— Итак, ты сдержал свое слово, — наконец произнес Роб.

Ни благодарности, ни похвалы. Но он и впрямь недостоин ни того, ни другого. Настоящий мужчина держит слово не единожды, а всю жизнь. Только так можно заслужить уважение.

— Отчасти, — ответил он.

— То есть, мне лучше поднять кружку за здоровье пса?

Было сложно не заметить оскорбления в этих словах. *Спокойно. Ты больше не маленький мальчик, поэтому прикуси язык, иначе вы с ним поспорите до второго пришествия.*

Но сегодня Джон *хотел* нарваться на драку.

— Ты во мне сомневаешься?

— А что, не стоит?

Пряча улыбку, Джон положил ладонь на рукоять меча.

— Давай это выясним. Как раньше.

— Ты уступал мне тогда, уступишь и сейчас.

Джон достал меч из ножен и перебросил его из руки в руку.

— Увидим.

Брат пристально посмотрел на него. Уголок его рта дернулся.

— И что поставим на кон на тот маловероятный случай, если ты вдруг победишь?

— Мое право остаться здесь. Как Брансон. У себя дома. — Все его будущее было вложено в эти девять слов.

Лицо Роба стало непроницаемым. Было невозможно определить, рад его брат, удивлен или рассержен.

— А если победу одержу я?

Джон повел плечами, словно это не имело значения.

— Тогда, полагаю, мне придется вернуться к его величеству королю, чтобы меня судили за измену.

— Идет.

Они спустились во двор и в лучах заходящего солнца встали в том самом углу, где дрались мальчишками.

Роб обнажил меч.

— До первого касания. — Он уверенно взвесил клинок в ладони и кивнул. — Начали.

Медленно и осторожно они закружили по двору, примериваясь друг к другу. Десять лет прошло с тех пор, как они бились в последний раз. Целая жизнь.

С момента его приезда они не раз сражались бок о бок, но этот поединок обещал стать самым значимым.

Он медленно замахнулся мечом в сторону брата, проверяя его реакцию. Роб был шире в

плечах и тяжелее, но Джон был быстрее.

Этого должно хватить для победы.

Они продолжали приглядываться друг к другу, оценивая длину клинков и размах рук, определяя, насколько глубоким должен быть первый выпад.

У Роба было некоторое преимущество. Его меч был длиннее. Глядя на брата в угасающем свете дня, Джон ощутил, как надвигаются воспоминания. Как будто он снова стал маленьким Джонни, которого вот-вот отлупит его старший брат.

Он попытался подавить их. Как можно просить Кейт забыть о прошлом, если он не может расстаться с ним сам? Он должен стать Храбрым Джонни — под стать своей Кейт.

Роб атаковал первым, но промазал. Памятуя о шраме, который брат оставил ему много лет назад, он пришел в дублете отца. В *своем* дублете. Изношенном в боях и удобном. Пусть Роб унаследовал отцовское звание, но Джону тоже кое-что досталось. За подкладкой он чувствовал защиту отца и любовь Кейт в каждом стежке.

Увернувшись, он качнулся назад и, не в полную силу сделав выпад, почти задел брата.

Роб насупился, не скрывая своего удивления.

— У наставника короля я кое-чему научился, — крикнул Джон, улыбаясь.

Стало ясно: как соперники они равны. День клонился к концу. Поединок только начинался.

Джон почувствовал, как наваливается усталость. Голова раскалывалась, мышцы болели, рана, которую он получил в набеге, снова начала ныть. Сегодня он проснулся посреди ночи, разыскал в горах Кейт, потом бился со Сторвиком и наутро вернулся домой, где весь день слушал, как на пиру произносят тосты в его честь.

Мудрее было бы выспаться и вызвать брата на бой на свежую голову.

Собравшись с силами, он принялся раскачиваться из стороны в сторону, делая маневр, который использовал против Роба, когда они были детьми. Он не срабатывал раньше и едва ли сработает сейчас, но заставит брата отступить на пару шагов назад, а он выгадает немного времени, чтобы подумать.

Однако случилось странное. Вместо того, чтобы, как раньше пресечь его попытки подобраться к себе, Роб дрогнул. Оступился? Потерял равновесие? Джон так и не понял, что произошло, но в следующее мгновение лезвие его меча задело плечо брата, да так, что хлынула кровь.

И Роб — и это было страннее всего — улыбнулся.

Признавая свое поражение, он поднял руки вверх.

— Что ж... — проговорил он. — Похоже, теперь нам от тебя не избавиться.

Сильные руки сжали его в объятиях, и Джон стиснул зубы, чувствуя, как подступают слезы.

Он обрел дом. Наконец-то.

Когда брат отпустил его, Джон всмотрелся в его глаза. Что, если Роб нарочно поддался? Что он испытывает — сожаление или потаенную радость?

— Спасибо, — в конце концов вымолвил он.

— За что? За то, что я оказался никудышным бойцом? Ты не скажешь мне за это спасибо, когда снова придут Сторвики.

— Пусть приходят. Нам хватит людей, чтобы их встретить.

Роб озадаченно склонил набок голову.

— Королю придется разбираться со своими врагами без Брансонов, — объяснил Джон.

И тогда Роб улыбнулся.

— Идем. Пусть Бесси наложит повязку, пока над тобой не начали кружить вороны.

На пороге Роб положил руку ему на плечо.

— Джонни... Не у меня надо спрашивать, можно ли тебе остаться. — Он кивнул в сторону лестницы, которая вела наверх. — А у нее. — Он похлопал его по плечу и подтолкнул внутрь. — Ступай.

* * *

Когда стемнело, она, наконец, встала и надела свое единственное оставшееся платье. На протяжении двух лет она четко знала, кто она и в чем ее предназначение. Теперь Храброй Кейт больше нет.

Темная юбка едва прикрывала лодыжки, и она, оставшись без привычных мужских чулок, ощутила, как между ног пробирается холод. Она настолько отвыкла от женской одежды, что запуталась в юбках, когда попыталась пройтись.

Смельчак, уставившись на нее, недоуменно склонил голову набок. Присев перед ним на корточки, она взяла собачью морду в ладони.

— Я назвала тебя Смелчаком. Я и сама хотела такой стать — смелой и сильной. Только не беспомощной от страха.

Горячие слезы обожгли ее щеки. Она зарылась лицом в его шерсть и пробормотала:

— Но когда пришло время, оказалось, что одного желанья недостаточно. Я боролась, я вырывалась, но...

— Ты проснулась. — Голос Джона позади нее.

Она утерла слезы тыльной стороной ладони, в то время как пес подбежал к Джону, обнюхивая его в знак приветствия.

Она неуклюже встала и, покачнувшись, ухватилась за стену. Пролежав в постели весь день, она словно разучилась ходить.

В тот же миг Джон оказался рядом, поддерживая ее надежной рукой, как будто она была из тех женщин, которые и шагу не могут ступить без посторонней помощи. Что ж, возможно, он прав. Ее трусость чуть не погубила его.

— Отпусти меня, — проговорила она, и голос ее прозвучал хрипло, словно несмазанная дверная петля.

Он подчинился и отошел. Теперь она стояла сама, одна. Так и должно быть. Она не заслужила права стоять с ним рядом.

С некоторым удивлением приподняв брови, Джон оглядел ее с головы до ног, но не стал задавать вопросов о платье.

Пес подпрыгнул, приглашая его поиграть.

— Сидеть, — уклоняясь, произнес он.

В изумлении она увидела, что пес подчинился и сконфуженно закрутил головой, глядя то на нее, то на Джона.

Джон протянул ей лепешку.

— Я подумал, что ты проголодалась.

Так и есть, внезапно поняла она. Желудок взбунтовался против ее сердца, заставляя ее оставаться живой.

Откусив кусочек, она почувствовала вкус любви и меда. Обычно овсяные лепешки не делали такими сладкими. Наверное, Бесси испекла эту специально для нее. Наслаждаясь тонким вкусом, она прикрыла глаза.

Когда она открыла их снова, то встретила внимательный взгляд Джона.

— Как ты?

Когда это Джонни успел стать таким немногословным?

Она медленно жевала и тянула время. У нее не было ответа на этот вопрос. Точнее был, но не тот, который он предпочел бы услышать. Наконец лепешка была съедена, и поводов для молчания не осталось.

— Нормально.

— Тогда едем со мной.

Это была не просьба, но прежде чем она успела отказаться, Смелчак гавкнул и, виляя хвостом, подбежал к двери.

Бедный зверь. Он так ей предан и не должен страдать за ее провинность. Ей и самой не хотелось оставаться здесь наедине с Джоном и с воспоминаниями о том, как они спали на этой самой кровати.

Наверное, он хочет попроситься и уехать туда, где его ждет король.

Набросив на ее плечи плащ, Джон расправил его, словно она была неспособна справиться даже с таким простейшим делом. И все же, когда они спускались по лестнице, она ощутила такую слабость в ногах, что она была вынуждена принять его помощь и опереться о его руку.

Пес, дрожа от возбуждения, бежал по лестнице впереди них. Когда они вышли во двор, порыв ледяного ветра пронзил ее насквозь, и она пожалела о том, что мужская одежда больше не защищает ее ноги от холода.

Как бы то ни было, на свежем воздухе она будто проснулась по-настоящему. Джон держался рядом. Его голубые глаза были серьезны, и все же где-то в глубине взгляда таилась его обычная улыбка.

Впереди угрожающе замаячили ворота.

— Там нет Сторвиков?

— Наши только что выезжали за холмы и никого не встретили. Ты в безопасности.

Ты в безопасности. Нет. Никогда больше она не испытает этого блаженного чувства снова. Ведь она не в состоянии защитить ни себя, ни его.

Когда они оседлали лошадей, ворота раскрылись, и Смелчак, без ума от радости, помчался вперед, описывая вокруг них широкие круги.

А потом она поняла, что Джон везет ее на Горбатый холм.

* * *

Пока они ехали, Джон молчал, не зная, как заговорить с этой странной, похожей на привидение женщиной, которая скакала рядом.

В момент, когда Кейт поняла, куда они держат путь, она раскрыла рот, чтобы запротестовать, но он погнал свою лошадь вперед, и ее слова растворились в порыве ветра.

На том холме она потеряла себя, а значит, именно там она должна обрести себя снова.

Чтобы не слышать ее возражений, он ехал далеко впереди, надеясь, что она не повернет

обратно в замок. Но женщина, растерявшая все упрямство и смелость его Кейт, покорно ехала следом.

* * *

Когда они добрались до каменного круга, он спешился. Она же молча продолжала сидеть в седле.

— Иди сюда. Я хочу поговорить с тобой.

Словно утратив способность решать за себя самостоятельно, она безучастно соскользнула на землю.

Много месяцев назад он считал, что разбирается в женщинах. Но человек, который стоял сейчас на вершине этого неприветливого, овеваемого холодными ветрами холма рядом с женщиной, которую едва узнавал, не знал о них ничего.

Что ж, раз даже брат признал его Брансоном, то может быть духи предков помогут ему? Он взял ее за плечи.

— Все позади, Кейт. Все кончено.

Взглянув на обрыв, она еле заметно кивнула.

— Твоя месть свершилось.

— Да. — Но всем своим видом она говорила «нет».

— Я сдержал свое слово.

Их глаза, наконец, встретились.

— Верно.

Вот и пришло время произнести главные слова.

— И я прошу тебя стать моей женой.

Сам не зная почему, он задержал дыхание. Он ни разу не заговаривал с нею о браке, но было ясно, что он мстил за нее не только затем, чтобы сдержать семейную клятву. Он понял это давно, и Кейт тоже, иначе она не отдала бы ему свое тело.

Но почему же он совсем не уверен в том, что она ответит?

— Женой? — Она будто впервые в жизни слышала это слово.

— Да, глупая, моей женой! — воскликнул он излишне резко и ощутил глупцом самого себя. Ну почему с нею все так непросто?

Она моргнула.

— На что тебе сдалась опороченная женщина?

Теперь уже он пришел в недоумение. Да, он взял ее. Но взамен отдал свое тело. И не только его.

— Не надо называть так то, что между нами было.

— Я не о тебе. — Она бросила взгляд в сторону обрыва. — О нем.

Он вспомнил ночь, когда она раскрыла ему свою тайну. Она запретила рассказывать остальным, потому что боялась того, что подумают о ней люди, если обо всем узнают.

— Для меня это не важно.

— Но было важно, когда ты хотел убить его.

— Мне была важна *ты* и слово, которое я тебе дал. Сам факт не имеет для меня значения, плохо только то, что из-за него ты стала такой грустной.

— Грустной? — Она посмотрела в небо, на несущие снег облака. — Какое странное

слово.

Он подавил желание затрясти ее, чтобы вывести из оцепенения. Что общего у этой пустой оболочки, одетой в женское платье, с той хрупкой, но воинственной девушкой, которую он любил?

Взяв ее за плечи, он замер. А может быть, это и есть настоящая Кейт? Может, ее воинственность была не более чем маскарадом, как и мужская броня, которую она носила?

Сможет ли он любить ее даже такой?

— Тогда подскажи мне верное слово, — смягчившись, проговорил он, привлекая ее к себе.

Она посмотрела ему в глаза и словно впервые увидела его перед собой.

— Ссыкло. Из-за него я стала ссыклом.

Два отвратительных слога. Вырвавшись из ее рта, они будто отравили сам воздух.

— Я никому не позволю так тебя называть. Даже тебе самой. И как только это пришло тебе в голову?

— Потому что я такая и есть! — Она резко взмахнула руками, разрывая его объятия.

Хорошо, что она борется. Хорошо, что ее душа оживает.

— Сторвик умер, — сказал он. — Господь наказал его.

— Мне наплевать на господя! Я хотела наказать его сама! — Она замолотила кулаками по его груди. — Сама! Своими руками!

Он хотел было заговорить, но она перебила его.

— Все должно было быть по-другому! Я должна была стать другой. Но ничего не вышло. Я не смогла остановить его. Я не смогла спасти себя. И тебя не спасла.

То была знакомая ему Кейт — та, что жаждала мести. Но подспудно она хотела совсем другого.

Она хотела изменить прошлое.

Но это было невозможно, и потому всю ненависть, которую Кейт питала к Вилли, она перенесла на себя.

— Ты же не думала, что убив его, снова станешь девственницей?

Она побледнела, шокированная его словами.

— Я думала... — начала она, но осеклась. — Я думала, что стану достойна тебя.

— Тебе не нужно никем становиться! Разве я только что не попросил тебя стать своей женой?

Она покачала головой.

— Возвращайся ко двору, Джонни, к своему королю и к своим дамам. Возьми такую жену, которая в постели с тобой не будет видеть демонов и бороться с кошмарами. Такую, которая...

Она закусила губу, чтобы не разрыдаться.

Он взял ее за руки.

— Я остаюсь здесь.

— Зачем?

Простой вопрос. Его ответ тоже был простым.

— Затем, что здесь мой дом.

Она покачала головой, вновь становясь ко всему безразличной.

— Не надо оставаться ради меня, Джонни Брансон. Я этого не заслуживаю.

Она завернулась в плащ и пошла к своему пони. Когда Джон помог ей сесть в седло,

она, не дожидаясь его, поехала по склону вниз. Смелчак бросил на него печальный, обличительный взгляд и затрусил следом.

Пока она еще могла его слышать, он прокричал:

— Позови меня, когда будешь готова! Я буду ждать.

Он будет ждать столько времени, сколько потребуется, пока Кейт снова не станет собой. Но когда он поскакал вниз, ежась от холода, то не услышал в шуме ветра прежнего утешительного шепота. И не услышит, пока она не поверит в себя снова.

Даже любовь не в силах изменить прошлое.

Я прошу тебя стать моей женой.

Весь день, лежа в одиночестве в спальне, она прокручивала в голове эти слова. Он предложил то, на что она не смела даже надеяться, и теперь ей не хватало отваги, чтобы принять это предложение.

Она боролась с Вилли, пока он был жив. Но когда он умер, то оказалось, что победа осталась за ним. Сколько бы раз она ни ложилась с Джонни в постель, воспоминания будут восставать из глубин подсознания и опутывать ее страхом — снова и снова.

Нет. Ради себя, ради Джонни она не станет так рисковать. Ему лучше взять в жены такую женщину, которая будет смеяться, любить его, уступать ему и вместе с ним творить мгновения счастья.

Те, которые она сама будет лелеять в памяти.

Тихо постучавшись, в комнату вошла Бесси со стопкой выстиранного белья в руках. Взглянув на Кейт, она коротко кивнула и, положив белоснежные простыни на кровать, убрала чистые сорочки в сундук.

— Ты не сможешь мне сменить простыни?

Кейт безучастно поднялась на ноги и принялась стягивать простыню со своей половины кровати, в то время как Бесси ловко и быстро сложила одеяло.

— Раз ты теперь носишь платья, надо бы сшить тебе новое.

Кейт вздрогнула. Бесси не вызывала ее на разговор, однако эта простая констатация факта подстегнула ее.

Невозможно прятаться в спальне вечно.

— Я не знаю, как мне жить дальше, — проговорила она.

Бесси замерла.

— На твоём месте я не смогла бы... Мне бы не хватило сил стать такой храброй, как ты, если бы меня... — Она не договорила, да это было и не нужно.

— Страх преследовал меня изо дня в день, и днем, и ночью.

И преследует до сих пор.

— Но, несмотря на это, ты не отворачивалась от него днем и отважно встречала его ночью. Это и есть самая настоящая храбрость.

Разве не то же самое она говорила Джону?

Кейт покачала головой.

— Теперь мне нужна храбрость другого рода.

— Чего ты боишься теперь?

Подвести его.

Она расправила простыни на постели, где они с Джоном занимались тем, что делают наедине мужчина и женщина. Ему нужна жена, но она не допустит, чтобы он оказался прикован к женщине, которая, лежа под ним, замирает от ужаса.

Мысли слишком интимные, чтобы ими делиться.

— Я боюсь выходить за него.

Бесси, ее терпеливая подруга, заправила уголки простыни со своей стороны кровати и со вздохом выпрямилась.

— Небеса дают людям то, что им нужнее всего. Тебе не нужно носить меч, или ходить с

ножом, или гоняться за Сторвиками. Тебе нужно просто набраться смелости и сказать «да».

Да.

Лежать рядом с ним в темноте. Да.

Делить его постель. Да.

Уступать его телу. Да.

Показывать ему свои страхи. Да или нет?

Если она не сможет преодолеть себя, то, несмотря на смерть Вилли, ее будущее будет ничем не отличаться от прошлого.

— Ты не могла бы... — Она откашлялась и начала заново: — Скажи Джону, что я готова.

* * *

Когда Бесси вышла, она встала возле кровати и, чтобы пальцы перестали дрожать, стиснула кулаки, напоминая себе, что бояться нечего.

Бояться больше нечего.

Это Джонни, сказала она себе, увидев его на пороге. Тот, кто сказал, что любит ее.

Он не торопил ее, просто молча смотрел перед собой.

Она проглотила ком в горле.

— Ты просил позвать тебя, когда я буду готова.

— Да.

Жестокий. Не стал спрашивать, готова ли она. Не дал ей возможности коротко выдохнуть «да». Он ждал, когда она сама это скажет.

— Я готова.

— Правда? — В его голосе была слышна причиненная ею боль. — К чему именно? Ты готова прожить вместе всю жизнь? Ты готова делить с мужем постель, отдаваться ему целиком, доверять свое сердце? Если ты не готова ко всему этому, то я не готов для тебя.

Выслушав его пылкую речь, она вздрогнула. Что, если она будет кричать и сопротивляться всегда, когда они будут делить постель?

Что, если она навечно останется стоять здесь, так и не набравшись смелости сказать правду?

— Я готова, — наконец заговорила она, — встречать свои страхи лицом к лицу. Если ты поддержишь меня и будешь рядом.

И тогда радость озарила его лицо, и он привлек ее в свои объятия, сильные и надежные.

— Ни о чем большем я не прошу.

— Но я боюсь, что всегда буду бояться.

Ее неуклюже выстроенные слова заставили его улыбнуться.

— Главное, чтобы ты не боялась меня. — Он слегка отстранился, точно не желая торопить события. — Я буду нежен.

Нет. От его осторожности им обоим станет только хуже. Она хотела быть с ним на равных, а не чувствовать себя обузой.

— Вилли Сторвику нет места в нашей спальне. Особое обращение мне не нужно.

— Но что, если...

— Нет! Если ты заразишься моим страхом, у нас ничего не получится. Ты храбрый

Джонни, а я твоя храбрая Кейт! — Она вздернула подбородок и прижалась к нему. — Храбрая и в бою, и в любви.

Он широко улыбнулся.

— Тогда давай скрестим оружие, моя храбрая Кейт. Обещаю, проигравших не будет.

Он поцеловал ее, и в его поцелуе не было нежности. Его язык вторгся в ее рот, сильно и властно, как предвестник того, что ждало ее впереди. Она целовала его в ответ, дразня его рот, и когда их языки встретились, стало ясно, что они оба сдались и подчинились друг другу.

Желание — новое, грубое, неподвластное контролю — забурлило внутри нее, готовое поглотить их обоих.

Не в силах больше ждать, она дернула вверх его тунику, стянула вниз его шоссы. Сегодня их соитие не будет осторожным и медленным. Она захотела его всего целиком. Ее ладони принялись жадно ласкать его горячее тело, крепкие мускулистые руки, покрытые мягкими волосками, бледную кожу его живота, которую никогда не касались лучи солнца и не обдувал ветер.

Дрожащими от нетерпения пальцами она помогла ему справиться с непривычными застежками своего платья. И когда ее одежда упала на пол, то, обнаженная, она ощутила на себе его губы.

Вот он целует ее шею, а она целует его плечо. Он дразнит ее груди, а она ласкает его бедра. Его стон и ее вздох.

Снова вернувшись к ее губам, он увлек ее в постель.

Ее мысли, ее сомнения, все исчезло. Пока он не лег на нее сверху, придавив своим весом к постели.

Она напряглась.

Он тут же скатился с нее, глотая ртом воздух.

Что за упрямое, глупое тело!

— Нет! Не останавливайся. — Пришли слезы. Любимое лицо расплылось перед глазами, но она различила неуверенность в его взгляде.

— Я не могу... когда...

А потом она прочла в его глазах, что он одержим ею так же сильно, как она одержима им. Неважно, кто из них будет сверху. В подчиненном положении не будет никто. Любовь сделала их равными, и вместе они станут единым целым.

— Ты Джонни Брансон, — сказала она. — Мужчина, которого я люблю. Мужчина, которого я хочу. Которому я разрешаю взять себя. И которого возьму в ответ.

— Вот теперь я узнаю свою Храбрую Кейт. То, на что ты сегодня решилась, требует больше смелости, чем встреча с копьем врага.

— Подари мне новые воспоминания, Джонни.

И он поцеловал ее и овладел ее телом, увлекая за собой в спасительную темноту, в мир, где они остались только вдвоем.

* * *

В спальню проникли солнечные лучи, и она проснулась, чувствуя приятную тяжесть его колена на своем бедре и ощущая себя по-новому сильной. Возможно, и ее душа когда-нибудь

исцелится, как исцелилось тело.

Он открыл глаза — свои чудесные, ласковые, голубые глаза — и улыбнулся.

— Думаю, пора объявить всем, что мы женимся.

Его жена. От счастья запело все тело до самых кончиков пальцев.

Облегчение. Потом возвращение в реальность.

— Ты хочешь остаться?

Усмехнувшись, он приподнялся на локте.

— Едва ли король Яков в настроении прощать меня. Мне еще повезет, если наш уважаемый зритель не отправит меня на виселицу.

Его небрежная улыбка встревожила ее, ведь они так и не выяснили, кто для них Карвел: друг или враг.

— Но что, если король все-таки простит тебя?

Догадавшись, чего она боится, он покачал головой.

— Я все равно останусь дома.

Дома.

Но если Роб не разрешит ему остаться, им некуда будет идти, разве что на ту незаконную пустошь, где бродил Вилли-со-шрамом.

— Но где мы будем жить?

Он потянул ее за прядку волос.

— Ну, мы с Робом кое о чем побеседовали.

Его ухмылка дала понять, что слов в их беседе было немного. Она встряхнула его за плечи.

— И что он сказал?

— Он попросил узнать, согласишься ли ты, чтобы он уступил нам свою спальню.

Она рассмеялась и, опрокинув его на спину, прильнула к его губам. И разговоры были отложены на долгое, очень долгое время.

Он до конца надеялся, что ты вернешься домой.

Неделю спустя Джон стоял на крепостной стене и слушал шепот ветра, пытаясь уловить голос отца.

— Была ли Бесси права, старик? Ты правда ждал, что я вернусь?

Назад пути нет. Как только весть о смерти Вилли-со-шрамом разнесется по долинам, на Джона начнется охота. Никакие титулы, богатство, власть и прочие королевские милости отныне ему не светят.

И тем не менее, глядя на занесенные снегом холмы, он чувствовал себя богаче любого короля. Скоро он станет мужем совершенно особенной женщины. И будет беречь ее больше жизни.

Его защита может понадобиться ей совсем скоро, когда Карвел начнет искать того, кто убил Вилли Сторвика. Кто поверит, что в его смерти виновата собака?

Он улыбнулся. Люди сложат баллады и придумают свою версию произошедшего. Пусть поют о Храброй Кейт, такой же отважной, как первый из Брансонов.

— Джонни, ты будешь ужинать? — Бесси замерла на последней ступеньке лестницы, не решаясь выйти на обдуваемую ветрами стену.

— Иди сюда, — позвал он. — Ветер уже утих.

Закат окрасил небо золотистым цветом. Бесси прислонилась к выступу стены рядом с ним и обратила взгляд на белые холмы, за которыми исчезало солнце.

— Он правда хотел, чтобы я вернулся? — Не было надобности уточнять, о ком идет речь. Он давно хотел задать этот вопрос, но все не решался, боясь услышать ответ.

— Правда.

Одно-единственное слово, но оно подарило умиротворение, которого он искал много лет, почти полжизни.

— Но я не получил от него ни единой весточки. Он ни разу не захотел узнать, как я живу. — Внутри опять всколыхнулась обида, лишь немного притупившаяся за эти годы.

Бесси покачала головой.

— О чем он мог тебе написать? О том, как Роб свалился с лошади, или о моем первом взрослом дне рождения? Ты бы только затосковал по дому, вместо того чтобы строить свою жизнь.

Неужели они не подозревали, что он и так тосковал по дому?

— Мне кажется, он надеялся, что ты вернешься, когда станешь взрослым. Как оно и вышло, — сказала Бесси.

— И что, он согласился бы отправить людей королю?

— Нет. — Ее усмешка напомнила кривую ухмылку брата. — Он бы отнесся к этому с еще меньшим энтузиазмом, чем Роб.

— Но он точно не хотел просто избавиться от ненужного сына?

Отвернувшись от погрузившихся в сумрак холмов, она заглянула ему в глаза.

— Он знал, что тебе нужно отправиться туда, где ты уже не будешь Джонни Тряпкой.

Туда, где он должен обрести себя, чтобы потом стать Брансоном.

Он был мудрым сукиным сыном, этот Рыжий Джорди. Много мудрее, чем он думал.

— Он любил такую жизнь, — проговорила она. — Роб был рожден для такой жизни. Но

для тебя он хотел другого. Он хотел, чтобы ты был волен сам выбирать свой путь.

Полной грудью он вдохнул приграничный воздух.

— Никакой иной жизни мне не надо.

Он обернулся, чтобы улыбнуться сестре, и уловил на ее лице странное выражение. Что это? Тоска? Зависть? Он вновь задумался о том, что ждет ее в жизни.

— Бесси...

— Джонни? Ты наверху?

На парапет вышла Кейт, и он, как всегда, улыбнулся, едва завидев ее.

— Поторопись, если хочешь, чтобы тебе что-нибудь осталось от пирога, а то на него уже заглядывается пес.

Бесси ахнула и поспешила вниз спасать ужин.

— А я сегодня попробую на вкус кое-что другое, — с улыбкой произнесла Кейт и опустила глаза вниз.

Его тело моментально отозвалось на ее призыв.

— Вот как? — Он сдержал улыбку. Все это для нее еще внове. Лучше не спешить. — Помни, ты можешь в любое время сказать «нет».

Она посмотрела ему в глаза.

— Я скажу «да». Да. Тысячу раз «да».

Он поцеловал ее, думая о том, что ужин может подождать.

Его дом там, где его Кейт.

И если люди короля прибудут, чтобы забрать его, что ж, вместе с Кейт и Брансонами он будет готов их встретить.

* * *

А теперь я спою о Храброй Кейт...

Многие годы спустя, когда все, кто ее знал, ушли в небытие, люди продолжали пересказывать историю о Храброй Кейт из Лиддесдейла, которая ночью, когда взошла луна, вышла на поиски своего врага. А после, как говорилось в конце песни, король отправил на границу человека, чтобы он наказал того, кто был в ответе за смерть Вилли Сторвика.

И он встретил женщину.

Но это песня для другого дня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net